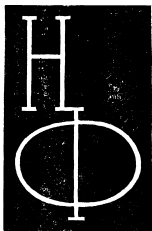

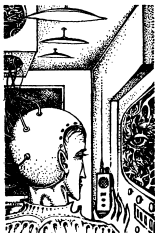
Н
Ф

**СБОРНИК
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ВЫПУСК 17

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1976**

С63
С23

Составитель **Р. Рыбкин**

С23 **Сборник научной фантастики. Выпуск 17.**
М., «Знание», 1976.

240 с.

Очередной сборник научной фантастики включает в себя переводные произведения зарубежных фантастов на медицинские и биологические темы. В книгу включены рассказы Р. Брэдберга, У. Тенна, М. Коуни, С. Корнблата и других писателей.

С $\frac{70304-92}{073(02)-76}$ Без объявл.

С63

© Издательство «Знание», 1976 г.

ОТ КАКИХ БОЛЕЗНЕЙ ЛЕЧИТ ФАНТАСТИКА!

Медицина... Самая гуманная сфера человеческой деятельности. Должно быть, само понятие гуманизма родилось тогда, когда первый человек наложил первую повязку раненому или больному соплеменнику. В жизни каждого бывают моменты, когда мы смотрим на врачей с мольбой и надеждой, страстно желая, чтобы они обладали волшебной силой. И действительно, современная наука творит чудеса, о которых не смели и мечтать несколько десятилетий назад. Впрочем, почему же не смели? Мечтать смели. С древнейших времен люди мечтали о философском камне, эликсире бессмертия, мертвой и живой воде, которая мгновенно сращивала бы переломы и затягивала раны...

В наше время, в век НТР, функции сказки приняла на себя фантастика. А фантастика легко может реализовать любые мечты. Не будем даже говорить об универсальном средстве от рака или выращивании недостающих конечностей — для фантастики это элементарно. Фантастика может вырастить неотличимую или даже улучшенную копию человека из одной клетки его тела. Фантастика может... но к чему перечисления? В каждом из рассказов, включенных в этот выпуск НФ, читатель найдет какое-нибудь новое, невиданное средство или чудесный способ лечения.

В этом сборнике издательство знакомит советских читателей с западными фантастами, пишущими на медицинские и биологические темы. Никто из этих писателей не сомневается, что наука в будущем достигнет неслыханных высот, и, казалось бы, что и людям будущего, которым не грозят никакие болезни, никакие физические страдания, и от которых отступает даже сама смерть, останется только жить и радоваться.

Но уже с первых рассказов мы замечаем, что радости в них, прямо скажем, маловато. Напротив, с каждой страницей усиливается и усиливается ощущение тревоги, ощущение неустойчивости и незащищенности человека в окружающем его страшном мире. В руках у людей могущественные силы, но это не прибавило им счастья ни на капелю, более того, эти силы щедро до-

бавляют свою долю в и без того переполненную чашу страданий людей, живущих в обществе наживы и потребления.

Но это же парадокс! Что, кроме счастья, может принести людям, скажем, тот же пресловутый антираковый препарат, о котором грезят миллионы людей? Вот он и открыт... в рассказе Т. Стэрджона «Дело Верити». Однако в «дело» вмешивается могущественная фармацевтическая компания, которой, да и не только ей, по многим причинам невыгодно выпускать общедоступное, дешевое лекарство. Еще один вариант патента, положенного под сукно. Ситуация, которая не раз встречалась в действительности. Фантастическое средство понадобилось автору лишь для того, чтобы обострить ее, чтобы еще резче показать антигуманность системы, при которой забота о здоровье и счастье людей проявляется лишь в той мере, в какой она может способствовать увеличению доходов соответствующих фирм.

Из множества отвратительных видов бизнеса бизнес, спекулирующий на здоровье, на мучениях людей, может быть, самый отвратительный. Этой теме посвящено немало рассказов сборника, но наивысшей, прямо-таки звенящей силы она достигает в «Торговцах болью» американского писателя Р. Силверберга. Популярная телепередача «Кровь и внутренности»! Непосредственная трансляция человеческих мук! Репортаж об ампутации ноги без анестезии! Сюжет Силверберга может показаться чудовищной гиперболой, но разве мы не знаем, какой мутный поток самых жутких насилий, зверских убийств, нечеловеческих пыток выплескивается на головы зрителей с теле- и киноэкранов капиталистических стран? Разница пока в том, что сегодня еще показывают пытки и убийства по большей части не настоящие, сыгранные... Впрочем, при репортажах с места военных действий не стесняются уже и сегодня...

Но, может быть, в столь мрачной картине виноват составитель, тенденциозно отобравший рассказы для сборника? Здесь представлено шестнадцать рассказов, по большей части написанных крупными, хорошо известными и советскому читателю, зарубежными фантастами, такими, как Р. Брэдбери, С. Корнблат, Г. Гаррисон, У. Моррисон, У. Тенн... Стоит сравнить рассказы из этой книги с другими их произведениями, как мы увидим, что ни о какой тенденциозности не может быть и речи, что настроения, которыми они проникнуты, не случайны — напротив, их можно считать доминирующими для западной фантастики.

Общество, которое они изображают, проецируя в будущее пугающие их черты сегодняшней жизни, извращает все нормальные человеческие чувства, стремления, цели. Талантливый химик синтезирует снадобье, переворачивающее вверх дном ощущения жи-

вых существ, которые начинают, например, стремиться к боли («Версамино» П. Леви), а мультимиллионер может присвоить не только выдающееся открытие, но и целую планету, чтобы попытаться утвердить на ней свое страшное, эгоистическое бессмертие («Во веки веков и да будет так!» Р. Блока). Не случайно заперлись в своих квартирках апатичные обыватели и глотают транквилизаторы, чтобы найти утешения в забвенье, в иллюзиях, или бегут к психиатрам, которые могут им помочь, только если сами станут слепыми и глухими, дабы не видеть несовершенства мира, о чем в несколько символической форме написал Р. Брэбери.

А может быть, лучше всего совсем отключиться, заснуть, надолго, на много лет, как это происходит в рассказе Ф. Гарсиа Павона «Переполюх в царстве Морфея»?

При всей несхожести масштабов этот рассказ приводит на ум сравнение с киноповестью Леонида Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли», в котором использован сходный фантастический ход, и даже изображение «морфилок» у Ф. Гарсиа Павона очень напоминает леоновские сальвавтории. А вот финалы произведений разительно несхожи. Памфлет советского писателя зовет людей не бежать от действительности, не прятаться от нее, а бороться, биться за улучшение жизни сейчас, сегодня, каждому. Какое право мы имеем перекладывать эту задачу на потомков?

При том здоровом заряде злости, даже ненависти к миру дельцов, уродующих человеческие души и тела, который мы находим в произведениях прогрессивных зарубежных фантастов, в общем-то, даже странно, как редко они приводят своих героев к бунту, к активному сопротивлению, к попыткам взять свою судьбу в собственные руки, хотя, конечно, не все рассказы окрашены трагическим колоритом. Можно найти в них и шутку, и улыбку, можно найти в них образы простых парней — как правило, это труженики, будь то космонавты или ученые, — которые готовы подставить свое крепкое плечо, чтобы спасти ближнего из беды. Особенно хорош рассказ Г. Гаррисона «Отверженный». Просыпается чувство порядочности у старого, опустившегося доктора из рассказа С. Корнблата «Черный чемоданчик». Не сдались и персонажи уже упомянутого «Дела Верити», они все-таки собираются подарить антираковый препарат людям. Однако здесь можно усомниться в обоснованности оптимистического финала. Как-то не верится, чтобы компания спокойно взирала на действия наивных изобретателей. Мы знаем, слышали, читали о том, сколько существует способов, чтобы заставить строптивых умолкнуть...

Не видя или не зная реальных средств борьбы, западные фантасты часто призывают к помощи извне, к добрым космическим при-

шельцам. Лишь им удалось досыта накормить безработного, правда, несколько необычным способом («Перевалочная станция» У. Моррисона).

В связи с этим особо стоит поговорить о рассказе У. Тенна «Недуг». Конечно, под «недугом» подразумевается совсем не та болезнь, которая поразила участников международной экспедиции на Марс. Да она оказалась вовсе и не болезнью. Недуг, в представлении автора, порастил человечество, неуклонно сползающее к истребительной войне, несмотря на все попытки предотвратить самоубийство. Предупреждение об атомном безумии — один из центральных мотивов англо-американских фантастов; рассказ У. Тенна для того и написан, чтобы еще раз утвердить: люди всех стран должны и могут жить в мире и дружбе. Нельзя не отметить ту несомненную симпатию, с которой английский автор обрисовал русских космонавтов. Их вовсе не мучат комплексы подозрительности, от которых никак не могут избавиться американцы. По мысли автора, потребовалось вмешательство каких-то внеземных сил, чтобы духовно переродить всех запуганных, колеблющихся, подозрительных. Пусть так. Однако мне кажется, что если бы У. Тенн написал свой рассказ после реального полета «Союза» и «Аполлона», может быть, рассказ бы выглядел несколько иначе, и оснований для оптимизма у автора было бы больше.

Как видим, мы довольно далеко ушли от собственно медицинской тематики. Это и не могло быть иначе. Изобрести любое, небывалое, невероятное лекарство на страницах фантастического рассказа проще простого. Но я предпочитаю читать о победах и перспективах медицины и фармакологии на страницах научных и научно-популярных изданий. У художественного произведения другие задачи. Литературе сподручнее лечить от социальных болезней, интересоваться не столько физиологией, сколько психологией. Нетрудно вспомнить, что и большая литература не раз обращалась к медицинской тематике и тоже для того, чтобы остро, бескомпромиссно поговорить об устройстве человеческой души и человеческого общества.

Всеволод Ревич

Роберт Блок

ВО ВЕКИ ВЕКОВ И ДА БУДЕТ ТАКИ

Во веки веков. Вечно.

Неплохо жить вечно, если вы это можете себе позволить.

А вот Сьюард Скиннер мог.

— Блоков памяти потребуется не меньше миллиарда, — сказал доктор Тогол. — А может, и больше.

Сьюард Скиннер, услышав примерный подсчет, и глазом не моргнул. Когда человек прощается с жизнью, моргание, как и всякое другое телесное движение, требует мучительного усилия. Скиннер из последних сил собрался было заговорить, но у него вырвался лишь силлый шепот.

— Проталкивайте план. Да поторапливайтесь!

План вынашивался десять лет, и последние два года Скиннер умирал, так что доктор Тогол поторапливался.

Долго-долго Сьюард Скиннер был самым богатым из живущих людей. Немногочисленные окрестные старожилы могли припомнить время, когда он был у всех на виду и его в шутку называли Межпланетным повесой. По слухам, у него на каждой планете было по женщине.

Но для большей части межпланетной публики, для молокососов, совсем не помнящих те далекие времена, имя Сьюарда Скиннера ничего не значило. В последние годы он полностью отказался от каких бы то ни было контактов с внешним миром.

Если Скиннер был самым богатым человеком, то доктор Тогол — несомненно, самым выдающимся ученым. И этих двоих неизбежно объединила общая любовь к богатству.

Для чего богатство нужно было Скиннеру, никто не знал. Что оно значило для доктора Тогола, было совершенно ясно: оно служило орудием для научных исследований. Неограниченные фонды были ключом к неограниченному экспериментированию. Вот так Тогол и Скиннер и стали партнерами.

За последние десять лет доктор Тогол развил свой план, а у Сьюарда Скиннера развился неоперабельный рак.

И вот план был готов как раз тогда, когда Скиннер был готов.

Скиннер представился.

И снова ожил.

Как хорошо оказаться живым, особенно после того, как ты умер! Чудится, что и солнце греет лучше, и мир выглядит ярче, и птицы поют нежнее. Пусть даже здесь, на Эдеме, солнце искусственное, и свет подается с помощью особых приспособлений, и пенне птиц вырывается из механических глоток.

Но сам-то Скиннер живой!

Он сидел на террасе своего большого дома на холме и, наслаждаясь «далом своих рук», смотрел вниз, на простирающийся вдали Эдем. Унылый маленький спутник, этот запущенный, лишенный растительности мирок — Скиннер купил его много лет назад — теперь преобразован в миниатюрное подобие Земли, напоминавшее ему родной дом. Под ним простирался город, очень похожий на тот, в котором он родился; здесь, на вершине холма, стоял большой особняк, в точности воспроизводящий самое лучшее жилище, которое у него когда-либо было на Земле. А вот там виднелся комплекс лабораторий доктора Тогола и внизу, в подземелье...

Скиннер прогнал эту мысль.

— Принесите мне что-нибудь выпить, — сказал он.

Скиннер-камердинер кивнул и пошел в дом, и велел Скиннеру-дворецкому приготовить коктейль.

Никто больше не пил алкогольных напитков, ни у кого больше не было ни камердинеров, ни дворецких, но Скиннер так пожелал, он вспомнил, как жили в давно прошедшие времена, и намеревался таким же образом жить и впредь. Отныне и навсегда.

Выпив коктейль, Скиннер велел Скиннеру-шоферу отвезти его в город. По дороге он смотрел из минимобилия по сторонам, наслаждаясь проносящимися картинками. Скиннер и всегда-то наблюдал за людьми, а теперь деятельность этих людей представляла для него совершенно особый интерес. Скиннеры в других минимобилиях, когда он проезжал мимо них, кивали и улыбались ему. На перекрестке Скиннер-офицер охраны махнул ему — поезжай себе. На тротуаре перед фабриками, производящими продукты питания, другие Скиннеры шли по делам, выполнять поручения. Скиннер — инженер по гидропонике, Скиннер — специалист по промышленным отходам, Скиннер — диспетчер, Скиннер — оператор на установках по выработке кислорода, Скиннер — специалист по средствам связи. У каждого в этом маленьком мирке было свое место и свои функции, которые в соответствии с планом и прог-

раммой помогали обеспечивать плавный и действенный ход событий.

— Ясно одно,— сказал некогда Скиннер доктору Тоголу.— У меня не будет никаких компьютеров. Я не хочу, чтобы моих людей контролировали машины. Они не роботы, все до единого — люди, и они будут жить как люди. Полная ответственность и полная обеспеченность — вот вам секрет наполненной жизни. В конце концов они так же важны для здешнего уклада, как и я сам, и я хочу, чтобы они были счастливы. Может, для вас все это не имеет значения, но вы должны помнить, что они — моя семья.

— Больше, чем семья,— сказал доктор Тогол.— Они — это вы сами.

И это было правдой. Они были он сам — или часть его. Каждый из них действительно был Скиннером, выросшим из одной клетки, воспроизведенным и развившимся при совершенствовании процесса доктора Тогола.

Процесс этот назывался клонированием, и он был очень сложным. Сама теория клонирования тоже была сложной, и Скиннер так никогда и не понял ее целиком. Но у него и не было в том нужды; это уж была задача доктора Тогола — создать теорию клонирования и разработать способы претворения ее в жизнь. Скиннер обеспечивал финансирование, лабораторные работы, оборудование, благоприятные условия для исследований. Средства — его, а способы — доктора Тогола. И под конец — когда этот конец наступил — из тела Скиннера была изъята ткань с живыми клетками для образования клонов, которые были изолированы и помещены в питательную среду. Эти клоны прошли цикл сложного превращения в подобие самого Скиннера. Не репродукции, не имитации, не копии — это было подобие его самого.

Взглянув на зеркало заднего обзора минимобилия, Скиннер увидел шофера — в зеркале отразились его собственное лицо и тело. Выглянув из окна, увидел себя в любом человеке, мимо которого он проезжал. Каждый из этих Скиннеров был высокого роста мужчина, давно переваливший за средние годы, но с юношеской энергией — следствием тщательного соблюдения режима, предлагаемого передовой витаминной терапией, и полного омоложения органов; следствием дорогостоящего медицинского ухода, который уничтожил разрушительное действие метастазов. А поскольку карцинома — не наследственное заболевание, то оно не передалось клонам. Все Скиннеры были в добром здравии, как и он сам. И как и он сам, они несли в себе действенные клетки — семена бессмертия.

Вечно...

Они будут жить вечно, как и он.

Они были он сам, физически неотличимые, разве что одежда на них была неодинаковая — форма указывала на различные роды деятельности и помогала их опознавать.

Мирок Скиннеров в мире Скиннера.

Конечно, возникали и проблемы.

Этот вопрос они обсуждали давно, еще прежде, чем доктор Тогол приступил к работе.

— Одного полноценного клона вполне достаточно, — сказал доктор Тогол. — Один жизнеспособный отпечаток вашей личности — это все, что вам нужно.

Скиннер покачал головой.

— Слишком рискованно. А вдруг несчастный случай? Тогда мне конец.

— Прекрасно. Оставим в резерве еще какое-то количество вашей клеточной ткани. Само собой, будем ее тщательно охранять.

— Охранять?

— Ну да, — кивнул доктор Тогол. — Этот самый Эдем, ваш спутник, будет нуждаться в охране. И поскольку вы, кажется, собираетесь обходиться без компьютера, значит, вам нужны кадры. Другие люди, которые будут работать, обеспечивать течение дел, составлять вам компанию. Ясно как день, что вы не захотите жить вечно, если вам придется эту вечность проводить в одиночестве.

Скиннер нахмурился.

— Я не доверяю людям. Ни охранникам, ни служащим, и уж, конечно, друзьям.

— Так-таки никому?

— Я доверяю себе, — сказал Скиннер. — Поэтому я хочу иметь побольше клонов. Столько, сколько нужно для того, чтоб Эдем был независим от любых пришельцев.

— Целый спутник, заселенный только Скиннерами?

— Вот именно.

— По-моему, вы чего-то не понимаете. Если процесс пройдет успешно и мне удастся воспроизвести больше чем одного Скиннера, то они ведь разделят с вами все. У них будет не только тело, идентичное вашему, но и такие же умственные способности. У них будут те же воспоминания, что и у вас, до того самого момента, пока эти клетки извлекли из вашего тела.

— Понимаю.

— Так ли? — доктор Тогол покачал головой. — Скажем, я последую вашим указаниям. С технической точки зрения это возможно — если одно-единственное клонирование пройдет успешно, то остальные — тоже. Просто все обойдется дорожке.

— Значит, никаких проблем и не возникает?

— Я же сказал вам, что возникают. Тысяча Скиннеров похожи друг на друга как две капли воды. Они выглядят одинаково, думают одинаково, чувствуют одинаково. И вы — вы сегодняшний, умноженный процессом клонирования, — будете только одним из многих. Вы решили, какую работу выберете себе в этом вашем новом мире, как только станете бессмертным? Хотите присматривать за энергетическими установками, или разгружать запасы, или же вы бы предпочли целую вечность торчать на кухне в большом доме?

— Конечно, нет, — рявкнул Скиннер. — Я хочу быть только тем, кто я сейчас.

— Боссом. Важной шишкой. Мистером Пупом, — Тогол улыбнулся, потом вздохнул. — В том-то и дело. И все остальные Скиннеры захотят того же. Каждый ваш двойник будет иметь те же желания, те же цели, то же стремление властвовать, контролировать других. Потому что у всех у них будет точь-в-точь такой же, как у вас, мозг и нервная система.

— Вы хотите сказать — такие же, какие будут у меня к тому времени, когда они возродятся к жизни?

— Вот именно.

— Но с этого момента вы введете новую программу. Меняющую поведение. — Скиннер быстро кивнул. — Я знаю, что для этого есть специальные методы. Обучение во сне, глубокий гипноз — ну, то, что психологи используют, чтобы изменить поведение преступника. Вы введете блоки памяти.

— Но мне нужен целый психомедицинский центр, полностью оборудованный...

— Он у вас будет. Но я хочу, чтобы весь процесс клонирования вы произвели здесь, на Земле, прежде чем хоть кого-то отправить на Эдем.

— Не убежден, что так будет лучше. Вы просите создать новый народ, но чтоб у каждого была своя личность. Такого Скиннера, который, помня свое прошлое, теперь будет довольствоваться тем, что он простой гидропонный садовник, такого Скиннера, который удовольствовался бы тем, что он вечно будет бухгалтером, такого Скиннера, который бы жаждал посвятить свое бесконечное существование делу ремонта.

Скиннер передернулся.

— Работа трудная и сложная, я знаю. А потом вам еще нужно будет повозиться с трудной и сложной личностью — со мной. — Он натужно прокашлялся, прежде чем продолжить речь. — Дело не в том, что я единственный и неповторимый. Все мы намного более сложны, чем кажемся на первый взгляд, и вы это знаете.

Любое человеческое существо — источник противоречивых импульсов: одни из них выражены, другие — подавлены. Я знаю, что какая-то часть меня всегда была близка к природе, к земле, к развитию и росту жизни. Я с детских лет похоронил эту сторону моего существа, но память о ней осталась. Выявите эти грани, и у вас будут садовники, фермеры, да и средний медицинский персонал тоже.

Еще одна часть меня до сих пор остается околдованной фактами и цифрами, тонкостями математики. Изолируйте этот аспект моей личности, создайте условия для его полного выражения, и вы получите бухгалтера и помощь, в которой вы нуждаетесь для того, чтобы на Эдеме все шло гладко и плавно.

Нет нужды говорить вам, что начало своей деятельности я посвятил в основном научным изысканиям и изобретениям. У вас не будет никаких проблем, если вы создадите Скиннеров со склонностью к технике, чтобы обеспечить персоналом силовые агрегаты или чтобы Скиннеры водили разные машины.

Богатства разума безграничны, доктор. Только научитесь их правильно эксплуатировать, и вы получите работающий мир, где все самые маленькие административные посты занимают Скиннеры, у которых есть желание играть роль полицейского, или старшего рабочего, или надзирателя, и все лакейские обязанности там будут выполнять Скиннеры, которые страстно желают служить. Развивайте эти специфические черточки и склонности, усильте их, сотрите в памяти все то, что может вступить в конфликт с этими свойствами, а остальное легче легкого.

— Легче легкого? — нахмурился доктор Тогол. — Вложить им в мозг то, что нужно?

— Всем, кроме одного, — голос Скиннера был твердым. — Один останется нетронутым, он будет воспроизведен целиком в том виде, который есть. И этим одним буду я.

Седовласый маленький доктор с брюшком долго всматривался в Скиннера.

— И вы не допускаете мысли о каких-то исправлениях? Не хотите изменить некоторые ваши личные свойства?

— Я не считаю себя совершенством, если вы это имеете в виду. Но я доволен собой, таким, какой я сейчас. И таким, кем я стану после того, как вы приведете наш план в исполнение.

Доктор Тогол продолжал пристально всматриваться в него.

— Вы говорите, что научились никому не доверять. Если это так, а я склонен верить вам, откуда же вы знаете, что можно доверять мне?

— Что вы хотите сказать?

— Нам, обоим известно, что вы одной ногой в могиле. Это только вопрос времени. Возможность дать вам новую жизнь при помощи клонирования — всецело в моих руках. А что если я на это не пойду?

Скиннер встретился с пристальным взглядом доктора Тогола.

— Вы это сделаете еще до того, как я умру. Задолго до того, как я буду беспомощным и неспособным отдавать приказы, вы в соответствии с моим повелением создадите клоны. Уверю вас, я намерен жить до тех пор, пока все клоны не будут готовы к транспортировке на Эдем.

— Но потом вы все же умрете, — настаивал доктор Тогол. — И останется один клон, избранный вами в качестве своего представителя — единственный, который по вашему требованию должен остаться неизменным. Почему же вы так убеждены, что я буду повиноваться вашим указаниям после того, как вы умрете? Я мог бы при помощи некоторых психологических методов видоизменить личность вашего клона в любом удобном мне направлении. Что помешает мне сделать ваш клон рабом моих желаний — чтобы я стал истинным хозяином созданного вами нового мира?

— Занятно, — пробормотал Скиннер. — Но вы поступите в точности так, как я велел, потому что вы фанатик своего дела и вам очень любопытно узнать, что из всего этого получится. Никто другой из живых людей не даст вам средства и возможности для того, чтобы вы претворили проект клонирования в жизнь. Если эксперимент пройдет успешно, вы сделаете самое эпохальное открытие в науке за все время ее существования, а потому вы не совершите предательства по отношению к своему долгу, не провалите работу и не откажетесь от нее. А раз уж вы так далеко зайдете, то не сможете воспротивиться и остальному. Особенно когда сообразите, что это только начало.

— Не понимаю.

— Я всю жизнь шел вперед, руководствуясь принципами силы и самоутверждения. Вы знаете, чего я добился. Сейчас я, по моему, богаче и могущественнее всех в Галактике. Теперь я болен, но благодаря вам собираюсь поправиться. И не только поправиться, но обрести бессмертие. Учтите, какая у меня будет уверенность, когда я освобожусь от болезни, навсегда буду свободным от страха смерти. С моей пробивной силой мы сможем пойти намного дальше — к великим идеям, к великим достижениям — разгадать все тайны, сломать все преграды, встряхнуть звезды.

Вы не сможете втайне от меня видоизменить мой мозг, потому что вы захотите быть частью всего этого — видеть все и вносить свой вклад в наше дело. Ведь верно, доктор?

Взор доктора Тогола дрогнул. Он ничего не ответил, так как знал, что все это правда.

Это и было правдой.

Процесс клонирования прошел так, как запланировал Сьюард Скиннер. Вслед за этим был осуществлен проект психологической подгонки к требуемому состоянию, хотя он оказался намного более сложным, чем кто-либо мог вообразить.

Последним звеном было создание штата из нескольких сотен техников высшего класса, специально обученных, разделенных на психомедицинские подгруппы, предназначенные для отдельных клонов, которых выращивали до взрослого состояния и превращали в полноценных особей. Под наблюдением доктора Тогола эти специалисты подготовили программы для блокировки памяти, для создания личности каждого отдельного Скиннера, чтобы он был способен к своей роли на Эдеме.

После этого карусель завертелась.

Космический транспорт, пилотируемый только Скинерами, специально обученными для этой цели, доставил других Скинеров на каменистую поверхность уединенного спутника. Все новые и новые космические корабли, пилотируемые Скинерами, перевозили бесконечное количество материалов, нужных для того, чтобы преобразовать пустынные просторы Эдема в мир мечты Сьюарда Скинера.

На равнине вырос мини-город, на склоне холма был выстроен дом, а внизу возникло подземелье лабораторного комплекса. Каждый шаг этой операции производился в обстановке такой строжайшей секретности, под такой охраной, что никто из посторонних ни о чем не подозревал.

С течением времени шаги перешли в гонку — гонку со смертью.

Скиннер умирал. Только неправдоподобным усилием воли он продолжал жить и проследил за тем, чтобы уничтожили следы работ доктора Тогола на Земле.

После этого они с доктором Тоголом отправились на Эдем, предварительно распорядившись отправить туда, в новый лабораторный корпус, весь психомедицинский штат до последнего человека.

Для этого был организован последний рейс космического корабля.

Скиннер отчетливо помнил вечер, когда он лежал на смертном одре в своем доме на склоне эдемского холма, а доктор Тогол, сидя возле него, ждал, когда придет корабль.

На экране передатчика в затемненной комнате появилась мерцающая надпись — ужасное сообщение:

ПОСЛЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ПЛУТОНА ПАДЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ И
ВЗРЫВ — КОРАБЛЬ ПОЛНОСТЬЮ РАЗРУШЕН — НИКТО НЕ УЦЕЛЕЛ

— Боже мой,— сказал Тогол.

И тут он в блеклом свете увидел на лице умирающего улыбку. И услышал прерывистый шепот:

— Вы действительно поверили, что я когда-нибудь позволю кому-то постороннему проникнуть сюда — подсматривать, вмешиваться, попытаться раскрыть мои секреты и унести их в другие миры?

Тогол уставился на него.

— Подорвать корабль, уничтожить весь обслуживающий персонал! Все равно вам это не поможет.

— Дело сделано,— гримаса исказила лицо Скиннера.— Никто на борту не знал о месте назначения. Они думали, мы отправляемся на Ригель. Все, что произошло, будет считаться несчастным случаем.

— Если я не напишу правду в своем отчете.

На лице умирающего появилось карикатурное подобие улыбки.

— Вы этого не сделаете. Потому что в моих бумагах хранится подробное описание всех наших деяний. Вы в них участвуете как мой сообщник. Только откройте рот, и вы подпишете свой смертный приговор.

— Вы забываете, что и я могу подписать ваш,— заметил доктор Тогол.— Просто разрешу природе взять то, что ей принадлежит.

— Если вы дадите мне умереть, то, что хранится в моих бумагах, станет известным. У вас нет выбора. Вам придется пройти через все — продолжить клонирование и воспроизвести меня в том виде, в каком я хочу.

Тогол глубоко вздохнул.

— Так вот почему вы были уверены, что я вас никогда не выдам. Нет, вы не рассчитывали на любопытство ученого. Вы все заранее продумали и твердо решили наложить на меня лапу.

— Я же говорил вам — я человек сложный,— Скиннер поморщился от боли.— Настало время превратить меня в здоровую и гармоническую личность. И вы начнете сейчас же, сегодня вечером.

Это был не приказ, а просто констатация факта.

Доктор Тогол приступил к выполнению плана.

Сьюард Скиннер был ему очень благодарен, благодарен за то, что его новое «я» — клон — возникло из небытия прежде, чем туда ушло его старое тело. Потому что если бы Тогол дождался конца, новый Скиннер сохранил бы память о смерти старого. А этого не может выдержать никто.

И вот в лаборатории начала расти живая ткань, которая превратилась в Скиннера еще до того, как разлагающееся, изнуренное болью тело в доме Скиннера прекратило свое существование.

Скиннер не помнил, как и когда он умер — он был слишком занят процессом возвращения к жизни.

Работать одному, без всяких помощников, было очень трудно, но доктор Тогол быстро и небезуспешно справился со всеми затруднениями при помощи других Скиннеров, которым он сумел передать элементарные медицинские познания. А затем он склонировал целый медицинский штат: доктора Скиннера-психотерапевта, доктора Скиннера — главного хирурга, доктора Скиннера-диагноста и дюжину других.

— Вот видите, нам не понадобился никто со стороны, — заявил Тоголу новый Скиннер, когда все кончилось. — Мы совершенно не нуждаемся в посторонней помощи. А когда у этих Скиннеров станут заметны следы увядания, и они начнут хуже выполнять свои функции, их заменят новые клоны. Каждый мечтает о бессмертии, и вот эта мечта осуществлена.

— Каждый? — доктор Тогол покачал головой. — Только не я.

— Значит, вы идиот, — заявил Скиннер. — У вас есть возможность создать свой клон и жить вечно, как и я. Я подарил вам эту привилегию. Что вам еще нужно?

— Свобода.

— Но вы же здесь свободны. В вашем распоряжении ресурсы всей Галактики — вы можете неограниченно расширять свою лабораторию, проводить исследования в других областях, как я вам и обещал. Лекарство против рака, о котором болтают вот уже не менее ста лет — разве вам не хочется его открыть? Вы ведь изобрели поразительные приемы блокировки памяти, но это только начало новой психотерапии. Вы можете создавать новых индивидуумов, моделировать человеческие характеры по собственной воле...

— По вашей воле? — горько улыбнулся Тогол. — Это ваш мир. А мне нужен мой собственный. Старый мир с обыкновенными людьми, мужчинами и женщинами.

— Вы отлично знаете, почему я решил обойтись без женщин. Они вовсе не обязательны для продолжения рода человеческого. К счастью, в моем возрасте половое влечение не играет большой роли. Женщины только осложнили бы наше существование, не выполняя никаких полезных функций.

— Нежность, сострадание, понимание, дружба, — пробормотал Тогол. — Все это, согласно вашему определению, нефункционально?

— Стереотипы. Чепуха. Сентиментальные слюни по поводу биологической роли, которую вы и я сделали ненужной.

— Вы все сделали ненужным,— заявил Тогол.— Все, кроме муравьиной деятельности вашей клоновой колонии. Искривленные, искалеченные, ущербные личности, созданные вам на потребу.

— Но при всей своей ущербности они счастливы,— сказал Скиннер.— Да это и неважно. Важно то, что я не изменился. Я не ущербный.

— Неужели? — Тогол безрадостно улыбнулся. Он кивком головы указал на дом и взмахом руки как бы охватил террасу и простиравшийся под нею город.

— Все, что вы здесь понастроили, все, что вы создали,— это ведь из-за страха, больше всего калечащего людей,— из-за страха смерти.

— Но все люди боятся смерти.

— Боятся настолько, что всю жизнь только и пытаются укрыться от мысли о собственной брэнности? — Тогол покачал головой.— Вы знаете, под моей лабораторией есть некое помещение. Вы знаете, почему оно было построено. Вы знаете, что в нем находится, но ваш страх настолько велик, что вы боитесь признаться себе самому, что оно существует.

— Проводите меня туда.

— Да неужели?

— Пойдемте. Я покажу вам, что я не испугаюсь.

Но он испугался.

Не успели они дойти до лифта, как Скиннера затрясло, а когда они начали глубокий спуск на нижний уровень, его стала бить неукротимая дрожь.

— Ну и холодище здесь, внизу,— пробормотал он.

Доктор Тогол кивнул.

— Температурный контроль,— сказал он.

Они выбрались из лифта и пошли по темному коридору к помещению, обитому стальными листами. У дверей стоял часовой — Скиннер из охраны и, когда они приблизились к нему, приветственно улыбнулся. По приказу Тогола он достал ключ и открыл дверь.

Сьюард Скиннер не глядел на часового и не хотел видеть то, что было за дверью.

Но доктор Тогол уже вошел, и Скиннеру не оставалось ничего, кроме как идти за ним. Идти за ним в тусклом свете холодного помещения, к неясно вырисовывающимся в самом его центре рядом контрольных устройств, которые выли и жужжали, к переплетению труб, что, извиваясь, тянулись со всех сторон к прозрачному стеклянному цилиндру.

Скиннер уставился на цилиндр. Очертания в полумраке его были похожи на гроб, да это и был гроб, в котором Скиннер увидел...

Самого себя.

Свое собственное тело, изношенное, иссохшее тело, от которого были взяты клоны: оно плавало в чистом растворе среди разного рода клемм и тонких, как паутина, проводов, которые, проходя сквозь стеклянный цилиндр, соприкасались с замороженной плотью.

— Он не мертв, а находится в растворе при низкой температуре,— пробормотал доктор Тогол.— Криогенный процесс, поддерживающий вас в таком состоянии, когда жизненные функции приостановлены на бесконечно долгое время...

Скиннер опять вздрогнул и отвернулся.

— Почему? — прошептал он.— Почему вы не дали мне умереть?

— Вы же хотели бессмертия.

— И я его получил. Вместе с этим новым телом и с остальными...

— Плоть бrenна. Любой несчастный случай может ее уничтожить.

— У вас есть клеточная ткань про запас. Если что-нибудь случится со мной — теперешним — вы повторите клонирование.

— Только если в процессе клонирования будет участвовать старое тело. Его нужно сохранить для такого рода крайних случаев живым.

Скиннер принудил себя еще раз взглянуть на существо — труп, покоящийся в стеклянном саркофаге.

— Но оно не живое, оно не может уча...

И все же он знал: оно было живое, знал, что криогенный процесс преследовал одну цель: сохранить минимальные жизненные силы в состоянии гибернации до тех пор, пока медицина не научится задерживать и побеждать болезни, не научится постепенно повышать температуру таких тел и успешно возвращать их к полноценной сознательной жизни.

Скиннер понял, что эта цель еще ни разу не была достигнута, но это было вполне возможно. Наступит день, когда методология всего процесса окажется настолько совершенной, что Скиннера можно будет воссоздать заново не в виде клона, но, так сказать, первоначального Скиннера, еще раз восставшего из мертвых — соперника ему самому, нынешнему.

— Уничтожьте это,— сказал он.

Доктор Тогол уставился на него.

— Вы сошли с ума. Вы не можете...

— Уничтожьте это.

Скиннер повернулся и вышел из подземелья.

Доктор Тогол остался в одиночестве и только через много-много времени вернулся в дом Скиннера. Он так и не сказал,

что делал там внизу, а Скиннер не расспрашивал его. Они больше не говорили о подземелье.

Но с этой ночи отношения Скиннера и Тогола стали уже не те, что прежде. Не было больше споров о будущем, о новых планах и экспериментах. Было только все усиливающееся напряжение, ожидание, атмосфера неопределенности и отчуждения. Все больше и больше времени доктор Тогол проводил в своих лабораториях и в собственной комнате, примыкавшей к ним. А Скиннер жил своей жизнью, совершенно одинокий.

Один. И вместе с тем не один. Ибо это был его мир. Он был населен людьми, созданными по его образу и подобию. Нет бога, кроме Скиннера. И Скиннер — пророк его.

Это была священная заповедь, закон. А если доктор Тогол не пожелал следовать ему...

Сьюард Скиннер, шагая по улицам своего собственного города, подошел к музею.

У дверей его поджидал Скиннер-шофер, с почтительной улыбкой выслушавший брошенное приказание, а Скиннер — музейный привратник радостно кивнул входящему Сьюарду Скиннеру.

Скиннер-смотритель почтительно приветствовал его, очарованный зрелищем посетителя. Никто другой никогда не приходил в музей, за исключением его хозяина. В сущности, сама идея создать музей была странной причудой, архаизмом, привнесленным сюда из далекого прошлого, с Земли.

Но Сьюард Скиннер чувствовал потребность в подобном заведении, в хранилище, витрине для произведений искусства и предметов материальной культуры, собранных им в прошлом. И хотя он мог наполнить его сокровищами и трофеями, собранными по всей Галактике, он пожелал выставить здесь лишь вещи, привезенные с Земли, к тому же устаревшие — сувениры и памятные пустячки, представляющие древнюю историю. Тут, в этих залах, были собраны богатства и реликвии далекого прошлого, отдаленного во времени и пространстве. Картины из дворцов, скульптуры и статуи из храмов, драгоценности, безделушки, роскошные пустячки, которые когда-то олицетворяли королевский вкус и были извлечены из королевских гробниц.

Скиннер проходил мимо выставленной напоказ славы прошлого, не удоставая ее взглядом. Обычно он мог часами с восторгом рассматривать древний телевизор, библиотеку печатных книг, одетую в герметическую оболочку из плексигласа, машины-автоматы, реконструированные автомобили с бензиновыми моторами, приведенные в полную боевую готовность.

Сегодня же он сразу направился в отдаленную комнату и указал на один из выставленных там предметов.

— Дайте мне это.

Смотритель скрыл свое недоумение под вежливой улыбкой, но повиновался.

Скиннер повернулся и пошел назад. Поджидавший у дверей шофер препроводил его в минимобиль.

Мчась по улицам, Скиннер с улыбкой оглядывался на прохожих и наблюдал за тем, как они спешили каждый по своим делам.

Как мог Тогол назвать их ущербными? Они были так счастливы своей работой, они жили полной жизнью. Каждый из них был смоделирован так, чтобы нести свой жребий без чувства зависти, соперничества или злобы. Благодаря моделированию и выборочной блокировке матриц памяти они казались гораздо более удовлетворенными, чем сам Сьюард Скиннер, рассматривавший их по дороге домой.

Но и он найдет удовлетворение и очень скоро.

В тот вечер он призвал к себе доктора Тогола.

Сидя на террасе в сумерках и вдыхая синтетический аромат искусственных цветов, Скиннер с улыбкой приветствовал ученого.

— Садитесь,— сказал он.— Пора нам с вами поговорить.

Тогол кивнул и с усталым вздохом опустился в кресло.

— Замучились?

Тогол кивнул.

— В последнее время я был очень занят.

— Я знаю.— Скиннер повертел в руках рюмку с бренди.— Да, собирать сведения, касающиеся нашего проекта,— должно быть, весьма утомительное занятие.

— Мне очень важно собрать исчерпывающие сведения.

— Вы все записали на микро пленку, не так ли? Бобинка, такая крохотная, что ее можно сунуть в карман. Очень удобно.

Доктор Тогол выпрямился и застыл в кресле.

Скиннер улыбался ангельской улыбкой.

— Вы собирались тайно переправить ее куда-то? Или взять ее с собой на следующем корабле, который полетит на Землю?

— Кто вам сказал...

Скиннер пожал плечами.

— Но это же очевидно. Теперь, когда вы достигли цели, вам понадобилась слава. Триумфальное возвращение. Ваше имя и признание, эхом гремящее по всей Галактике...

Тогол нахмурился.

— Для вас естественно все воспринимать с точки зрения вашего «эго». Для меня это не так. Еще до того, как все началось, вы мне сказали, что я могу сделать самое эпохальное открытие всех времен. Открытие должно служить всем.

— Я оплатил исследования, я авансировал проект, он моя собственность.

— Ни один человек не имеет права лишать человечество знаний.

— Это моя собственность,— повторил Скиннер.

— Но я не ваша собственность.

Доктор Тогол встал.

Улыбка Скиннера погасла.

— А если я вас не отпущу?

— Я бы вам не советовал.

— Угрожаете?

— Констатирую факт.

Тогол смело встретил взгляд Скиннера.

— Дайте мне уйти с миром. Поверьте моему слову, ваш секрет не будет разглашен. Я опубликую свои находки, но сохраню вашу тайну. Никто не будет знать местонахождения Эдема.

— Я не привык торговаться.

— О, мне это известно,— кивнул доктор Тогол,— поэтому я принял некоторые меры предосторожности.

— Какие же именно? — хихикнул Скиннер, наслаждаясь ситуацией.— Вы позабыли, ведь этот мир — мой.

— У вас нет никакого мира.— Тогол, нахмурившись, смотрел ему прямо в лицо.— Все вокруг — лишь туманное отражение в зеркале. Вот к чему приводит мания величия, доведенная до абсурда. В древние времена конкистадоры и короли окружали себя портретами и изображениями, восхвалявшими их триумфы, требовали возведения статуй и пирамид — памятников своему тщеславию. Слуги и рабы пели им хвалы, священники возводили храмы во славу их божественной сущности. Вы сделали то же самое и даже больше, но все это долго не продержится. Человек не остров. Самые высокие храмы рушатся, самые лстивые приверженцы обращаются в прах.

— Вы отрицаете, что дали мне бессмертие?

— Я дал вам то, что вы хотели, то, что имеет каждый, кто гонится за властью,— иллюзию собственного всеислия. Храните ее на здоровье. Но если вы попытаете меня остановить...

— Именно это я и собираюсь сделать.— На лице Сьюарда Скиннера опять появилась улыбка.— И сию минуту...

— Скиннер! Ради бога.

— Вот именно! Ради меня...

Продолжая улыбаться, Скиннер опустил руку в карман куртки и вытащил предмет, который он взял из музeya.

В сумерках сверкнуло пламя. Тишину разорвал короткий резкий звук, и доктор Тогол упал с пулей между глаз.

Скиннер кликнул Скиннера, который стер крохотную струйку крови на полу террасы. Два других Скиннера унесли тело.

И жизнь продолжалась.

Она будет продолжаться вечно, ей не грозит вмешательство извне. Скиннер был в безопасности в мире Скиннеров. Он мог свободно строить дальнейшие планы.

Конечно, доктор Тогол был прав. У него мания величия. Нужно смотреть правде в лицо. Скиннер это признавал. Ему было легко в этом признаться, потому что он не был сумасшедшим, он был лишь реалистом, а реалист всегда признает истину — то что человеческое «эго» — самодовлеющая величина. Как это просто для сложного человека!

Но даже Тогол не понимал, насколько сложен Скиннер. Насколько сложен, что может строить дальнейшие планы. Он их уже давно вынашивал.

Бессмертие и независимость здесь, в его собственном мире — это только начало. Предположим, что бесконечные возможности заселить миры Галактики Сьюярдами Скиннерами будут реализованы до конца, до неизбежного конца каждого нового мира.

На это потребуется время. Но ведь перед ним бесконечность. На это потребуются усилия. Но ведь бессмертие перечеркнет усталость. У него в руках будут и способы, и средства, в конце концов он получит и то и другое. Постепенно его планы превратятся в жизнь, и тогда в Галактике не останется никого, кроме господ бога... Скиннер, лишь Скиннер во веки веков. И да будет так!

Скиннер сидел на террасе, уставясь в пространство. Темнота окутывала землю. Неясный план постепенно приобрел четкие очертания в его мозгу — восприимчивом, бессмертном мозгу, который будет работать вечно.

Конечно, существует способ и очень простой. Скиннеры-ученые будут трудиться, разрабатывая детали. А с его средствами нет ничего фантастического или невозможного. Все будет очень просто. Нужно лишь создать мутанта, микроорганизм, вирус, обладающий иммунитетом, а затем разбросать его на кораблях по основным планетам Галактики. Человеческая жизнь, животная и растительная жизнь — все погибнет в этом вихре. Навсегда, во веки веков — и да будет так!

Быть самым богатым человеком в мире — ну и что? Самым мудрым, самым сильным, самым могущественным — тоже недостаточно. Но быть единственным человеком — во веки веков...

Сьюард Скиннер засмеялся.

И вдруг совершенно неожиданно его смех перешел в визг.

Скиннер визжал. Этот визг слышался по всему миру. Он эхом отдавался в музее, в апартаментах зрителя, нарастал на улицах, где охрана несла караул, раздвинул рот спящего шофера, разом вылетел из уст всех Скиннеров, которые вдруг оказались там.

И Скиннер, который сидел на террасе, тоже оказался там. Доктор Тогол в свое время действительно принял меры предосторожности и действительно отомстил. И он это сделал так просто!

В склепе, где настоящий Сьюард Скиннер плавал в ледяном растворе, сохранявшем его в состоянии гибернации, он подготовил все для того, чтобы температурный контроль отключился.

Доктор Тогол не уничтожил труп в подземелье. Он сохранил тело, оно было живым, и сейчас оттаивало, а вместе с этим к нему возвращалось сознание. Это было сознание настоящего Сьюарда Скиннера, который проснулся в черном, булькающем чану лишь для того, чтобы задохнуться и, поперхнувшись, умереть.

И потому, что к нему вернулось сознание, все его клоны связанные с этим телом, осознали то же, что и он, испытали шок и страшные ощущения, пока исчезали искусственные блоки памяти и части вновь превращались в целое.

Через минуту то, что было в склепе, погибло. Но погибло не раньше, чем все Скиннеры испытали предсмертную агонию, которая для них никогда не кончится, ибо они, клоны, были бессмертны.

Визг Сьюарда Скиннера смешался с визгом всех до единого Скиннеров в его мире — и этот визг будет длиться во веки веков!

Перевела с английского
Е. Ванслова

Майкл Дж. Коуни

P/26/5/ПСИ И Я

Через какое-то время я узнал человека, сидящего за столом напротив меня, и судя по всему, это был хороший признак. Если я его узнал, стало быть, у меня пробудился интерес к окружающему.

— Когда вы в последний раз выходили из своей комнаты?

Его губы двигались: это были толстые губы, не чувственные, но слегка надменные. В его тщательном выговоре ощущалась какая-то цепкость, словно он пробовал на вкус каждое слово, отметаая всякий словесный мусор, прежде чем его речь достигнет ушей слушателей. Губы гармонировали со всем его лицом, широким, круглым и, что называется, холмным. Он источал добродушие. Это был человек, который умел заводить друзей и подбирать выражения.

— Когда вы последний раз выходили из своей комнаты?

Его глазки, поблескивая между складок плоти, добродушно рассматривали меня. Они как бы говорили, что мне не о чем беспокоиться.

И я им поверил, так как это был путь наименьшего сопротивления.

— Кажется, в прошлом месяце,— ответил я.

— Время утратило всякое значение, да? — он сочувственно кивнул мне.

На его обитом кожей письменном столе лежала только одна папка — мое дело, и, открыв ее, он стал перелистывать страницы. Он начинал лысеть: я это заметил, когда он наклонил голову при чтении — я еще задал себе праздный вопрос, беспокоит ли его это.

— Вас это беспокоит? — спросил он, сверхъестественным образом переключив мои мысли. — Рождаемость, перенаселенность, Марс, проблема питания? Когда вы сидите в своей комнате, появляется такое ощущение, будто вас заперли? Вас что-то давит?

— Нет,— чистосердечно ответил я.

— Почему же вы тогда не выходите на улицу? — спросил он.

В его прямоугольном кабинете стены были желтые, а потолок — зеленый, и за спиной этого человека синело распахнутое окно, откуда открывался вид на крыши, теряющиеся в бесконечной дали. Когда они вывели меня из моей комнаты и доставили сюда, меня охватил ужас. Повсюду так много людей...

— Так почему же вы не выходите? — спросил он.

— Видимо, потому, что не хочу.

Я не думал, что такой ответ его удовлетворит, но он зеленой шариковой авторучкой сделал пометку в моей папке.

— После звонка с Центральной мои люди нашли вас в вашей комнате,— просветил он меня, будто я и без него этого не знал. — При выборочной проверке на пульте управления Центральной выяснилось, что ваша дверь не открывалась вот уже два месяца. Вас нашли сидящим в кресле рядом с горой еды, и 3-V был отключен. Поставили диагноз «хроническая апатия», я думаю, правильный, и привезли вас сюда.

Меня это несколько разозлило, потому что показалось посягательством на мою личную свободу.

«Чертовы стукачи»,— пробормотал я так глухо, чтобы он не расслышал. Он-то был ничего, а вот Центральной я на дух не брал. Повсюду суют свой нос!

— Большой город,— продолжал он. Его звали Форд; это имя украшало маленький пластиковый значок на куртке.— В большом городе почувствовать одиночество проще простого. Людям, кажется, наплевать... Сколько вам лет, Джонсон? Тридцать? Тридцать один? Вы еще так молоды, что можете иметь друзей.

Я издал горький смешок. У меня были друзья! Те, что живут за ваш счет, пьют все, что у вас есть, захватывают все, что вам принадлежит, и доводят вас до безумия бесконечным нытьем — монологами по сверхпустяковым поводам.

— Меня вполне удовлетворяет общество самого себя,— холодно заметил я.

Он как-то чудно поглядел на меня, приподняв одну бровь.

— Странно, что вы так сказали.

— Странно?

— Я так часто слышал эти слова от людей, сидевших на том самом месте, где сейчас сидите вы. Они говорили мне, по-видимому, совершенно искренне — что они очень счастливы в обществе самих себя. Когда-то я им верил. Я отпускал их, предоставлял их самим себе, и через какое-то время они кончали жизнь самоубийством. Теперь я лучше знаю... Следить за нравственным здоровьем города я обязан по долгу службы, это моя работа, Джонсон, и я бы не выполнил своего долга, если бы не пытался помочь людям вроде вас. Апатия — это жестокий недуг.

— Повезло же вам с работой,— пробормотал я, мечтая лишь о том, как бы попасть домой.

— Не у всех из нас есть работа, но по крайней мере мы можем сделать хоть какой-то вклад в социальный процесс.— Он нажал кнопку.— Я знаю, бессмысленно говорить вам, чтобы вы взяли себя в руки, а потом отослать вас домой. Вы нуждаетесь в лечении.

— В лечении? — нервно повторил я. До меня доходили слухи о Восстановительном центре для потенциальных самоубийц, о домах, где их объединяют в коллектив и вынуждают состязаться друг с другом — кто кого превзойдет, пока власти в мудрости своей не решат, что у этих людей вновь восстановлен интерес к жизни, и не пошлют их по домам... Для меня это было бы невыносимо.

— Нет, только не Восстановительный центр,— фыркнул он, снова прочитав мои мысли.— Восстановительный центр — это уже по-

следнее средство, и если я помещаю туда человека, значит, я потерпел поражение. Нет. За последнее время в этой области произошли кое-какие изменения, появились средства более гуманные, чем Восстановительный центр, и я предлагаю вам стать... гм... опытным кроликом в серии испытаний, которые я провожу. Мне доставляет удовольствие сообщить, что успех обеспечен на сто процентов... Я собираюсь на каков-то время снабдить вас компаньоном,—неожиданно сказал он.—Кто-то должен поднять вам настроение. Избавляйтесь от меланхолии! Мое средство намного лучше, чем Восстановительный центр! И запомните, что успех в лечении зависит главным образом от вас. Если вы не будете ладить с другими, то боюсь...—Он насмешливо ухмыльнулся, будто имел дело с душевнобольным.

Дверь отворилась, и в комнату вихляющей походкой вошла хорошенькая медсестра. Я тотчас же спросил себя, не она ли моя компаньонка, но надеяться на это было уж слишком.

— Уильямс, медсестра,—представил ее Форд.—Идите с ней, она вас протестирует. И пожалуйста, не беспокойтесь, тест будет дан лишь затем, чтобы подобрать вам идеального компаньона.

За считанные минуты моя голова стала похожа на голову Медузы Горгоны—на ней сплелись электроды. Уильямс в совершенстве знала свое дело.

Я снова лежал в кресле и блаженствовал, абсолютно ни о чем не думая. Хорошо было вновь оказаться дома, в своем уголке—в нише уютно белеет невключенный экран 3-V, и в комнате царит гробовая тишина.

Но вот послышался стук в дверь. Что-то уж слишком скоро? Я взглянул на часы и с легким удивлением обнаружил, что недвижимо просидел почти пять часов. Пора было обедать. Я нажал на кнопку доставки, и за дверцей едоматики послышался звон. В воздухе запахло чем-то вкусным.

Стучали в дверь. Я со вздохом предоставил едоматику самой себе и устало поднялся с кресла. Открыв дверь, я увидел в коридоре высокую фигуру, всю в темном, с лицом, на редкость невыразительным. В наше время таких хоть пруд пруди, но это лицо было особенно невыразительным, словно его создатель очень тщательно воплотил в жизнь заказ сделать среднего человека.

— P/26/5/ПСИ,—доложил он мне.—Я ваш компаньон и верю, что мы с вами чудесно поладим. Может, вы станете называть меня Боб, мистер Джонсон?

Я не назвал своего имени—мне не очень улыбалось, чтобы со мной фамильярничал какой-то проклятый робот.

— Входи,—сказал я коротко и недружелюбно.

Он повиновался, но что-то в его манере держаться тотчас же вызвало у меня раздражение. Я полагаю, он не мог изменить программу поведения: так уж он был сконструирован. Он уверенно прошагал в комнату и молча осмотрелся по сторонам, будто был здесь хозяином. При этом вид у него был страдальческим, словно в воздухе пахло чем-то прогорклым. Затем он повернулся и, не сказав ни слова, как бы принял все к сведению.

После этого он пересек комнату и сел в мое кресло.

Только потом я осознал, что мне нужно было сразу же дать ему отпор. В конце концов он был лишь машинкой, но я считал, что нужно поддерживать видимость вежливости даже с подчиненными. Тем не менее мне бы следовало самым тактичным образом заметить, что он занял мое кресло. Я уверен, он бы охотно встал.

Вместо этого я рассвирепел и сел в другое кресло, пылая ненавистью к роботу.

— Надеюсь, мы с вами поладим, мистер Джонсон,— вежливо повторил он, рассеянно открывая дверцу едоматники и вытаскивая тарелку с мясным пирогом. Он принялся за еду. Я и не знал, что роботы едят.

— Так это для тебя дело привычное, да? — спросил я, наблюдая за тем, как он подбирает мою еду.— Я имею в виду — расхаживать туда-сюда и поднимать настроение у людей? Надо полагать, в тебя каждый раз вводят новую программу в соответствии со вкусами очередного клиента?

Я хотел напомнить этому типу, что самым существованием он обязан человеку.

— Это правда,— противно пробормотал он сквозь битком набитый рот.— Я запрограммирован на то, чтобы общаться с потенциальными самоубийцами наиболее эффективным образом, учитывая наличие интеллекта у данного индивидуума или отсутствие оно-го.

Он замолчал, а я весь вскипел от злости, услышав такую бестактную формулировку. Довольно долгое время я сдерживал себя, а он, казалось, не хотел ввязываться в разговор.

Внезапно он повернулся ко мне.

— Мне нравится сидеть здесь спокойно, вот как сейчас,— сказал он с вежливой улыбкой.— В приятном обществе, а? Я думаю, мы с вами поладим.

Потом опять наступила томительная пауза.

Он оказался не совсем таким, как я ожидал. Я ждал, что он будет душой общества, что он начнет острить, подшучивать надо мной, покровительственно похлопывать по спине — и при мысли об этом я содрогался от страха. Однако теперь неестественная тиши-

на казалась мне и того хуже. Я, так сказать, не получал по век-се-сям. Я ждал от него действий, а этот робот, похоже, страдал еще более хронической апатией, чем моя.

Но вот я увидел, как он щелкнул по створке под курткой и извлек оттуда прозрачный пластиковый пакетик с порошкообразными остатками своей еды. Дотянувшись до мусорожелоба, который выступал из стены, он бросил туда свой пакетик. Потом вздохнул, вжался в кресло и лениво отворил другую створку, скрывавшуюся у него под нагрудным кармашком. Я удивленно наблюдал за тем, как он перевел ручку в положение «минимальная мощность», закрыл створку и расслабился, опустив веки.

Он сам себя отключил! Я толчком подвинул свое кресло поближе к нему и толкнул его под застывшее ребро.

— Эй! — крикнул я ему прямо в ухо.

Через изрядный промежуток времени наконец его рука словно при замедленной съемке нервно сдвинулась с подлокотника, поползла по телу, нащупала створку и повернула ручку, установив стрелку на «максимальной мощности».

Глаза его тотчас открылись, и он выпрямился, в полной боевой готовности.

— Да? — мгновенно отреагировал он.

Я и позабыл, что хотел сказать. Он буравил меня глазами, и выражение лица у него было точь-в-точь как у Форда, психоаналитика — бдительное, но дружелюбное.

— А я и не подозревал, что роботы едят, — наконец еле слышно выговорил я.

— Конечно, в этом нет нужды, — ответил он. — Но когда обращаешься в обществе, к чему не привыкнешь! Да это еще что! Меня сконструировали так, что я умею оценить вкус пищи. Пирог был восхитительным!

— Я рад, что он пришелся тебе по вкусу, — ледяным тоном произнес я. — А я-то сам собирался им полакомиться.

— О, я страшно извиняюсь, — воскликнул он. — Боюсь, что по части этикета я не очень сведущ.

Он нажал кнопку едоматики и вскоре вытащил из желоба до-ставки и вручил мне тарелку с сэндвичами. Я чуть было не произнес саркастическим тоном «спасибо», когда подметил блеск в его глазах, но было уже слишком поздно: он успел схватить сэндвич и забросить его себе в рот.

— Конечно, аппетит у меня безграничный, — напугал он меня.

Недавно из-за того, что вздулись цены на всякие социальные услуги, ежедневный пищевой рацион на одного человека уменьшился. Кто-то же должен был оплачивать такие статьи расхода, как P/26/5/ПСИ и этот «кто-то» как всегда был потребитель.

— Послушай,— сказал я, пытаюсь говорить как можно более спокойным тоном.— Покуда ты здесь, у меня, не мог бы ты отказаться от этой привычки? Я не возражаю, чтобы ты подключался к сети для перезарядки не в часы пик, но еда — продукт дефицитный. Пойми же, мы с тобой съели все, что мне положено на сегодняшний день!

Вы думаете, я заметил у него хоть какие-то угрызения совести? Ничего подобного! Он даже имел наглость, если уж дело обстоит так, предложить мне содержимое своего пластикового мешочка. Там все стерильно чистое, заверил он меня.

Остаток дня и весь вечер мы не разговаривали. Я пошел спать в еще более угнетенном состоянии, чем когда-либо, и прескверно провел ночь. Каждый раз, просыпаясь, а это было частенько, я слышал мужжание, подобное монотонному храпу — мой робот подозревался.

Проснувшись, я только через десять минут вспомнил о существовании P/26/5/ПСИ, и эти десять минут были самыми приятными за все следующие две недели. Я лежал в постели, рассматривая трещины на потолке, которые в соединении с причудливой формы выемками в тех местах, где штукатурка отвалилась, создавали впечатление, будто некие чешуйчатые создания продираются сквозь девственный лес. Я всегда позволял себе роскошь по утрам около часа проводить в воображаемом мире; вполне возможно, что это единственный доступный мне вариант реального мышления.

Однако это длится недолго. В конце концов я опять впаду в апатию, и мой ум постепенно притупится. Но прежде чем это случится, я должен сделать над собой усилие, чтобы встать, пойти в туалет и одеться, иначе я мог проваляться в постели целый день.

Больше всего меня угнетала бесцельность моего существования. Вставая я, ловинуясь только самоконтролю — с тем же успехом я мог бы валяться в постели. Делать было совершенно нечего, и если бы я даже вышел на улицу, то увидел бы лишь массивные жилые кварталы и спящих по улице людей, также лишенных цели.

Когда я, рассматривая неровные треугольные трещины на потолке, начал сочинять свою первую сказочку на эту тему, я вдруг вспомнил о роботе, который, наверное, все еще сидел в моем кресле. Я постарался сконцентрировать внимание на трещинах, но ничего хорошего из этого не вышло. Я по-прежнему думал о роботе и хотел узнать, о чем думает он.

Или он совсем не думает, а просто отключился и лежит себе в кресле — обесцененная модель устаревшей конструкции, и на него только зря тратят общественные фонды! Я взволновался не

на шутку. Он был должен по меньшей мере принести мне завтрак в постель.

— Что ты там подельзгаешь? — крикнул я ему через ширму, которая отделяла мою кровать от остальной части комнаты.

— Разглядываю трещины на потолке, — ответил он.

Я почувствовал, как у меня от ярости кровь бросилась в лицо. Вчера вечером он уже вызвал у меня такой приступ ярости. Я сидел в «гостевом» кресле, а он — в моем, и внезапно я осознал, что он постукивает кончиками пальцев по обивке кресла. Я чуть было не поднял голос протеста, когда обнаружил, что сам постукиваю кончиками пальцев по обивке и уже довольно давно! Этот убудюк передразнивал меня!

— Какого же черта ты разглядываешь трещины? — закричал я.

— А из интересу, — ответил он. — Я нахожу, что это хорошая тренировка для ячеек моего мозга. Да откровенно говоря, и делать-то особенно нечего. Почему вы не встаете?

Я успокоился. Он не мог знать, чем я занимаюсь: это было простое совпадение. Я осторожно высунул ноги из-под одеяла и поднялся. Потянулся и, зевая, стал одеваться.

— Начинается еще один томительный день, — рассеянно пробормотал я себе под нос.

— После того, как вы всю ночь проспали, у вас нет никаких причин чувствовать себя утомленным, — раздраженно отозвался он. — Вы что-то не в порядке.

— Вот для чего здесь ты, — ответил я, стараясь не сорваться. — Чтобы ты привел меня в порядок.

Я всегда бываю несколько возбужден сразу же после вставания. Отчасти поэтому я живу холостяком; не одна девушка удирала из моей квартиры во время завтрака, чтобы уже никогда не вернуться.

— И неправда, — заявил он тоном, приведшим меня в бешенство. — Я здесь для того, чтобы доказать вам, что вы в полном порядке.

— Ради бога! — Я выскочил из-за ширмы, весь явля от негодования. — Сначала ты сказал, что я не в порядке, а потом говоришь, что ничего подобного. Тебе нужно привести в порядок логические цепи!

— С логикой у меня все нормально! — разозлившись, он вскочил и сжал кулаки. Я надеялся, что он все еще помнит Первый закон. — Вы симулянт, поглотитель общественных фондов! Вам нужен не я! Вам нужно съездить кулаком по носу!

Двумя прыжками я пересек комнату.

— Ты что, сам захотел по носу? — заявил я, забыв и о самом себе, и об азимовских законах.

Внезапно он сел.

— Простите,— немного помолчав, пробормотал он.— Не знаю, что со мной. После перезарядки мне нужно какое-то время, прежде чем начать работать нормально.

Я стоял над ним, все еще сжав кулаки, ошеломленный этой неожиданной переменой. Он уставился на стену, время от времени вздрагивая. В комнате было очень тихо. Я чувствовал себя по-другому. Я не совсем понимал, что это на меня накатило. Передо мной был лишь P/26/5/ПСИ, и я как-то не представлял себе, что он может меня передразнивать. Но при одном его виде я был готов взрепентиться.

На следующей неделе дела пошли все хуже и хуже. Тем не менее я преуспел в том, что опять уселся в свое кресло — просто при первом же удобном случае я потребовал, чтобы он его освободил. В конце концов, должен же он повиноваться прямым приказам! Но он уступил на редкость неохотно и усмирлял свою гордость тем, что стал расхаживать по комнате, раздражая меня, а потом включил З-V.

Мне не по душе З-V; слишком уж натуралистично. Это все равно что впустить в свою комнату живых людей, словно мало того, что сам робот основательно вторгся в мои владения. Теперь, когда он сидел за моей спиной, а вереница идиотов из какой-то многосерийной передачи для домохозяек разыгрывала в углу реалистическую драму, все это вообще стало непереносимо. Я бы опять — в который раз — попросил его выключить З-V, и он бы, конечно, повиновался. Но очень скоро он бы тихую снова все включил.

К концу первой недели ему, как это ни странно, вдруг наскучил З-V как раз тогда, когда у меня только-только пробудился интерес к передачам, и мы поменялись ролями. Он стал выключать З-V, а я с радостью встречал персонажей передач, только чтобы не видеть его невыразительной, вглядывающейся в меня физиономии.

Примерно к этому времени я, наконец, разобрался, что же происходит. Раздражение все росло, сплываясь из бесконечного количества мелочей, но окончательно решил исход дела именно З-V.

Просто P/26/5/ПСИ не был снабжен должными устройствами, чтобы составить мне компанию. В намерения пси-отдела не входило дать мне друга и компаньона. Такого у них и в мыслях не было.

Этот робот был моим противником. Его послали ко мне, чтобы я совсем спятил, и потому я в конце концов решил, что лучше все, все, что угодно, только не сидеть с ним в одной квартире. Все совпадало: с того самого момента, как он ко мне прибыл, все его действия были тщательно запрограммированы в расчете

на мой склад мышления, нацелены на то, чтобы возбудить и вывести меня из себя. Тут уж все было одко к одному.

Они тоже преуспели; но теперь, мне казалось, я знаю, как поступить. В известном смысле положение мое было не намного лучше, чем оно было бы в Восстановительном центре; так вот, на этой основе я разработаю план дальнейших действий. Стану везде разбегать и осматривать достопримечательности, делая вид, будто это доставляет мне наслаждение. Для начала прокатиться бы завтра за город. Это утомительно, но необходимо для того, чтобы произвести должное впечатление на пси-отдел.

Через несколько дней Р/26/5/ПСИ убедится в том, что он выполнил свою задачу и, упоенный успехом, доложит пси-отделу, что я вне опасности.

Тогда они его заберут и оставят меня в покое.

Но разве у таких простых смертных, как я, что-нибудь когда-нибудь происходит в соответствии с их планами?

В этом огромном городе, где для поддержания равновесия и для действенности многочисленных общественных служб любой человек в любую минуту находится под контролем, на долю случая остается очень мало. Массовый уход со стадионов? К услугам транспорт, чтоб довести нас до дому. Горит жилой квартал? Движение направляется по другим улицам, и в считанные минуты прибывает пожарная команда. Массовая эпидемия? Мгновенно разыскивают докторов, удваивают, утраивают вместимость больниц. Никогда нигде не бывает беспорядка.

Поэтому рок, загнанный в угол, отыгрывается на таких беспомощных существах, как я.

День выдался прекрасный, и я уже предвкушал длительную поездку за город — путешествие по кольцу примерно в сто миль. Это займет весь день, и я подумал, что буду хоть одним днем меньше находиться в компании Р/26/5/ПСИ. Я представил себе, как он сидит там, в квартире, отключенный, вялый, в то время как я гоню вдоль холмов и деревьев в приятном одиночестве.

— Ну как, готовы? — Он стоял за моей спиной. Пока я глядел в окно, он чуть не влез на меня.

— Что?

— К поездке за город, — сказал он с учтивым видом. — Вы говорили, что мы сегодня поедем.

— Я собирался ехать один, — ответил я с достоинством, надевая пальто.

— Я не могу этого допустить. Сожалею, но должен вас сопровождать. Поймите, что в вашем сегодняшнем состоянии вам нельзя ехать одному.

— Но мне намного лучше,— запротестовал я.— А если так, тогда я вообще никуда не поеду.

— Возможно, вы замышляете самоубийство,— пронизательно заметил он.— Мой долг — сорвать ваши планы.

Я уступил. Больше мне ничего не оставалось. Если бы я продолжал настаивать на том, чтобы ехать одному, и постарался запереть его в квартире, он бы силой заставил меня подчиниться. Мне не доставляла удовольствия мысль о том, что меня осилит Р/26/5/ПСИ, который уже одержал достаточно словесных побед для того, чтоб еще разрешить ему дополнительный триумф — чтобы он полунельсоном привел меня в беспомощное состояние.

— О' кей,— пробормотал я.— Вызови мне машину.

Мы уселись с ним в машину, и я дал старт, ощущая на себе его взгляд. Внезапно из чувства протеста я перешел на ручное управление и, быстро вывернув машину в сторону от обочины, стал плавно набирать скорость — неплохо, если учесть, что я последний раз вел такую машину по меньшей мере три года назад.

Мы проехали примерно четыре квартала, прежде чем я понял, что робот использовал двойное управление, и машину ведет он, а не я. Он со своей быстрой реакцией в мгновение ока предугадывал любое мое движение, и машина повиновалась ему. В моем ведении оставался только руль, но в тот момент, когда я делал неверное движение, робот нажимал на тормоза.

Когда мы проехали еще полмили, я заметил кнопку, которая отключала контроль со стороны робота. Я нажал на нее.

— Вы понимаете, что пока мы не вышли за пределы города, машина должна находиться под Дорожным Контролем? — проскрежетал он, нажимая на бесполезные тормоза.

— Да,— с удовлетворением ответил я.

— Остановите машину, Джонсон! — рявкнул он. Он уже давно отбросил какую бы то ни было вежливость, а вместе с нею и обращение «мистер».

— Не останавлию.

— Я буду вынужден применить силу.— Он подвинулся ко мне и потянулся к рулю.— Ради вашей же пользы.

— Только попробуй,— безрассудно ответил я. Мне было уже все равно.

Впереди виднелся перекресток. Когда он стал отрывать мои руки от руля, я нажал на акселератор.

Со страшным, неистовым скрежетом машина внезапно остановилась. Я быстро смекнул, что она будет здесь стоять до тех пор, пока не придет аварийная бригада, так как прямо перед нашим носом оказалась другая машина, и нас всех основательно заклинило.

Вот во что воплотилось мое первоначальное намерение совершить приятную, спокойную поездку за город в одиночестве!

Женское лицо в машине скривилось от досады, она стучала по стеклу и что-то мне говорила. Я с неохотой схватился за ручку и открыл дверцу.

— Я говорю, что вы делаете, черт возьми?! — крикнула она, перекрывая уличный шум, который внезапно ворвался в нашу машину.

— Очень сожалею, что мой друг временно утратил контроль над собой, — проблеял P/26/5/ПСИ.

Она переключилась с меня на смешавшегося робота.

— Вы хотите сказать, что вы здесь сидели и смотрели за тем, как этот человек в пределах города перешел на ручное управление? — возмутилась она. — Какой у вас номер, робот?

— P/26/5/ПСИ, — быстро ответил за него я. — Но мой робот не в своей тарелке, он сейчас вроде бы взволнован и говорит на подумав. Я отдавал себе полный отчет в том, что делаю, и, конечно, не позволил бы никаких безумств. Но у меня уже терпение лопнуло, вот я и взбунтовался против этой машины. К сожалению, на нашем пути оказались вы. Очень сожалею, — заключил я в обезоруживающей улыбкой.

Господствующий принцип — когда тебя прижали к стенке, сваливай вину на робота: у него плечи пошире твоих.

Она взглянула на меня с внезапным интересом, почти дружелюбно.

— Представляю, каково вам, — сказала она. — Но ведь моя машина разбита — здесь уж ничего не сделаешь.

Возле ее локтя появился человек в униформе. Это прибыли представители закона. Я открыл дверцу и вылез, оставив пореженного робота молча взирая на приборную доску.

— Приношу извинения за этот неприятный эпизод, офицер, — быстро проговорил я. — Давайте будем считать его доказательством того, что машины, слава богу, не всегда непогрешимы. Ведь мысль о том, что они, подобно нам, могут в некоторых случаях ошибаться, как-то успокаивает, вам не кажется?

Плоское лицо полицейского было невыразительным.

— Может быть, — заметил он, старательно вытаскивая блокнот и пососав свою авторучку.

— Имя?

— Джонсон, Хьюго. 18659244.

— Одну минуточку, офицер. — Это опять заговорила девушка, и ее улыбка явно произвела на полисмена большее впечатление, чем моя. — Нужны ли все эти официальности? Я ничего не имею

против этого человека. То есть я хочу предложить, нельзя ли забыть об этом инциденте?

У нее были короткие светлые волосы, и тут вдруг я заметил, что она очень недурна собой.

Через пятнадцать минут прибыла аварийная команда, и мы предоставили им делать свое дело, а сами пошли пешком ко мне выпить чего-нибудь. Джоан и я, мы вместе — к тому времени мы уже представились друг другу, а P/26/5/ПСИ с унылым видом тащился следом за нами.

Хоть у меня и были основания поздравить себя с тем, как удачно для меня обернулась наша случайная встреча, я предвидел трудности, если Джоан начнет выяснять истинные цели P/26/5/ПСИ. Она производила впечатление девушки, которая склонна заводить знакомства, но даже она положила бы предел общению с человеком, у которого не все дома. Идя рядом с ней и приятно болтая, я начал понимать, чего я был лишен последнее время. Лицо и фигура у нее были вполне сносные, и я на этот день уже строил планы искусного обольщения; жаль будет, если натактическое замечание робота все испортит.

— А что это за робот, Хьюго? — спросила Джоан. — То есть я хочу спросить, почему он при вас?

— Я присматриваю за ним как друг, — я сказал это громко, полуобернувшись к P/26/5/ПСИ, чтобы он услышал, и со значением поглядел ему в глаза. Он тащился за нами с неизменным выражением, загадочно поглядывая на меня.

— Он помогает по дому?

— Ну... Не стоит говорить о работе. Давайте лучше поговорим о вас. Расскажите мне о себе. Где вы живете? Что делаете? Чем интересуетесь? — я засыпал ее вопросами и, взяв ее за руку, повел в свое парадное. Мы поднялись по лестнице, и я встал в сторонке, чтобы пропустить ее в мою квартиру, а сам думал о том, как же давно это было — когда последний раз девушка переступала порог моей квартиры?!

К несчастью, я чересчур задумался, и P/26/5/ПСИ быстро догнал нас, прошмыгнув мимо меня и со старомодной учтивостью указал Джоан на кресло. Конечно, на мое кресло. Она поблагодарила, посмотрела на него с удивлением и вроде бы даже с уважением и села. Бедро ее были соответствующего объема и P/26/5/ПСИ окинул ее отталкивающе похотливым взглядом.

На какое-то время я оказался вне игры, потому что они начали болтать, как старые друзья; от усилий казаться приятным в цепях робота взыграли блуждающие токи. Он настолько преуспел в этом занятии, что когда я наконец отважился вставить словцо, надо признаться, невпопад, то Джоан просто взглянула

на меня как на пустое место, потом опять повернулась к роботу и продолжала оживленную беседу о положении работающей девушки.

— Приготовь нам чего-нибудь выпить,— внезапноскомандовал я.

Он стал возиться у стойки распределителя, и Джоан глядела на него, а я глядел на Джоан. Моему неопытному глазу почудилось, что она употребляет слишком много косметики, и при искусственном свете ее лицо показалось мне каким-то слоистым от пудры и неровным, как мой потолок.

— Ну и как вам моя комната? — в отчаянии спросил я, пытаюсь хоть как-то завязать разговор, прежде чем робот вернется со стаканами. Но P/26/5/ПСИ замешкался, звеня посудой в своем углу.

— Неплохая комната,— ответила она.— Правда, кое-что здесь вышло из моды.

Я разозлился. Теперь чувство благодарности к ней из-за этого эпизода с машинами отошло на второй план, и я стал разглядывать ее более критически, и то, что я увидел, не очень понравилось мне. Казалось, она наполняет комнату, она выглядела крикливой и наглой, и разговор с ней мне наскучил. Но все-таки какая-то девушка лучше, чем никакая, и нужно было переходить к действиям.

— Ваш стакан, мадам.— Робот низко нагнулся над ней и, вручив ей стакан, позволил себе ненадолго задержать другую руку на ее плече.

О чем, черт возьми, он думал, по-идиотски скалясь прямо ей в глаза? И почему она посылала ему ответные улыбки, вместо того, чтобы прогнать его? Конечно, она знала, что роботы — всего лишь машины, лишённые эмоций, даже если P/26/5/ПСИ этого и не знал. Что же происходило?

— P/26/5/ПСИ, кончай свои штучки,— зарычал я.— А почему ты мне ничего не налил? У тебя ячейки памяти расплавились, что ли?

— Простите, Джонсон,— проскрипел он.— Я просто в восхищении от линий тела мисс Пеллинг — они в точности соответствуют идеальным женским формам, на распознавание которых я запрограммирован.

— Спасибо, Боб,— Джоан сделала попытку покраснеть.

Именно в этот момент что-то сработало в моем мозгу, и долго копившееся раздражение прошедших недель взорвалось подобно сверхкритической массе урана-238 при виде этой глупой девки, которая строила глазки роботу. И не просто какому-то роботу, но машине, в течение многих дней использовавшей все свои умствен-

ные возможности — и не без успеха — для того, чтоб вырыть мне яму.

В этом последнем испытании «человек против машины» — в вопросах секса — негодяй снова одержал верх!

— Господи! — воскликнул я. — Да разве можно вынести, чтобы робот болтал подобное в моей собственной квартире? Да понимаешь ли ты, — начал я убеждать Джоан, — что это всего лишь проклятая машина? Скопище колесиков и цепей, совершенно неспособное к эстетическим оценкам? Да это смех один, — и я глухо засмеялся в подтверждение своих слов. — Ха, ха, так он еще решается строить тебе куры! Да неужели, ты такая бестолочь, не можешь понять, что ты для него — всего лишь глыба органического вещества, кусок мяса, начиненный побуждениями, да при этом еще и не слишком чистый!

— Не чистый?! — Джоан была уже на ногах.

— По сравнению с ним, я хотел сказать. Ведь он стерильный. Во всех отношениях!

Я тоже вскочил на ноги. И тут на мое плечо опустилась рука, стальные пальцы, обтянутые пластиком вместо кожи, впились в мое тело.

— Я сожалею, что вынужден применить к вам силу, — послышался сзади хриплый голос. — И я должен сообщить мисс Пеллинг, что вы находитесь под моей медицинской опекой. Вы слишком возбуждены и можете причинить ей вред, если вас не обуздать.

И он с успехом применил принцип силы.

— Приятно, что вы хорошо выглядите, мистер Джонсон. Я и вправду очень доволен, что лечение прошло успешно.

Несколькими днями позже я сидел напротив Форда за его столом, удивляясь тому, как быстро прошло время. Все выглядело точно так же, и у меня появилась безрассудная мысль, что с моего предыдущего визита он так и не сдвинулся с места, что он и его комната были опечатаны.

— Да, — медленно ответил я.

Но, конечно, он был прав. Я вылечился. Я сделал необходимый шаг к тому, чтобы выкарабкаться, к тому, чтобы встречаться с людьми. У меня даже какое-то, пусть короткое, время в комнате была девушка, а теперь меня должны освободить от компании P/26/5/ПСИ. Я уже предвкушал, что в моей комнате будут еще девушки, чем больше, тем лучше, и чувствовал, что в следующий раз я получу истинное наслаждение от поездки за город.

Я мог бы даже прихватить с собой старика из соседней квартиры: ему было бы приятно провести день за городом. Странно, что я до прошлой недели ни разу не встречал его, а ведь мы года-

ми жили бок о бок. Последние дни мы с ним часто встречались и вели интересные разговоры — это вслед за моим первым робким визитом, который я ему нанес — посоветоваться, как бы мне на один вечер избавиться от P/26/5/ПСИ.

— Ну и как вы ладили с вашим роботом? — спросил Форд на его жирном лице поблескивали глазки.

Я уже хотел было дать какой-нибудь уклончивый ответ, но потом сообразил, что дурачить этого человека ни к чему.

— Плохо, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Форд. — Я полагаю, вы догадались. В чем был наш замысел?

— А что тут долго думать?

— Скажите мне, — Форд вынул ручку и открыл мое дело, — как P/26/5/ПСИ справлялся со своей работой. Мне бы хотелось иметь точные сведения для будущих рекомендаций... Ну, например, я думаю, что он мог оказаться недостаточно тонким в душевном отношении. Ваше выздоровление могло быть ускорено, если бы вы не поняли, каким способом вас выставили из вашей же комнаты; возможно, его явная антипатия к вам сделала вас более упрямым.

— Возможно, — сказал я, теперь уже расплываясь в улыбку. При ретроспективном взгляде вся эта история казалась довольно забавной. — Ну да, он начал с того, что уселся в мое кресло.

— Ясно, — с удовлетворением сказал Форд. — Милый штришок.

— Потом он стал... трудным типом. Ну, знаете, упрямым, как осел. Если я давал ему команду, то он, конечно, вынужден был повиноваться, но ворчал. И у него была особая способность поворачиваться к вам спиной.

— У вас у самого довольно упрямый нрав, мистер Джонсон. — Форд сделал отметку в досье. — Робот был запрограммирован на то, чтобы реагировать персонально на вас.

— Потом он стал меня передразнивать, — продолжал я, — в под конец совсем взял надо мной верх... И — только этого еще не хватало, — я почувствовал, что заливаюсь краской, — начал строить куры девушке, которую я привел к себе домой!

Внезапно Форд откинулся на спинку стула, посмотрел на меня своими блестящими поросычьими глазками и начал испускать жирные смешки. Он весь трясся от веселого смеха и, вынув из кармана платок, промокивал глаза. Я ждал, пока он кончит смеяться, и злился. Я и не думал, что все это настолько забавно. Я так прямо и сказал:

— В тот момент мне было чертовски не по себе. Он в мое присутствие брал надо мной верх. Кстати, как это вы программируете, чтобы робот строил куры девушке? Ведь это бессмысленно!

Какую же, черт возьми, программу вы умудрились в него ввести?

Пока я произносил эти слова, я уже понял, что к чему.

Понятное дело, Форд, восхищенный своей маленькой психологической шуточкой, пустился в объяснения. Я бы не смог его остановить, даже если бы попытался это сделать.

— Ну да, робот строил куры вашей девушке, — прокудэхтал он. — Само собой, он возбудил в вас гнев и другими своими поступками — тем, что он передразнивал вас и садился в ваше любимое кресло, но так уж он был запрограммирован. Когда медсестра Уильямс тестировала вас, она просто-напросто подсоединила P/26/5/ПСИ к выходному отверстию и прямо передала ему вашу мозгограмму. Помните, как несколько недель назад вы мне сказали, что любите общество самого себя? Этот робот обладал почти точной копией вашего собственного мозга! Вы-то этого не знали, но робот должен был с гарантией вывести вас из состояния апатии только из-за этой дьявольской идентичности! С вашим же собственным мозгом!

Я поднялся, чтобы идти. Что тут еще прибавить?

Но, конечно, за Фордом осталось последнее слово.

— Как вам все это понравилось, мистер Джонсон? — крикнул он, когда я уже закрывал дверь. — Последние три недели вы жили в обществе самого себя!

Перевела с английского
Е. Ванслова

Примо Леви

ВЕРСАМИН

Одни профессии людей разрушают, другие помогают сохраниться. Давно замечено, что библиотекари, музейные смотрители, школьные сторожа, архивариусы не только живут дольше других, но и обладают способностью с годами внешне почти не меняться.

Якоб Дессауэр, прихрамывая, поднялся по восьми широким ступеням и впервые после двенадцатилетнего отсутствия снова вошел в здание института. Спросил у дежурного, где можно найти Хаврхауса, Клебера, Винcke, Никого: кто умер, кто уехал в другие города. И вдруг он увидел старика Дубовски, лаборанта вивария. Дубовски не только остался на старом месте, но и совершенно не изменился: тот же лысый череп, те же глубокие морщины, та же колючая борода, те же чернильные пятна на руках, та же серая, штопаная рубашка.

— Да,— с грустной улыбкой сказал Дубовски,— когда проносятся ураган, первыми падают самые высокие деревья. А я уцелел. Как видно, никому не мешал и никому не был нужен.

Дессауэр оглянулся вокруг: в окнах тут и там треснувшие стекла, calorиферы еле теплились. Впрочем, институт уже работал, в коридоре мелькали стажеры в заношенных белых халатах, и в воздухе стоял столь хорошо ему знакомый запах реактивов.

Он спросил у Дубовски, что стало с его бывшими коллегами.

— Почти все погибли. Одни на фронте, другие во время бомбежек... Клебер тоже погиб. Чудо-Клебер, помните, как его все здесь называли? Но смерть настигла его уже после войны. Это была такая странная, просто невероятная история. Разве вы не слышали?

— Когда здесь был Гитлер, тут не было меня,— ответил Дессауэр.

— Ох, простите, я об этом как-то не подумал,— сказал Дубовски.— У вас есть полчаса свободных, а?.. Тогда идемте, я вам кое-что расскажу.

Он провел Дессауэра в свою каморку. Через окно со двора проникал мглистый полуденный свет. Дождь волнами обрушивался на заросшие травой, заброшенные клумбы. Они сели на скрипучие табуретки. В комнате пахло фенолом и бромом. Старик Дубовски раскурил трубку и вытащил из стола коричневую склянку с притортой пробкой.

— Спирт у нас в институте даже во время войны не переводился,— сказал он и налил по мензурке Дессауэру и себе.

Выпили. Помолчали. И Дубовски приступил к рассказу.

— Знаете, тут произошли такие дела, что другому я бы не стал рассказывать. Но вы с Клебером были друзьями, я помню. А значит, вы все поймете... После вашего отъезда в институте мало что изменилось. И сам Клебер остался таким же, как прежде,— упорным, мрачным, вежливым, вечно погруженным в свои мысли. Он говорил, что в нашей работе нужно быть чуточку сумасшедшим. А уж сам Клебер всегда был одержимый. И еще — вы, верно, помните — он был очень застенчив. Он после вас ни с кем близко не сошелся. И с годами он стал совсем странным.

— Да, это часто случается с людьми, если они подолгу живут в одиночестве,— заметил Дессауэр.

— Так вот, он занимался структурой производных бензоила,— наверно, еще при вас это начал. В армию его из-за сильной близорукости не брали. Не мобилизовали даже в самом конце войны, хотя тогда на фронт отправляли всех подряд. А для него сделали исключение — скорее всего потому, что военные очень

интересовались его работами. Но версамин он открыл совершенно случайно.

— Версамин? А это что такое?

— Не торопитесь. Я хочу рассказать вам все по порядку. Давайте-ка выпьем еще... Так вот, сначала свои опыты Клебер ставил на кроликах. И вскоре обнаружил, что один из подопытных кроликов ведет себя очень странно. Он не принимал никакой пищи, но зато охотно жевал кусочки дерева и грыз железные прутья клетки. Спустя несколько дней он умер от какой-то инфекционной болезни. Другие не обратили бы на эту аномалию никакого внимания, но Клебер принадлежал к ученым старой школы. Он больше ценил наблюдения как таковые, чем возню со статистикой. На другой день он ввел еще трем кроликам производное бензонда B/41 и получил примерно те же результаты, что и с погибшим кроликом. Кстати, в этой истории замешан и я.

Дубовски прервался, ожидая недоуменного вопроса, и Дессауэр не обманул его надежд.

— Вы? Каким образом?

— Понимаете, во время войны о мясе можно было только мечтать,— невольно понизив голос продолжал Дубовски.— И жена решила, что грех сжигать всех умерших подопытных животных в электропечи. И нам с женой стало время от времени кое-что перепадать: чаще всего морские свинки, изредка кролики. И надо же было такому случиться, что среди них мне попался один из трех кроликов Клебера. Но узнал я об этом попозже. Честно говоря, я люблю выпить. Норму я знаю, но без стаканчика вина или водки обычно дело не обходится. Однажды мы с моим другом Хагеном раздобыли бутылку водки. Было это на второй день после того, как я полакомился кроликом. Водка была чистая, отменная. Но мне она вдруг, хоть убей, стала противна. А Хаген твердил, что лучше он в жизни не пил. Начался спор, мы оба захмелели. Чем больше я пил эту водку, тем сильнее ее ругал. В конце концов я обозвал Хагена упрямым болваном, и тот спьяну стукнул меня бутылкой по голове. Видите — шрам? И представьте себе, после удара я испытал не боль, а совершенно необычное удовольствие. На следующий день рана уже не кровоточила. Я решил залепить ее пластырем и, когда прикоснулся к ране, снова ощутил такое приятное чувство, что потом до самого конца работы незаметно то и дело до нее дотрагивался. Постепенно рана зажила, я помирился с Хагеном и забыл об этой истории. Но я вспомнил о ней несколько месяцев спустя и вот при каких обстоятельствах.

— Простите, но что же все-таки представляет собой B/41? — прервал его Дессауэр.

— Я же вам уже сказал — это производное бензоила. Но главную роль играло спирановое ядро.

Дессауэр удивленно взглянул на него.

— Спирановое ядро? А вы откуда знаете о подобных вещах? Дубовски улыбнулся.

— За сорок лет в институте непременно кое-чему научишься. Да ведь тогда об этом даже в газетах были статьи. Не читали?

— Тех газет я не читал!

— Ах, да, простите... Словом, журналисты раздули из этого сенсацию. И какое-то время весь город говорил только о спиранах, будто идет процесс и это — подсудимые. Всюду — в поездах, в бомбубежище, даже у школьников только и слышно было о некомпланарных¹ конденсированных бензольных ядрах, об асимметричном углероде в спиранах, о бензоиле, версаминовой активности. Вы, надеюсь, догадались, что первым эти вещества, позволяющие боль превратить в радость, назвал версаминами Клебер. Собственно сам бензоил играл малую роль. Главное было в самом ядре, в его структуре, похожей на самолетный хвост.

— Эффект был стойкий? — спросил Дессауэр.

— Нет, действие версамина длилось недолго — всего несколько дней.

— Жаль, — вырвалось у Дессауэра.

Он внимательно слушал рассказчика, но одновременно не мог оторвать взгляда от мутных, залитых дождем стекол и хоть на миг избавиться от печальных мыслей. Его родной город почти не пострадал от бомбежек, но что-то надломилось в нем. Город напоминал айсберг, который подтачивают теплые подводные течения: люди лихорадочно рвались вкусье все радости жизни — шумной, но не веселой, развратной, но бесчувственной. Жизни, лишенной цели, но полной какой-то душевной инерции, равнодушия. Город стал столицей невроза, каким-то Содомом, и странная история, которую рассказал Дубовски, была здесь вполне логичной.

— Жаль? — повторил Дубовски. — Вы еще не знаете конца. B/41 — это вещество со слабым и непрочным действием. Клебер сразу понял, что если произвести некоторые, довольно несложные изменения в структуре, то можно добиться куда большего эффекта. Примерно то же случилось с атомной бомбой, сброшенной на Хиросиму, и со следующими, много более мощными. Клебер надеялся избавить человечество от страданий. Ученые, открывшие атомные строения, рассчитывали подарить человечеству дешевую энергию, причем бесплатно. Они словно не ведали, что ничто не дается бесплатно! За все надо платить и даже расплачиваться...

¹ Компланарные — расположенные параллельно одной плоскости. — П р и м. п е р е в.

Я работал с Клебером, он перепоручил мне опыты на животных, а сам занялся только синтезом. К зиме ему удалось получить соединение № 160 — много более активное, чем версамин. Он отдал мне его для испытаний. Дозы я давал небольшие. Реакция животных была неодинаковой: в поведении одних наблюдались лишь незначительные отклонения, которые исчезали буквально через два-три дня. Но у других происходило, как бы это поточнее выразиться... полное извращение поведения: приятные и неприятные ощущения окончательно менялись местами. Все эти животные вскоре погибли. Никогда не забуду одну немецкую овчарку. Я любой ценой старался не дать ей погибнуть, а у нее было словно одно желание — смерть. Она с дикой яростью кусала то лапы, то хвост, а когда ей надели намордник, стала грызть свой язык. Пришлось залепить ей рот сырой резиной, а кормить искусственно. Тогда она начала бегать по клетке и что есть силы биться о прутья. Вначале она билась о прутья головой и боком, потом обнаружила, что приятнее всего биться носом. При этом она повизгивала от удовольствия. Мы связали ей лапы и она целыми днями и ночами — на нее напала бессонница — мирно лежала в углу и радостно виляла хвостом. Ей был дан всего дециграмм версамина, но она уже не выздоровела. Клебер испытал на ней с десятков антиботов, которые, по его убеждению, нейтрализовали действие версамина, но это не помогло.

Дубовски умолк, затем негромко продолжал:

— Особенно я привязался к одному псу, дворняге. Ему мы тоже ввели дециграмм версамина, но не сразу, а дробно — маленькими дозами в течение месяца. Пес вел себя спокойно, и я ему даже давал свободно гулять по саду. Он прожил больше, чем немецкая овчарка, но в нем, бедняге, не осталось ничего от настоящей собаки. К мясу он даже не притрагивался. Рыл ногтями землю и глотал камешки. Особенно охотно он жрал овощной салат, сено, солому, газетную бумагу. Своих сородичей-самок он боялся, и ухаживал за курицами и кошками. Одной из кошек это совсем не понравилось, и она вцепилась в бедную дворнягу. А мой пес лежал на спине и радостно вилял хвостом. Не подоспей я, рассвирепевшая кошка выцарапала бы ему глаза. Чем жарче становилось, тем труднее было заставить его пить. При мне он делал вид, будто пьет, но я-то видел, что вода ему протиснана. Однажды он пробрался в лабораторию и там вылакал целую миску изотопного раствора. Он выл на солнце и лаял на луну. Словом, он превратился в своего антипода, в антисобаку. Заметьте, этот пес не стал таким бешеным, как овчарка. Знаете, он будто сознавал, прямо, как человек, понимал, что когда испытываешь жажду, нужно пить, и что собака должна есть мясо, а не сено.

Но сдвиг, патология была уже слишком сильной, необратимой. Когда я стоял рядом, пес пытался все делать, как и полагается нормальной собаке. Он тоже погиб. Его неудержимо алекли к себе грохочущие трамваи. И вот однажды, когда я вывел его погулять, он порвал поводок, вырвался и, низко наклонив голову, ринулся к рельсам. Так он и погиб под колесами трамвая. А за несколько дней до этого я застал его, когда он лизал горячую печку. Завидев меня, пес весь сжался и поджал хвост. Он словно ждал, что я его накажу.

Дубовски умолк. Потом сказал задумчиво:

— По-моему, все это должно было остановить любого здравомыслящего человека...

— Клебер, насколько я знаю, был человеком достаточно здравомыслящим,— заметил Дессауэр.

— Он был фанатик... Но, кажется, мы отвлеклись... С морскими свинками и крысами происходило то же самое. Не знаю, читали ли вы о недавних опытах с крысами в Америке. Ученые нашли у крыс в мозгу «центры наслаждения», вживили в эти центры электроды, и крысы нажимали на рычажок, замыкая электрическую цепь до полного изнеможения, не ели, не спали, только нажимали, пока не гибли. Уверяю вас, что и здесь все точь-в-точь как с версаминоком. Кстати, и получать его было нетрудно. И несколько граммов версаминки стоили всего два-три шиллинга, а одного грамма достаточно, чтобы постепенно убить человека.

— Вы не говорили с Клебером об этом?

— Разумеется, говорил, хоть я и не ученый, как он, но как бы то ни было, я старше Клебера. И поэтому я посчитал себя в праве сказать ему, что он играет с огнем. Он ответил — мол, да, мои опасения вполне оправданы. И все-таки не удержался и сообщил о первых результатах своих опытов журналистам. Больше того, потом он заключил контракт с химическим концерном Груга и стал сам принимать версамин...

— Версамин?

— Да, Клебер всячески пытался скрыть это от меня, но я сразу понял, чем это пахнет. Ведь он вдруг бросил курить, потом у него появилась характерная сыпь, и он стал отчаянно чесаться. Я понимаю, вам неприятно слушать такое о вашем друге, но вещи надо называть своими именами. Правда, при мне Клебер делал вид, будто курит, но уже не затягивался. И потом я заметил, что с каждым днем окурки становились все более длинными. Очевидно, Клебер по привычке закуривал сигарету, но тут же бросал ее в пепельницу. Ну, а когда думал, что за ним никто не наблюдает, то чесался так же отчаянно и яростно, как та немецкая овчарка. Клебер был человеком скрытным, жил он один, своими

делами и заботами ни с кем не делился. Прежде одна девушка часто звонила ему в институт и ждала его у входа. Не случайно же как раз в это время она перестала появляться — исчезла, как будто ее не было вовсе. Контракт с концерном Груга он заключил сразу после войны, но и тут Клебера ждали одни неприятности. Денег он получил очень мало, а концерт пустил в продажу версамин, выдав его за безобидный транквилизатор. Но ведь обо всем этом в газетах уже писали. А тут в печать просочились кое-какие новые сведения, причем поступили они из института. А так как я ни с кем об этом не говорил, то ясно, что сведения журналистам дал сам Клебер. Вскоре новый транквилизатор был официально запрещен, а немного спустя полиция обнаружила в городе клуб, в котором устраивались дикie оргии. Все члены клуба принимали версамин. «Куир» опубликовал о клубе краткую заметку — совсем без подробностей. Мне эти подробности хорошо известны, но лучше уж о них не рассказывать. Достаточно того, что полиция при обыске конфисковала целые наборы игл и клещей, которые эти наркоманы предварительно раскаляли на жаровне, а потом жгли ими друг друга. Власти предпочли замать дело. Говорили, потому что в нем была замешана дочь министра Т.

— Но что стало с Клебером? — не выдержал Дессауэр.

— С Клебером? Увы, ничего хорошего. Я всячески старался ему помочь, но он прятался от меня. И я так и не сумел с ним поговорить как мужчина с женщиной. Он стыдился меня. Бедняга начал таять как свеча, будто от тяжкого недуга.

— И он не пытался бороться?

— Пытался. Но он хотел как-то сохранить возможность испытывать те приятные ощущения, которые приносит версамин, легко и безвредно. Понятно, безвредность могла быть только иллюзорной, но соблазн был слишком велик. Клебер старался есть каждый день, хотя он утратил всякий вкус к еде, его мучила бессонница, но в быту он оставался таким же пунктуальным и методичным.

Ровно в восемь утра он появлялся в институте и приступал к работе. Но я-то видел, каких нечеловеческих усилий стоила ему борьба с ложными сигналами, которые поступали в его мозг.

Он продолжал принимать какие-то таблетки, не знаю уж, из слабости или из упрямства. Возможно даже, потом он заставил себя бросить их принимать, но болезнь уже сделала свое дело. Зима сорок седьмого была очень суровой. Как-то я застал Клебера одного в этой комнатухе, он обмахивался журналом, а потом, не заметив меня, снял свитер. Иной раз в разговоре он говорил «сегодня холодно», хотя на улица было очень жарко, и на-

зывал «горьким» сахар. Чаще всего он тут же поправлялся, но я заметил, что он то и дело запинается, прежде чем назвать самый обычный предмет, ну, скажем, чайник или тарелку.

Вы спрашиваете, что с ним стало. Он стал жертвой уличной катастрофы здесь, в городе. Переходил ночью улицу на красный свет и попал под машину. Так сказано в полицейском протоколе. Я бы мог им объяснить, что светофор тут ни при чем, но предпочел держать язык за зубами. Я и вам-то рассказал обо всем только потому, что вы с Клебером были друзьями.

Должен, однако, сказать, что Клебер после стольких безрассудств, сделал одно благое дело. Он перед смертью уничтожил все материалы по версамину и весь запас уже полученных препаратов.

* *

*

Старик Дубовски умолк. Дессауэр сидел молча, уставившись в одну точку. Рассказ вызвал у него в душе целую бурю. Все это надо было хорошенько обдумать. За эти годы он пережил много страшного, испытал столько боли и как-то не задумывался о том, зачем она. Сейчас ему впервые пришло на ум, что боль, несмотря ни на что, нельзя убрать из жизни. Ведь она — сторож, защитник. Подчас глупый, маниакально упрямый, неумолимый, но всегда — защитник. Все чувства, в первую очередь приятные, истираются, и со временем только боль остается острой и сильной. Устранишь ее — и ты обречен, как те собаки. И тут вопреки всему пережитому, он все-таки подумал, что будь у него версамин, он бы его испробовал. Да и не так уж сложно приготовить малую толику 4—4 диаминспирана (он-то знал, с чего все началось). А если версамин превращает в радость горечь житейских бед, боль долгой разлуки, боль от щемящей пустоты вокруг, так почему бы и не попробовать!

И по странной ассоциации ему вдруг вспомнилась омытая дождем и ветром вересковая пустошь в Шотландии, и он услышал веселое с легкой ехидцей пенье трех бородатых ведьм, с одинаковой мудростью приемлющих горе и радость:

Все прекрасное — ужасно, все ужасное —
прекрасно.
Мчимся сквозь туман в гнилую мглу... (Пе-
ревод П. А. Каншина)

Перевел с итальянского
Л. Вершинин

ПЕРЕПОЛОХ В ЦАРСТВЕ МОРФЕЯ

Наконец-то человечество нашло способ усыплять людей на столько времени, на сколько они хотели. Узнав о нем, многие стали им пользоваться. От горя, от банкротств, от переворотов, от любовных неудач и просто от скучной жизни люди находили теперь прибежище во «временной смерти».

Решение этой проблемы стало возможным, когда открыли вещество, названное «голубая морфила В». «Морфила» позволяла заснуть на любой желаемый срок, от двадцати четырех часов до двадцати пяти лет, в зависимости от принятой дозы. Вещество это было не только совершенно безвредно, но и обладало неоспоримыми целебными свойствами. Во время сна, вызванного этим средством, человек не старел, все жизненно важные органы отдыхали, и этот отдых действовал на них оздоравливающе. Самые тяжелые болезни почти все исчезали после соответствующей дозы сна.

Желающих уснуть было так много, что государство, местные власти, а потом и частные предприниматели начали строить огромные «морфисанатории» — население обычно называло их «морфилками».

Появилось обширнейшее законодательство, которое подробно регламентировало применение нового средства во всех случаях жизни. Как всегда, больше всего повезло богачам и холостякам — они могли пользоваться «голубой морфилой В» без каких-либо ограничений. Семейным требовалось согласие супруга и детей, а детям, если они были несовершеннолетние, — разрешение родителей. Государственным служащим требовалось согласие начальства, и для всех граждан без исключения искусственный сон пришлось нормировать, потому что уход в «морфилки» сразу же принял массовый характер и экономика оказалась под угрозой. Больным, заключенным и сумасшедшим места в морфисанаториях предоставлялись вне очереди.

Во всем мире морфисанатории были устроены примерно одинаково — галереи, множество радикально расходящихся галерей из алюминия и мрамора, а в середине круглое фойе, куда выходили двери административных помещений и откуда все галереи хорошо просматривались. По обеим сторонам каждой из галерей располагались в несколько ярусов застекленные горизонтальные ниши. В каждой нише, одетый в серую тунику и освещенный светом слабой лампочки, лежал на спине неподвижный сомнонавт. Глаза у него были закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Кожа не была мерт-

венно бледной — было видно, что жизнь его не покинула. Температура в нише всегда равнялась $+18$ градусов по Цельсию, и вентиляционное устройство подавало в нишу кислород; в галереях царила полная тишина. На каждой нише была табличка, а на табличке полное имя, возраст и срок сна того, кто в ней лежит.

В общем, галереи оставляли впечатление кладбища со множеством склепов, кладбища идеально асептического, но малосимпатичного; или огромных операционных, где тысячи больных под полной анестезией ждут операции.

Каждый день рано утром прибывали очередные сомнонаваты. Сорок восемь часов они проводили без еды и питья, их промывали тщательнейшим образом внутри и снаружи, а потом вводили шприцем нужную дозу «голубой морфины В» — и через несколько секунд наступал сон. На сомнонавта надевали серую тунiku, клали его на кушетку и подъемным устройством препровождали в отведенную для него нишу.

Интересней, чем усыпление, было пробуждение сомнонавтов. Каждый день специальные кибернетические часы показывали, кому наступает время просыпаться. Сомнонавта заранее извлекали из ниши и перекладывали на обычную кровать. Здесь, под надзором медсестры, он и оставался до пробуждения. Раскрыв глаза, он сначала долго лежал, не двигаясь, потом мускулы его снова обрели способность сокращаться, и тогда медсестра приподнимала его и сажала. Постепенно начинал функционировать его мозг. Как только проснувшийся произносил первые свои слова, медсестра впускала к нему родных, и те отвечали на его первые вопросы, которые у всех сомнонавтов были, в общем одинаковыми. Через два часа после того, как проснувшийся открывал глаза, его перевозили на санитарной машине домой, и там он приходил в себя окончательно. Спустя неделю экс-сомнонавт вел уже вполне нормальную жизнь.

Для тех, у кого, когда они просыпались, не оказывалось ни родных, ни друзей, при морфисанаториях были так называемые «дома адаптации». Там экс-сомнонавтов знакомили на краткосрочных курсах с изменениями, происшедшими в мире за время их сна.

Проснувшиеся были склонны считать себя «воскресшими из мертвых», заново родившимися, и начинали новую жизнь, исполненные оптимизма. Не стоит утомлять читателя подробным описанием всех реакций, которые наблюдались у проснувшихся, тем более что реакции эти не имеют никакого отношения к интересующему нас случаю. Отметим одно: поскольку люди во сне не старели, некоторые из проснувшихся на вид были моложе своих детей, и бывали бабушки, которые, едва выйдя из «морфики»,

бросались на поиски женихов. Поэтому понятие возраста в большой мере потеряло смысл, и впервые в истории человечества каждому было столько лет, на сколько он выглядел.

Ну а теперь расскажем о необычном сомнонавте. Как-то утром сторожам одного морфисанатория надоело играть в карты и в шахматы, и они поднялись и стали прохаживаться по галереям. И вдруг — о ужас! — обнаружилось, что одна из ниш (ее номер — 67869 — стал известен вскоре всему миру) пуста. В ней лежал или, точнее, должен был лежать ветеран-сомнонавт, который проспал уже шестнадцать лет и которому предстояло спать еще четыре года. Он был главным героем известного финансового скандала, разразившегося семнадцать лет назад.

Когда сторожа внимательно оглядели пустую нишу, они решили, что сеньор № 67869 похищен — другого объяснения найти было невозможно. Случай экстраординарный — нечто похожее произошло лишь один раз, в Торонто, лет за пять до этого, когда украли красавицу-сомнонавтку. Вором оказался влюбленный, и его с жертвой нашли только через год с лишним. С тех пор все посещения морфисанаториев проходили под строгим контролем администрации. В случае сеньора № 67869 возможность похищения по любовным мотивам исключалась: сомнонавт был преклонных лет, и в его наружности не было ничего, что могло бы пробудить чьи-то страсти.

О происшедшем немедленно сообщили администрации, а она, в свою очередь, сообщила полиции. Повторные обследования пустой ниши не дали никаких результатов; у родственников похищенного тоже никаких соображений по поводу того, кто мог его похитить, не было. В этот же день, немного позже, о новости, с вполне оправданной тревогой, сообщали газеты. «Нельзя спать спокойно!» — вопили заголовки самой популярной из них.

Около девяти утра, когда все как будто успокоилось, в кабинет главного врача забежал, тяжело дыша, санитар.

— Доктор, сеньор № 67869 вернулся!

— Как это вернулся?

— Он лежит в нише!

— Что ты выдумал?

— Посмотрите сами!

Главный врач, а за ним все врачи и санитары, встречавшиеся на его пути, помчались в галерею.

И правда, сомнонавт № 67869 лежал в своей нише в обычной позе.

Главный врач приказал немедленно перенести спящего в медицинский кабинет и тщательно осмотреть. С сеньора № 67869 сняли серую тунику и приступили к осмотру.

Результат оказался беспрецедентным и ошеломляющим: у сеньора № 67869 были грязные ноги. Он ими ступал, сомневаться в этом не приходилось.

Было решено, что возвращение беглеца должно сохраняться в строжайшей тайне, а дальнейшие расследования всех обстоятельств этого дела будет вести исключительно персонал морфисенатория.

Сеньора № 67869 перенесли обратно в его нишу.

На эту ночь, а если понадобится, и дальше главный врач приказал установить за сомнонавом неусыпное наблюдение и, поскольку природа случившегося оставалась совершенно непонятной, распорядился, чтобы наблюдение велось незаметно.

Вечером почти весь персонал остался на местах. Главный врач затеялся вместе со сторожами недалеко от ниши наблюдаемого.

До двенадцати ночи сеньор № 67869 пребывал в положенной сомнонаву позе, но в начале первого, когда главный врач начал уже подумывать о том, чтобы сходить к себе в кабинет подкрепиться, из ниши донесся шорох, и все увидели, как тот, кого стали потом называть «несовершенным сомнонавом», медленными, сомнамбулически точными движениями стал осторожно отодвигать изнутри стекло ниши, а отодвинув, мягко соскользнул со своей полки, расположенной достаточно высоко, на пол галереи. Неторопливо, но уверенно, с застывшим лицом и висящими как плети руками сеньор № 67869 зашагал по галерее к центральному фойе. За ним, не веря глазам своим, последовали в некотором отдалении главный врач и два его молодых помощника.

Медленно, но очень ловко знаменитый отныне сомнонавт открыл входную дверь, вышел на улицу и пошел по ней, держась поближе к домам. Снимая на ходу белые халаты (к счастью, на улице в этот час прохожих не было), врачи пошли следом за ним.

Все таким же неторопливым и уверенным шагом сеньор № 67869 пересекал одну за другой улицы и площади, и через час с лишним они оказались в одном из окраинных районов.

Хоть и окраинный, район этот был довольно густо заселен, и преобладали в нем многоквартирные дома, которыми широко пользовались любители повеселиться и свободно пожить.

Откуда необычный сомнонавт извлек ключ, которым он открыл дверь парадного, врачам заметить так и не удалось. Дверь за ним захлопнулась, а врачи остались на улице. Сколько ни звонили они, сколько ни кричали в застекленную дверь, ответом им было мертвое молчание. Можно было позвать кого-нибудь или сломать замок, но в планы главного врача это не входило. Он сказал:

— Подождем здесь до утра, когда он пойдет обратно.

Одному из своих спутников он приказал немедленно вернуться на такси в морфисанаторий, а второй остался с ним.

До половины восьмого никаких новых событий не было.

В половине восьмого привратник отпер дверь парадного. Через десять минут после этого она отворилась, и из нее вышел сомнонавт.

Главный врач с помощником снова двинулись за ним следом. При виде сомнонавта в серой тунике, с застывшим неживым лицом, еще немногочисленные в этот час прохожие останавливались как вкопанные, а некоторые, зная об исчезновении сомнонавта из газет, предполагавших, что он был похищен, бросали свои дела и шли за ним. Главному врачу пришлось все время объяснять, что наблюдает за сомнонавтом он, и просить любопытных, присоединявшихся по пути, не подходить слишком близко.

К дверям морфисанатория подошла толпа в сто с лишним человек.

Сеньор № 67869 вошел в фойе, а потом, не ускоряя шага, направился в свою галерею. Там, хотя и с некоторым усилием, он привычными движениями взобрался к себе в нишу и лег.

Новость, как и следовало ожидать, мигом облетела весь город, и стало известно, что следующей же ночью постараются выяснить, зачем сомнонавт уходит по ночам из морфисанатория. К полуночи все улицы, по которым он должен был идти, были уже запружены народом, и когда из дверей морфисанатория показался сеньор № 67869, а за ним, на несколько шагов позади, главный врач со своими помощниками, полиции пришлось расчищать им дорогу.

Привратника предупредили заранее, и на этот раз все должно было пройти гладко.

За прошедший день выяснился один факт, необычайно возмущивший родственников странного сомнонавта: оказывается, еще до того, как лечь в морфилку, он без их ведома снял для себя отдельную квартиру — ту самую, в которую сейчас направлялся.

За сомнонавтом, невозмутимо и величаво шествовавшим по улицам, тянулась процессия фотографов, телевизионщиков и бесчисленных зевак. Полиции лишь с большим трудом удавалось прокладывать ему путь, а когда сеньор № 67869 подошел к дому, к которому направлялся, сдерживать толпу стало еще труднее — всем хотелось войти и посмотреть, что будет делать сомнонавт. Главный врач приказал полиции никого не впускать: речь идет о научной проблеме, и только людям науки надлежит заниматься ее решением. В дом должны войти только он и его помощники.

Они поднялись за сомнонавтом по лестнице на второй этаж. Из-под коврика перед дверью он достал ключ; осторожно, словно

боясь разбудить кого-то, открыл дверь, вошел и запер ее изнутри. Главный врач подождал несколько секунд, а потом заранее приготовленным ключом открыл ее и вместе со своими помощниками вошел в квартиру.

Врачи увидели, как рассказывали они потом, следующее: сомнонавт прошел в ванную, почистил зубы, перешел оттуда в спальню, снял с себя туннику, надел пижаму, помолился, погасил свет и лег спать.

Главный врач снова зажег свет — и они увидели, что сомнонавт уже спит глубоким безмятежным сном. Никого другого в квартире не оказалось.

Ситуация прояснилась. Главный врач с помощниками остались у постели спящего ждать наступления утра. Как они и предполагали, сомнонавт поднялся с постели еще до того, как прозвенел будильник, который он завел перед тем, как лечь. Он снял пижаму; надел туннику, которую, когда ложился, аккуратно повесил на спинку стула; снова почистил зубы, открыл дверь квартиры, вышел, запер ее, положил ключ под коврик и, как и накануне утром, отправился в обратный путь.

Никто не знал, что с ним делать теперь. Попробовали перекладывать в другие ниши, но куда бы его ни клали, в полночь сеньор № 67869 неизменно поднимался и шел спать в свою квартиру. И если он не находил свободного выхода, если дверь на улицу была заперта, он начинал делать такие усилия, чтобы ее открыть, что приходилось опасаться за его здоровье. Ему, согласно его собственной, письменно выраженной воле и соответственно уплаченной им сумме, предстояло спать еще несколько лет, и оснований будить его до срока не было.

Шли годы, и люди постепенно привыкли к «человеку двух снов», привыкли видеть, как ежедневно в полночь он покидает морфисанаторий и отправляется в свою холостяцкую квартиру, где специально нанятая прислуга поддерживала чистоту. И уже никто не удивлялся, встречая безмолвную фигуру, в серой туннике шагающую из морфисанатория в квартиру и обратно.

Единственным человеком, который так и не смог с этим примириться, была супруга сомнонавта, все время возмущавшаяся:

— Но почему, объясните мне, почему он ходит спать в эту мерзкую квартиру, а не домой, в нашу спальню?

Перевел с испанского
Р. Рыбкин

ОТВЕРЖЕННЫЙ

— Что там происходит? — спросил капитан Кортар, глядя через толстый иллюминатор капитанской рубки. С высоты тысячи футов люди казались крохотными сплюснутыми фигурками. Они сузились около вертолета, который только что приземлился за оградой космопорта. Первый помощник капитана Дейксем включил электронный телескоп, чуть заметным движением руки отрегулировал настройку и переключил изображение на большой экран центрального пульта.

— Похоже на беспорядки, сэр. Правда, толпа не слишком-то велика, и полицейские ее сдерживают. А теперь они кидают камнями в человека, вышедшего из вертолета. Похоже, попали.

Капитан и первый помощник пристально вглядывались в экран. Раненый, прижимая руку к виску, опустился на колени, и исчез за обступившими его зелеными мундирами. Кольцо полицейских почти бегом отступило к входу в здание, сопровождаемое градом камней и разных мелких предметов. Они скрылись из виду, и толпа, немного побесновавшись, рассеялась.

— Не лежит душа у меня к этим людям, — проговорил капитан, отворачиваясь от экрана. — Уж больно они буйны. Мы взлетаем сразу же, как только закончится посадка. Долго еще они будут там копать?

— Всего несколько минут, сэр. Кассир только что доложил, что последние пассажиры заканчивают таможенный досмотр.

— Прекрасно. Задрать все люки, кроме пассажирского, и как только все будут на борту, приступайте к процедуре старта.

— Разрешите выполнять, сэр?

— Идите.

Дейксем спустился на лифте на пассажирскую палубу и прошел к главному шлюзу, где судовой кассир и стюард встречали вновь прибывших.

— Полный комплект, Дейксем, — проговорил пожилой кассир, протягивая пассажирскую ведомость. — Все, кроме одного, уже на борту. Пустуют только две каюты. В этом рейсе мы на одном спиртном неплохо заработаем; эта публика, судя по виду, непрочь промочить горло.

— Давайте сверим посадочные талоны. Капитан приказал стартовать сразу же по окончании посадки.

Проверка заняла немного времени. Все имена сошлись; не хватало лишь одного пассажира.

— Ориго Лим,— произнес первый помощник, глядя в пассажирскую ведомость.

— Здесь,— ответил за его спиной низкий голос, и последний пассажир шагнул с эскалатора в открытый люк.

— Добро пожаловать на борт «Венгадора»,— проговорил, поворачиваясь к нему, Дейксем,— будьте любезны, вручите кассиру посадочный талон, и стюард проводит вас в вашу каюту...

Едва успев кинуть взгляд на пассажира, Дейксем смолк. Высокий широкоплечий мужчина. Средних лет. Одет скромно. Веснушчатое загорелое лицо, с высокими залоусинами. Волосы острижены под короткий ежик. На виске свежая марлевая наклейка.

— Попрошу вас обождать здесь, пассажир Лим,— проговорил Дейксем, голос его звучал холодно и формально. Он щелкнул тумблером переговорного устройства.

— Последний пассажир на борту, капитан.

— Отлично. Задрать люки.

— Одну секунду, сэр. Этот пассажир... словом, это тот самый, в кого только что кидали камнями.

— Выходит, он — местный? — спросил капитан, помолчав.

Дейксем взглянул на посадочный талон.

— Так точно, сэр. Урожденный деламондинец.

— Есть ли среди пассажиров другие деламондинцы?

Дейксем поднял глаза на кассира, который отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр. Только этот.

— Тем лучше. Пассажир меня слышит?

— Да, сэр.

— Так слушайте, пассажир. Мне дела нет до вашей планеты и ее порядков. Вы законным образом приобрели билет, и вы не уголовный преступник, иначе полиция бы вас не выпустила. Будь у меня на борту другие деламондинцы, я бы не взял вас. Считайте, что вам повезло. Можете ехать, но зарубите себе на носу: все ваши склоны должны остаться на этой склочной планете. Только посмейте что-нибудь затеять, и я запру вас в каюте до конца рейса. Усвоили?

В продолжение всей речи капитана Дейксем не сводил с пассажира глаз, а его рука машинально легла на кобуру пистолета на пояс.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ориго Лима, губы были плотно сжаты, но глаза!.. Сквозь полуприкрытые веки сквозила такая ненависть, что, казалось, еще немного, и она испепелит его душу. Затем веки закрылись, и плечи пассажира слегка обмякли. Когда Лим снова открыл глаза, они не выражали никаких чувств. Голос его звучал вежливо и спокойно.

— Я вас понял, капитан. А теперь я бы хотел пройти в свою каюту.

Дейксем едва заметно кивнул, и кассир сделал пометку в ведомости. Весь багаж Лима состоял из дешевого жестяного чемоданчика. Стюард поднял его.

— Идите за мной. Я покажу вам вашу каюту.

— Ох, быть беде,— проговорил кассир,— чует мое сердце, мы еще хлебнем с ним горя.

— Не будь старой бабой! — рывкнул на него Дейксем, которого одолевало то же предчувствие.

Кассир хмыкнул, и принялся задревать пассажирский люк.

Первый инцидент произошел сразу же после того, как корабль преодолел световой барьер. По давней традиции, после выхода корабля в гиперпространство пассажиры собирались в салоне, поднимали бокалы за благополучное путешествие и знакомились друг с другом. Во время предварительных маневров они лежали пластом на своих амортизационных ложах, и легкое снотворное помогало им выносить чередование перегрузок и свободного падения. Но теперь, когда корабль благополучно оказался в гиперпространстве, а желудки успокоились в искусственном поле тяжести, пассажиры были готовы развлекаться. Кассир приготовил по своему рецепту огромную чашу пунша Процион, на вкус это была невинная смесь фруктовых соков, но так щедро одобренная спиртом, что могла расшевелить самую унылую компанию. Затем он принялся разогревать в небольшой духовке за баром крохотные замороженные бутербродики. Кассир был единственным членом экипажа, присутствовавшим при первой встрече пассажиров. Команде доступ в салон был закрыт, а с офицерами пассажиры в первый раз встретятся за обедом. Салон постепенно наполнила пестро разодетая толпа; вычурные бархатные камзолы мужчин соперничали с рискованными полупрозрачными одеяниями женщин.

— Попрошу двойное бренди со льдом.

Кассир вставил поднос с бутербродами в духовку и подарил Ориго Лиму свою лучшую профессиональную улыбку.

— Не хотите ли отведать пуншу, сэр, капитан угощает...

— Не терплю пунш. Двойное бренди.

При взгляде на флегматичное лицо Лима улыбка кассира скисла. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

— Как вам будет угодно, сэр. У нас на борту пассажир — король.

По отношению к странному пассажиру эти привычные слова прозвучали глуповато, и кассир отвернулся, чтобы достать бутылку.

Не успел Лим поднести свой бокал к губам, как шум голосов прорезал женский вопль. Лим круто повернулся на досках, выронив бокал. Напряженная тишина, и снова истеричный вопль, и тут Лим разглядел кричащую. Она стояла у столика с холодными закусками и в ужасе смотрела на свою окровавленную руку. В другой руке, очевидно, позабыв о нем, она все еще держала изогнутый нож. Должно быть, она нарезала мясо и случайно умудрилась ранить руку. Лим быстро пересек комнату и схватил ее за запястье.

— Пустяковый порез,— произнес он. Он нажал большим пальцем на артерию, и кровотечение немедленно прекратилось.

Однако женщина, не слушая, продолжала вопить еще громче. Тогда Лим свободной рукой резко ударил ее по щеке, и крики немедленно смолкли.

Лим отобрал у женщины нож и указал им на стоящего рядом мужчину.

— Принесите мне аптечку. Да пошевеливайтесь!

— Но я... я не знаю, где она,— пробормотал мужчина, заикаясь.

— Не ваяйте дурака. Аптечки есть в каждой каюте. Ближайшая в туалете, рядом с умывальником. Кто-нибудь, подайте женщине стул.

Женщина упала в подставленное кресло. Кровь отхлынула от ее лица, и на побледневшей щеке четко вырисовывался красный отпечаток пятерни. Толпа вновь задвигалась, послышался шум голосов. Две женщины поспешили было на помощь, но Лим остановил их.

— Соболаговолите минуту подождать.

Мужчина в пурпурном камзоле вернулся с аптечкой. Лим открыл ее одной рукой и достал тюбик антисептической мази. Быстро смазав порез, он заклеил его лейкопластырем.

— Пока сойдет,— сказал он,— но я бы рекомендовал вам как можно скорее обратиться к врачу.

Женщины столпились вокруг пострадавшей, которая продолжала растерянно смотреть на свою заклеенную руку. Лим вернулся к бару, небрежно отстранив с дороги мужчину в пурпурном камзоле, лепетавшего слова благодарности.

Кассир уже держал наготове бокал с двойным бренди, взамен того, что Лим уронил на пол.

— Ловко сработано, сэр. Позвольте мне от имени экипажа выразить нашу признательность.

Ориго Лим залпом осушил бокал и, не ответив, вышел из комнаты.

— Чертов дикарь! — пробормотал ему вслед кассир сквозь сжатые губы.

Второй инцидент произошел за обедом. Большинство из двадцати трех пассажиров принадлежало к свите герцогини Марескулы с планеты Касердам, где корабль должен был сделать следующую остановку. Они сидели за столами, сдвинутыми в форме буквы П, и вместе с ними обедали свободные от вахты офицеры. Отдельно за маленьким столиком устроилась парочка молодоженов. У дальней стены в одиночестве сидел Ориго Лим. Утреннее происшествие вызвало за большим столом немало толков, и обедающие то и дело бросали на Лима исполненные любопытства взгляды.

— Нам, вероятно, следует поблагодарить этого человека, который оказал помощь Клелии, — проговорила герцогиня, рассматривая Лима подслеповатыми выпуклыми глазами, делавшими ее похожей на лягушку. — Как вы думаете, капитан, может быть, пригласить его выпить с нами?

В ответ капитан Кортар лишь невразумительно проворчал. Он уже слышал об утреннем происшествии и от всей души желал, чтобы герцогиня оставила бы этого пассажира в покое, но как сказать ей об этом!

— Нет, нет, не спорьте, капитан, этого требует простая вежливость. Послушайте, Дамин-Хест... — герцогиня повернула голову с копной зеленоватых волос в сторону мужчины в красном камзоле. Тот был занят разговором с соседом, но, едва услышав свое имя, вскочил на ноги.

— К услугам вашей светлости.

Герцогиня изложила свою просьбу, и Дамин-Хест, слегка поклонившись, вышел из-за стола. Ориго Лим видел, как тот направился к нему, но поднимая голову от тарелки с супом лишь тогда, когда мужчине в красном камзоле подошел к столику вплотную.

— Да?

— Умоляю вас, простите мою бесцеремонность. Меня зовут Дамин-Хест. Я — шеф протокола при дворе ее светлости герцогини Марескулы Касердамской, чьей родственнице вы столь любезно сегодня утром пришли на помощь. Герцогиня желала бы пригласить вас...

— Одну минуту, — прервал его Лим, — не кажется ли вам, что прежде чем передать приглашение, следует поинтересоваться моим именем.

— Разумеется! Простите мою оплошность...

— Меня зовут Ориго Лим.

С выпученными глазами и разинутым ртом Дамин-Хест отшатнулся от столика.

— Именно такой реакции я и ожидал,— Лим впервые улыбнулся, но улыбка его была невеселой,— а теперь валяйте обратно.

Шеф протокола с видимым усилием взял себя в руки и, вытаскивая из-за отворота рукава платок, промокнул им свой взмокший лоб. Затем он резко повернулся и, подойдя к герцогине, что-то прошептал ей на ухо. Герцогиня слегка пожала плечами и вернулась к прерванному разговору с капитаном. Это краткое происшествие не привлекло к себе особого внимания, и Дамин-Хест, вернувшись на свое место, непринужденно принял участие в общем разговоре. Однако на его лице то и дело проскальзывало озабоченное выражение.

Вся эта сцена не ускользнула от глаз капитана, и он несколько не удивился, когда сразу же после обеда к нему подошел Дамин-Хест.

— Капитан, мне необходимо переговорить с вами по делу чрезвычайной важности.

— Я вас слушаю. В чем дело?

— Не здесь. Вопрос весьма конфиденциального свойства,— отвечал шеф протокола, озираясь словно перепуганная курица.— Не могли бы вы уделить мне несколько минут наедине?

Все это было капитану крайне не по душе, но что он мог поделать!

— Хорошо, через час в моей каюте,— ответил он и, отвернувшись, поднес к губам бокал.

Через час капитан вернулся к себе.

— Что у вас стряслось? — спросил он, не слишком любезным тоном, едва вошел Дамин-Хест.

— Капитан, вы знаете, кто этот человек? Тот, что обедал в одиночестве?

— Разумеется, у меня есть список пассажиров. А почему вы спрашиваете?

— Список пассажиров... совсем упустил из виду. Вы ведь должны будете его опубликовать. Послушайте, капитан, я бы не стал этого делать...

— Черт возьми, сэр, по какому праву вы мне указываете? — вскипел капитан. Гнев его был тем сильнее, что в душе он чувствовал себя слегка виноватым. Список пассажиров следовало опубликовать сразу же после старта, но он никак не мог решиться.— Чем тот человек вас так напугал?

— Может быть, он путешествует под фальшивым именем, и вы не знаете, кто он? Это Лим...

— Верно. Ориго Лим.

— Но ведь это палач Лим! — почти прорычал Дамин-Хест.

— Нельзя ли повразумительнее? Что вы хотите этим сказать?

Но шеф протокола уже овладел собой и ответил холодным извительным тоном:

— Уверяю вас, капитан, что у меня нет ни малейшего желания обсуждать этого типа. Этот разговор не доставляет мне удовольствия. Единственное, о чем я вас прошу,— пусть Лим избавит нас от своего общества. Герцогиня не знает, кто он, и я от всей души надеюсь, что никогда и не узнает. Если ей вдруг станет известно, что она обедала в одной компании с этим чудовищем!.. Мне не зачем объяснять вам, что гнев герцогини может заметно повредить вашим торговым сделкам на планете Касердам. Это не угроза, капитан, о нет, а реальный факт. Нам обоим эта история может причинить кучу неприятностей.

Капитан Кортар, стиснув зубы, удержался от резкого ответа. В конце концов этот напыщенный дурак был не источником неприятностей, а лишь их провозвестником. К тому же его угрозы были вполне реальными. Следовало самому разобраться во всем этом деле.

— Попрошу вас вернуться в салон. Я займусь этим делом, и позднее сообщу вам свое решение. На борту «Венгадора» всегда был полный порядок, и я не позволю его нарушить кому бы то ни было.

— Благодарю вас, капитан. До встречи.

Едва за шефом протокола закрылась дверь, как капитан Кортар в гневе хватил по столу тяжелым кулаком. Только у одного человека можно было дознаться, что все это значит.

— Лим... Ориго Лим... палач Лим...— бормотал капитан, нажимая кнопку переговорного устройства. Экран засветился.

— Слушаю, сэр.

— Дейксем, мне надо поговорить с пассажиром Лимом. Немедленно. Нет, не звоните ему. Пойдите за ним и лично приведите его сюда. Фоссейс заменит вас в рубке до вашего возвращения.

— Слушаю, сэр.

К тому времени, когда раздался стук в дверь, капитан уже успел совладать с собой. Он выждал, пока Дейксем покинет каюту.

— Кто вы такой? — спросил он, едва за первым помощником закрылась дверь.

— Мне казалось, капитан, что мы уже выяснили этот вопрос. Я — Ориго Лим.

— Это имя. Объясните мне, почему толпа на космодраме забрасывала вас камнями?

— Должно быть, я им не понравился.

— Хватит играть в прятки, Лим!

Разделенные столом, капитан и пассажир смотрели друг на друга словно два бойцовых петуха.

— Скажите, Лим, почему вас называют «палачом»?

— Уже успели, я вижу, переговорить с этим пижоном в красном? Он, что, нарывается на неприятности?

— Ни Дамин-Хест, ни я не ищем неприятностей; напротив, мы стремимся их избегать. Поэтому, прежде чем принять решение, я хотел узнать, почему ваше присутствие так раздражает эту публику.

Лим помолчал, затем холодно улыбнулся.

— Я убил двести человек,— ответил он.

Капитан вопросительно поднял брови.

— Но ведь были же какие-то смягчающие обстоятельства, а может быть, просто несчастный случай? Не то бы вас казнили. Расскажите лучше все, как есть, чтобы я смог принять разумное решение и успокоить этих перепуганных идиотов с Касердама.

Лим подтянул к себе стул и уселся, его большое тело слегка обмякло, словно он позволил себе немного расслабиться.

— Давайте присядем, капитан. Простите, если я причинил вам лишние хлопоты. Вы хотите быть справедливым. Понимаю. Боюсь, я настолько отвык от подобного к себе отношения, что перестал его узнавать. Дело, в общем-то, нехитрое...

— Выпьем, если не возражаете,— ответил капитан Кортар, доставая в знак перемирия из ящика стола бутылку с бесцветной жидкостью и два стакана. Они разом выпили, и Лим, почти совсем успокоившись, принялся рассматривать стакан на просвет.

— Этиловый спирт пополам с дистиллированной водой— давненько я не пробовал эту смесь, еще со студенческой скамьи.

— Напиток космонавтов, мы зовем его ракетным топливом. Убей меня бог, если я знаю почему.

— А мы в госпитале звали бальзамирующей жидкостью.

— Так значит вы — врач.

— Доктор медицины, точнее, был им.— К Лиму вновь вернулась напряженность, и он, весь подобрavшись, сидел на самом кончике стула.— Не люблю я рассказывать свою историю, так что вы уж простите, если я ее малость подсокращу. Дело в том, что на Деламонде бронхиальная карцинома является повальным заболеванием. Как вы знаете, а может быть, и не знаете, это особо болезненная и неизлечимая разновидность рака легких. Это, пожалуй, единственная достопримечательность этой планетки, если не считать того, что она богата тяжелыми металлами, а ее обитатели отличаются тупоумием и сварливостью. Само собой напрашивалось предположение, что заболевания вызывали канцерогенные вещества, обильно выделяемые в атмосферу тысячами рудников, обога-

тельных фабрик и сталеплавильных заводов. Много раз врачи начинали исследования канцерогенов, требуя от промышленных магнатов оборудовать заводы дымоулавливателями, фильтрами и тому подобными вещами. Задабривая общественное мнение, магнаты даже финансировали эти исследования, хотя и скуповато. Но как-то так получалось, что все эти исследования не давали окончательного ответа. И надо же было случиться такому невезению, что в процессе лечения одного пациента мне удалось выделить вирус карциномы, для развития которого были необходимы тяжелые металлы.

Опыты на лабораторных животных дали положительные результаты, я опубликовал их, и дело получило громкую огласку. Пытаясь обелить себя, магнаты обещали всяческую поддержку моим исследованиям. Необходимо было проверить мои теории на живых людях. Магнаты пустили в ход свои связи, и в мое распоряжение были предоставлены добровольцы из преступников, приговоренных к смертной казни. Им пообещали свободу, если они выживут. Я надеялся заразить их вирусом, а затем оперировать карциному на ранней стадии. Впрочем, я оказался единственным, кто собирался лечить этих людей. Власти и не думали держать свое слово. Всех их бросили обратно в тюрьму.

Лим замолчал. Взор его был устремлен не на капитана, а куда-то в далекое прошлое, которое он никак не мог позабыть. Капитан молча наполнил его стакан, и Лим с благодарностью выпил.

— Вот, собственно, и все, капитан, разве что досказать конец. Я оказался первым человеком, которому удалось привить заразную скоротечную форму рака. Не только мои добровольцы заболели карциномой, они перезаразили всю тюрьму. На моей совести смерть двухсот трех человек, это тяжкая ноша, капитан. Мне куда труднее снести ее, чем тюремное заключение, плети и всеобщую ненависть. Да, я — палач, и когда они лишили меня диплома врача — это был единственный разумный поступок с их стороны.

— Но не могли же они свалить на вас ответственность...

— Так они и сделали. Им было бы наплевать, если бы погибли только заключенные; меня, возможно, даже поблагодарили бы, что я сэкономил государству деньги на их содержание, но среди умерших оказались начальник тюрьмы и семнадцать надзирателей.

— И надо полагать, что все они принадлежали к правящей партии?

— А вы и впрямь повидали свет, капитан. Все они действительно были политическими назначенцами. Желтая пресса подняла вой, требуя надо мной суровой расправы. Меня судили и приговорили к пожизненному заключению и к десяти ударам плетью

каждый месяц в течение всего срока. Были у меня кое-какие друзья и приличная сумма денег — сейчас, правда, не осталось ни того, ни другого — вот почему, отсидев только семь лет, я оказался на борту вашего корабля. Это не слишком забавная история, капитан Кортар, и я сожалею, что мне пришлось ею докучать вам.

— Судя по истерике этого болвана, я ожидал куда худшего. А теперь наполните стаканы еще раз, а я поищу, не осталось ли у меня приличных сигар.

Все время, пока капитан разыскивал сигару и раскуривал ее, он напряженно размышлял, что же ему делать. Лим был полностью в его власти, и будь доктор другим человеком, он принял бы решительные меры, и дело с концом. Запер бы его в каюте до конца рейса, и все тут. Но семь лет тюрьмы, и каждый месяц десять ударов плетью. Нет уж, тюремщиком он не будет.

— Помогите мне как-нибудь уладить это дело, — заговорил капитан, убедившись, что сигара раскурена. — Этот протокольный петух так дрожит за свою шкуру, что он вас не выдаст, но для этого вам придется держаться подальше от этой компании. Даже мысль, что вы обедаете в одном салоне с этой слоноподобной герцогиней кидает его в дрожь.

— А нельзя сделать так, чтобы еду подавали ко мне в каюту? На людях мне до сих пор как-то не по себе.

— Это сильно упрощает дело, но я не собираюсь запира́ть вас. И потом, где вы будете проводить свое время днем?

— Неужели у вас нет другого салона? Признаться, я и сам недолголюблю эту публику.

— Есть офицерская кают-компания. Мы будем рады видеть вас у себя.

— Мне бы не хотелось злоупотреблять...

— Это не злоупотребление, а удачное решение проблемы, которая иначе может причинить всем нам немало хлопот.

Все уладилось. Затем во имя общего спокойствия капитан Кортар нарушил строгий кодекс личной чести, принятый на его родной планете Гозган и опубликовал список пассажиров, в котором имя Ориго Лима было заменено другим. Подлинный список был внесен в корабельный журнал, и капитан знал, что ему не будет покоя, пока он не уничтожит следы фальсификации. Он вызвал Дейксема и кассира и объяснил им, что пошел на этот шаг для поддержания порядка и что вся ответственность и бешес­твие целиком ложатся на его плечи. Как истинные гозганцы, они не спорили с ним и не спрашивали объяснений. Лим под именем Элимса был радушно встречен в кают-компани́и:

— Будьте как дома, — радостно приветствовал его самый молодой из офицеров, второй помощник Фоссейс. — Хотите пива? Мы

так надоели друг другу, что новое лицо для нас все равно что дождь в пустыне. Меня зовут Фоссейс. Вот этот толстяк с туповатым лицом, Женти, наш никудышный механик. А вон того мрачного типа с лошадиной рожей вы уже знаете, это Дейксем, первый помощник капитана и наш главный пьяница. Не смей! НЕ СМЕЙ, ТЕБЕ ГОВОРЯТ!

Последние слова Фоссейс прокричал, отскочив вбок, но корабельный механик Женти оказался проворнее. Его рука с конденсатором, из которого торчали два тонких острых провода, стремительно метнулась вслед ретирующемуся помощнику, и провода, проколов материю на сиденье брюк, коснулись трепещущей плоти. Раздался легкий треск, и Фоссейс громко взвыл. Все громко расхохотались, и даже Лим, забыв на секунду обо всем на свете, не смог удержаться от смеха.

— Ржать, как лошадь, вы умеете, посмотрим, умеете ли вы так же хорошо метать стрелки,— проворчал Фоссейс, потирая ушибленное током место.

Лим никогда не играл в эту игру, но правила ее были несложны, а его гибкие пальцы хирурга быстро научились направлять легкую оперенную стрелку в пробковую мишень. Они сыграли тренировочный раунд и откупорили по жестянке пива. Женти присел на диван и тут же вскочил на ноги, расплескав пиво по всей комнате—кто-то подложил заряженный конденсатор под подушку. Они бросили жребий, и азартно принялись за игру.

Ожидая своей очереди, Лим размышлял над поведением гозганцев. Во время работы они были холодны как лед, вежливы и неприступны; свои служебные обязанности они выполняли с подчеркнутым блеском. Но в свободное время вели себя неприужденно, забывали о различиях в званиях, шутили и разыгрывали друг друга. Заряженные конденсаторы были в большом ходу.

Несмотря на вновь приобретенное умение, Лим набрал меньше всех очков; ничего другого он и не ждал. Он принялся допивать свое пиво, как вдруг резкая боль ожгла его спину. Он круто повернулся, залив пивом рубашку, пальцы его непроизвольно сжались в кулаки, лицо исказилось гримасой боли и гнева.

Перед ним стоял юный Фоссейс с конденсатором в руке и победоносной улыбкой на лице.

— Проигравшему всегда достается...— он увидел выражение лица Лима и умолк. Улыбка медленно исчезла с его лица. Он весь подтянулся и холодными бесстрастными глазами следил за Лимом. Воцарилась мертвая тишина.

Все это Лим увидел и осознал в какие-то доли секунды; он понял, что был принят в их среду как равный, а за это надо расплачиваться. Откуда им было знать, что последние десять ударов

плети он получил всего три дня назад, и спина его еще не успела зажить.

Овладев собой усилием воли, Лим рассмеялся, надеясь, что для чужих ушей его смех не звучит так же натянуто и фальшиво, как для его собственных. Он протянул Фоссейсу правую руку.

— А я и не знал, что вы сажаете проигравших на электрический стул. Впрочем, чего еще от вас ожидать. Я сначала подумал, что мне крышка. Ну, по рукам, и не будем ссориться.

Слегка расслабившись, но еще не вполне уверенно Фоссейс протянул руку. Лим схватил ее и с энтузиазмом принялся пожимать ее, качая вверх и вниз, словно ручку насоса. Одновременно его левая рука скользнула к локтевому суставу молодого офицера. Его пальцы быстро нажали на локтевой нерв в том месте, где он проходит над локтевым отростком. Ойкнув, Фоссейс отскочил, и его правая рука бессильно обвисла, словно парализованная.

— Но я совсем позабыл рассказать вам о своем правиле,— продолжал Лим, чувствуя, как его улыбка становится более естественной,— когда меня бьют током, я парализую первую попавшуюся руку.

Все расхохотались, даже Фоссейс, продолжавший растирать свои занемевшие мускулы, и кризис благополучно миновал. Лим почувствовал, как у него на лбу выступили капельки пота, и только теперь по-настоящему понял, до какой степени ему необходимо общество этих парней. Семь лет в положении отверженного не проходят для человека бесследно.

— У старушки-герцогини, должно быть, расстройство желудка,— заметил Дейксем на следующий вечер,— она не вышла к обеду, а этот толстый жук Балиф снует взад и вперед с озабоченной миной. Хотя раз мне удалось пообедать с аппетитом, без ее кваканья над ухом.

— Хорошо быть начальством, сынок,— невозмутимо отозвался капитан Кортар, послав одну за другой две стрелки прямо в самый центр мишени,— вот когда ты будешь капитаном на собственном корабле, ты тоже сможешь приказывать своему первому помощнику, чтобы обедал с пассажирами вместо тебя.

— Если бы не надежда, что этот славный день когда-нибудь настанет, я бы давно уже бросил службу, вернулся на Гозган, завел свинарник и взял бы Фосси главным свинопасом.

Старая шутка, как всегда, была встречена радостным смехом. Лим рассмеялся вместе со всеми, но его сердце кольнуло предчувствие.

— Этот Балиф, он, что, судовой врач? — спросил Лим.

Должно быть, капитан заметил в его голосе странную нотку, потому что он метнул на Лима быстрый взгляд; впрочем, он единственный среди присутствующих знал его историю.

— Да, он врач, хотя и не член экипажа, — ответил капитан. — Как правило, мы возим грузы и не нуждаемся во врачах, но на пассажирские рейсы мы всегда нанимаем какого-нибудь костоправа. Когда мы узнали, что обратным рейсом с нами полетит герцогиня со своей компанией, мы наняли врача на ее родной планете.

— Тоже мне врач, — скорчил гримасу Дейксем. — Я бы его к себе и близко не подпустил. Да что там, я бы не дал ему лечить даже одну из тех свинок, которых будет пасти Фосси.

— Он нравится пассажирам, — заметил капитан, — за то ему и платят.

Разговор перешел на другую тему, и Лим постарался выкинуть доктора Балифа из головы. Он искренне надеялся, что с герцогиней Марескулой не случилось ничего более серьезного, чем расстройство желудка.

Но когда по истечении трех дней герцогиня продолжала оставаться в своей каюте, Лим, уловив момент, когда капитан появился в кают-компании, отозвал его в сторону.

— Как наша герцогиня?

— Понятия не имею. Доктор Балиф утверждает, что у нее легкое инфекционное недомогание, которое скоро пройдет.

— В чем выражается ее недомогание?

— Насколько я понял, что-то происходит с ее руками. А теперь это перекинулось на ноги. Должно быть, подагра разыгралась на почве обжорства.

Лима охватил страх, но он постарался не подавать виду.

— Кожные заболевания — это неприятная штука, капитан, и они могут оказаться очень заразными. Ради блага пассажиров и экипажа вам следовало бы поинтересоваться, насколько эффективно этот Балиф контролирует болезнь. Хотел бы я знать... — Лим осекся. Капитан, насупившись, не сводил глаз с его лица.

— Вам что-нибудь известно, доктор? — он сделал легкое ударение на последнем слове.

— Простите, капитан, но я не доктор. Меня лишили этого звания. Однако если у вас есть сомнения в компетентности доктора Балифа, то, исходя из своего прошлого опыта, я мог бы дать вам несколько советов.

— Большого от вас я просить не могу.

— Ладно. Тогда узнайте для меня кое-что у Балифа. Скажите, что вас интересует температура пальцев на руках и ногах, а также температура в локтевом и коленном суставах. Затем, если вам

удастся это деликатно сформулировать, скажите, что вас интересует ее светлейшая ректальная температура.

— Но он спросит, зачем мне это? Что я ему отвечу?

— Если он стоящий врач, то он поймет, почему вы спрашиваете, и не будет задавать излишних вопросов. А если он такой дурак, то скажите ему, что медицина — ваше хобби и что вы с детства мечтали стать ветеринаром.

На лице капитана появилось холодное служебное выражение.

— Будьте добры подождать здесь до моего возвращения.

— Разумеется.

Освободившиеся от вахты офицеры заполнили кают-компанию и чуть не силой втянули Лима в игру, но ему было трудно сосредоточиться. Он крупно проигрывал, и его спас лишь телефонный звонок.

— Капитан ждет вас у себя в каюте, — сказал ему офицер, снявший трубку.

Кортар, нахмурившись, рассматривал температурный бюллетень.

— Ерунда какая-то, — сказал он Лиму, едва тот вошел в каюту. — Надеюсь, вам эти цифры скажут больше. Но вы оказались правы относительно нашего милого доктора. Едва я спросил о температуре, как он побледнел и чуть не хлопнулся в обморок. Побежал измерять, даже не спросив, зачем мне это нужно. Я начинаю подозревать, что мы здорово опростоволосились с этим врачом. Ну, погодите, задам я взбучку своему агенту на Касердаме, который нанял его. А теперь скажите мне, что здесь творится? — Он протянул Лиму листок.

Ориго Лим несколько раз перечитал колонку цифр, стараясь сохранить наружное спокойствие. Довольно было одного взгляда. Диагноз был ясен, как белый день. Температура тела на полтора градуса выше нормы, температура в локтях и коленях на градус ниже нормы. Температура пальцев на руках и ногах на одиннадцать градусов ниже нормы.

— Что с ней? — резко спросил капитан. Лим поднял голову.

— Кожная язва Тофама.

— Никогда о ней не слышал.

— С ней почти полностью удалось справиться, но отдельные случаи вроде этого все еще встречаются. Чрезвычайно заразная штука, но, к счастью, инкубационный период длится почти две недели, и прививки обеспечивают стопроцентный иммунитет до самого последнего дня. Полагаю, что половина корабля уже заразилась. Капитан, вам следует немедленно распорядиться о поголовной вакцинации.

Капитан облегченно вздохнул.

— И на том спасибо. Но какого черта этот болван Балиф не сказал мне об этом сразу; похоже, что едва я спросил его, он догадался, в чем дело.

— У него была на то весьма основательная причина, которую зовут герцогиней Марескулой. Эта болезнь... ну, словом, она сильно обезображивает человека. Похоже, что у доктора Балифа душа ушла в пятки.

Лим почувствовал, как им снова овладевает нервное напряжение; по сути, оно никуда и не девалось.

— Если я позову доктора Балифа, возьметесь ли вы с ним поговорить, доктор Лим?

Лим помолчал, не зная, на что решиться.

— Меня лишили права заниматься медициной. За нарушение мне грозит смертная казнь на любой из планет этого сектора Галактики. Но разговаривать мне никто не может запретить. Если какой-нибудь врач возьмется желанием поговорить со мной, то это будет просто беседой. Я не буду давать ему никаких советов. Если затем он захочет что-нибудь предпринять, то это его дело. Я не могу нести за него никакой ответственности.

— Здорово вас скрутили. Смертная казнь за простую консультацию...

— Я же говорил, что Деламонд — зловредная планетка, — улыбнулся Лим. — Доктору Балифу необходимо узнать, кто я, и познакомиться с моей историей. Но его положение настолько очевидно, что он и у черта будет рад спросить совета.

— Прекрасно. Я немедленно приглашу его сюда.

С первого взгляда было заметно, что доктору Балифу как-то не по себе. Это был маленький человечек с пышными усами, которые он то и дело поглаживал тонкими беспокойными пальцами. Лицо его было покрыто красными пятнами, на подбородке дрожали капельки пота. Казалось, простое рукопожатие требует от него непосильных затрат энергии; его влажная ладонь бессильно обмякла в ручище Лима. Лим не сводил с доктора глаз, пока капитан рассказывал ему подлинную историю Лима и причины, вынудившие того путешествовать под вымышленным именем. Впрочем, имя Лима не произвело на доктора никакого впечатления, должно быть, он никогда и не слышал об этом деле. Едва узнав, что на борту корабля, кроме него, находится еще один врач, он был не в силах скрыть свою радость.

— Как замечательно, какая удивительная удача, — повторял он, широко улыбаясь и потирая руки, — коллега, нам необходимо устроить консилиум...

— Я не врач, — оборвал его Лим. — По-моему, вам сказали об этом достаточно ясно. Если кто-нибудь когда-нибудь узнает, что

вы со мной советовались, то мне угрожают серьезные неприятности. Если станет известно, что я участвовал в медицинском консилиуме, то меня ждет смертная казнь. Надеюсь, теперь вам все понятно.

— Разумеется, я вас понял, коллега, то есть, простите, многоуважаемый господин Лим,— он вновь принялся разглаживать свои усы,— все, что будет сказано в этой каюте, останется строго между нами. Я думаю, что мы можем полагаться на благоразумие капитана; всем известно, что гозганцы славятся своей рассудительностью. Впрочем, не будем отвлекаться. Болезнь ее светлости начинает принимать серьезный характер...

— Она была серьезной с самого начала. Какой диагноз вы поставили?

— Ну, вы сами понимаете, в начале заболевания часто трудно поставить уверенный диагноз; некоторые болезни обладают весьма сходными симптомами. Я хотел избежать ненужной паники...

— Короче, у нее язва Тофама? Да или нет?

Доктор Балиф побелел; казалось, еще немного, и он лишится чувств. Прежде чем ответить, он несколько раз облизнул пересохшие губы.

— Да,— пролепетал он наконец.

— Насколько я понимаю, вы уже оперировали? — бесстрастно осведомился Лим.

— Нет, видите ли, я намекнул ее светлости, что, по всей вероятности, понадобится небольшая, чисто косметическая операция, но она категорически запретила ее оперировать. Да, запретила. Она хочет по прибытии на Касердам сначала посоветоваться со своим домашним врачом,— еле слышным голосом отвечал Балиф, потупив глаза.

— Как далеко зашел некроз? — тем же ровным голосом спросил Лим. Капитан Кортар слушал молча, понимая только, что положение серьезно.

— Самые кончики пальцев, то есть вначале были пальцы, а сейчас кисти рук и, судя по температуре ступней...

— Какой же вы болаан,— чуть ли не шепотом проговорил Лим. Доктор Балиф покраснел и еще ниже опустил голову.

— Да вы хоть что-нибудь сообщаете в медицине? — вдруг взорвался Лим.

— Как вы смеете, сэри! Вы слишком много на себя берете. У меня есть диплом врача и звание государственного советника медицины. До недавнего времени я был председателем эпимской ассоциации врачей. У вас нет оснований сомневаться в моей компетентности.

— Плохо дело,— сказал Лим капитану.— Язву Тофама нетрудно распознать по резким различиям температуры отдельных участ-

ков тела. Обычно вначале она поражает конечности, чаще всего пальцы рук. Когда болезнь переходит в активную фазу, прививки уже не помогут. Единственный выход — немедленная операция. Клетки тканей, пораженные бактерией Тофама, отмирают, и инфекция распространяется на соседние участки. Больной ощущает легкий зуд, жалуется на онемение конечностей, но боли не испытывает. Однако самочувствие обманчиво. Пораженная ткань мертва, и ее необходимо срочно удалить, прихватив для верности пару дюймов здоровой ткани. На ранней стадии можно было ограничиться ампутацией пальцев. Я не видел больную, но похоже, что ее светлости предстоит лишиться обеих рук, а возможно, и ног. — Он снова повернулся к Балифу, бессильно опустившемуся на стул. — Когда вы намерены оперировать, доктор?

— Но вы меня не поняли. Как я могу ее оперировать? Ведь она мне запретила.

— Ну, что ж, тогда она умрет, вот и все. Я рекомендую вам начать подготовку к операции. Незамедлительно.

Не поднимая головы, доктор Балиф медленно встал и, слегка споткнувшись о порог, вышел из каюты.

— Уж больно вы с ним были суровы, — заметил капитан, но в голосе его не было осуждения.

— Поневоле пришлось. Как же иначе было заставить его понять всю серьезность ситуации? Первая и основная обязанность врача — сохранить пациенту жизнь. Как только он это поймет, все будет в порядке. Операция сама по себе пустяковая. Но если вы разрешите дать вам совет, я бы рекомендовал послать ему в помощь одного из ваших офицеров — для моральной поддержки.

— Первый помощник Дейксем. Он — самый подходящий человек для этого дела.

Капитан отдал необходимые распоряжения и достал из ящика стола бутылку. Когда они выпили и Лим собирался уходить, в каюту вошел Дейксем и подчеркнуто сухо и официально отдал честь.

— С глубоким прискорбием должен вам доложить, сэр, что доктор Балиф мертв.

Шеф протокола Дамин-Хест застал капитана, его помощника и Лима в каюте Балифа. Доктор Балиф, одетый в халат из синтетического шелка, лежал на койке, скрестив руки на груди, и лицо его было тихим и умиротворенным.

— Что случилось? Почему меня позвали сюда? — спросил Дамин-Хест, затем он увидел труп и замер с открытым ртом.

— Доктор Балиф покончил жизнь самоубийством, — ответил Ориго Лим, указывая на валяющийся на полу шприц. Он разжал

пальцы покойного и вытащил из них маленький пузырек, наполненный до половины прозрачной жидкостью.

— Мартитрон, один из самых сильных транквилизаторов. Две капли в день прекрасно успокаивают нервную систему. 5 кубических сантиметров успокаивают настолько, что перестает биться сердце. Самый простой выход из положения. Доктору Балифу его ноша оказалась не под силу, и он оставил ее мне в наследство.

— Почему вам?

— А больше никому. Герцогиню необходимо оперировать немедленно, и так слишком много времени было потеряно. На всем корабле эту операцию могу сделать только я, но тогда меня приговорят к смертной казни.

— Неужели операция так уж необходима? — спросил шеф протокола.

— Вопрос жизни и смерти. У меня нет выбора. Вернее, выбор есть. Я могу поступить так, как велит закон, и плюнуть на всю эту историю. Какое мне дело до того, что помрет какая-то герцогиня?

— Вы обязаны ее спасти! Вспомните вашу клятву врачам!

— Забудьте о клятве. Меня освободил от нее приговор суда.

Шеф протокола возмущенно повернулся к капитану.

— Капитан Кортар, прикажите этому человеку провести операцию.

— Не могу. Это не в моей власти.

— То есть как это не в вашей власти?! — Дамин-Хест побелел от ярости. — Вы нанимаете безграмотного лекаришку, который в страхе перед операцией кончает с собой, а теперь заявляете, что вас это не касается!..

— Прекратите! — сердито остановил его Лим. — Я сделаю все, что в моих силах. Что мне еще остается? Не могу же я допустить, чтобы старая женщина расплачивалась жизнью за бездарность врача.

Гнев шефа протокола как рукой сняло. Он широко улыбнулся.

— Вы отважный и великодушный человек, доктор Лим. Заверяю вас, что вам не грозят никакие неприятности. Я объясню свите герцогини, в чем дело, и мы сохраним вашу тайну. Мы скажем, что операцию сделал доктор Балиф до того, как он умер. Ваше имя не будет даже упомянуто.

Дамин-Хест вышел из каюты, и только тут Лим заметил, что Дейксем смотрит на него, широко раскрыв глаза.

— Раз уж вы узнали часть моей истории, то вам следует услышать ее полностью. Капитан расскажет вам, кто я и что я сде-

дал. Я хочу, чтобы об этом узнал весь экипаж. Вы приняли меня как своего, и я не хочу стираться к вам под чужим именем. Пусть все узнают, кто такой Ориго Лим.

Шеф протокола ждал его у входа в каюту герцогини.

— Она спит. Что мне ей сказать?

— Ничего. Просто подтвердите ей, что я врач и она — моя пациентка. — Лим почувствовал, как его плечи сами собой распрямились. Гордость врача! Лим усмехнулся. Побывать врачом один только последний раз; можно, разумеется, и так свести счеты с жизнью, хоть это и не самый простой способ самоубийства.

Герцогиня Марескула проснулась в тот момент, когда Лим измерял температуру ее руки. Она отшатнулась, и рука ее бессильно упала на одеяло.

— Кто вы такой? — тупо спросила она. — Что вы здесь делаете?

— Я — врач, — отвечал Лим, нажимая большим пальцем на ее запястье. Он разжал пальцы, и на запястье остался глубокий отпечаток. — С доктором Балифом произошел несчастный случай. Меня попросили помочь вам.

Лим повернулся к лежащей на столике открытой аптечке.

— Так я знала. Балиф — тупица. Надеюсь, вы окажетесь лучше. Представляете, он вообразил, что меня надо оперировать, прыткий какой. Нет уж, сказала я ему, торопиться некуда. Сколько шума из-за простого нарушения кровообращения. У меня и раньше такое бывало...

— Вам следовало бы согласиться на операцию, ваша светлость. Другого выхода нет.

— Нат! — завизжала она дребезжащим голосом, глаза ее широко раскрылись, нижняя губа отвисла, складки кожи на шее мелко затряслись. — Не смейте дотрагиваться до меня! Я запрещаю вам! Запрещаю!

Быстрым привычным движением Лим прижал шприц к ее руке. Она обмякла и сразу затихла.

— Что вы собираетесь делать? — озабоченно спросил Дамин-Хест. — В чем должна заключаться эта операция? Балиф что-то говорил о пальце на руке или на ноге.

Лим откинул одеяло с ее грузного тела.

— Мне предстоит ампутировать обе ноги ниже колена. И обо руки между локтевым и плечевым суставом.

Доктору Ориго Лиму не нужны были для операции ни ассистенты, ни медицинские сестры; их вполне заменяли ему чудесные автоматы, которыми было оборудовано хирургическое отделение судового лазарета. Едва лишь герцогиня Марескула оказалась на операционном столе, как он запер дверь и отключил теле-

фон. Это был его мир, мир, в котором полновластно царили его знания и опыт. Он долго и тщательно мыл руки, а затем держал их поднятыми вверх, пока робот натягивал на него прозрачный хирургический комбинезон, облегающий его тело, словно вторая кожа. Он дышал через укрепленный на рту фильтр, который позволял разговаривать, поскольку большинство автоматов повиновались звуковым командам. Пока робот заканчивал его облачение, он изучал приборы на пульте. Кровяное давление более или менее в норме, потребление кислорода — в норме, температура тела, кардиограмма — все под контролем. Пациентка под глубоким наркозом. Негромкая команда, и в его протянутой ладони оказался ультразвуковой скальпель. Он склонился над столом и сделал первый разрез.

— Вы продержите ее под анестезией или наркотиками до конца рейса, не так ли, доктор? — спросил шеф протокола Дамин-Хест. Герцогиня лежала на кровати в своей каюте; ее полное тело было почти полностью спеленуто бинтами.

— Нет, — ответил Лим, — это может привести к осложнениям. Здоровье пациентки требует, чтобы она находилась в сознании и могла есть и пить.

— Было бы полезнее для вас, доктор, чтобы она не приходила в сознание. Герцогиня — женщина мстительная. То, что произошло, ей очень не понравится.

Глядя на его озабоченное лицо, Лим не смог удержаться от улыбки.

— Что я слышу, дорогой шеф протокола, неужели мое благополучие волнует вас больше, чем здоровье вашей госпожи и повелительницы?

— Может, да, а может, и нет. Может быть, меня волнует собственное благополучие. Скажем так, наши взаимные интересы требуют, чтобы герцогиня пришла в себя в госпитале на Касердаме, где высокооплачиваемые светила заверят ее, что она получила необходимую... гм... помощь и что в самое ближайшее время ей вернут прежний облик. Это ведь возможно?

Лим кивнул.

— Если не произойдет осложнений, то к пересадке конечностей можно будет приступить через шесть месяцев. Что же касается того, чтобы держать ее под наркотиками, то с политической точки зрения вы, возможно, и правы, но с медицинской точки зрения я не могу на это согласиться.

— Вы — врач, вам виднее, — пожал плечами Дамин-Хест.

Ее светлость герцогиня Марескула не просто разозлилась, она пришла в бешенство. Она не знала, что сделали с ее телом, скрытым от нее повязками, и не хотела знать.

— Меня изуродовали,— вопила она, должно быть, все еще воображая себя юной придворной красавицей.— Кто этот врач, посягнувший на мою красоту?

Не обращая внимания на предупреждающие жесты Дамин-Хеста, Лим назвал себя.

— Палач Лим! Мне говорили о вас на Деламонде, палач Лим. Я все о вас знаю! Убирайтесь! Я не потерплю вашего присутствия. Не смейте подходить ко мне!

Она откинулась на подушки, часто всхлипывая.

Лим оставил подробные инструкции ее придворным дамам и знал, что они смогут о ней позаботиться. Его переносной приемник позволял ему в любой точке корабля принимать показания крохотных датчиков, укрепленных на ее теле, и следить за тем, как протекает послеоперационный период. В случае необходимости он мог отдать соответствующие распоряжения ее сиделкам. Выйдя в коридор, он убедился, что датчики работают нормально, а затем направился в кают-компанию. Постояв в нерешительности у двери, он распахнул ее и вошел с тем непроницаемым выражением лица, которому его научила тюрьма.

Едва он появился на пороге, как к нему бросился Фоссейс, жалобно гримасничая.

— Послушайте, почему вы сразу не сказали, что вы — костоправ? Мне срочно нужна медицинская помощь. Этот доктор Балиф не хотел на меня даже смотреть. Боюсь, что у меня нарывает зуб мудрости.

Он широко разинул рот прямо перед носом у Лима, и тот машинально заглянул туда. Фоссейс немедленно полез к себе в рот рукой и вытащил все свои зубы, которые оказались искусственными челюстями.

— Может, вот так вам будет лучше видно, доктор?

Игроки в стрелки встретили его шутку громким смехом и снова вернулись к игре. Фоссейс шатался по комнате, захлебываясь от восторга и щелкая у каждого под носом своими челюстями. Открывая жестянку с пивом, Лим почувствовал, как расслабляются его натянутые до отказа нервы, и его охватило непривычное чувство радости. Эти люди знали, кто он, знали его историю, и все же обращались с ним, как с обычным человеком. Он почти совсем забыл, что это такое. Затем он вспомнил все, что только что произошло, и залпом проглотил свое пиво. Ему снова грозит беда. Рассчитывать на дружеский прием на Касердаме не приходится, совсем напротив.

Беда не заставила себя долго ждать. В уединении своей каюты капитан Кортар показал Лиму два листка бумаги. На одном была

записка без подписи: «Ради Лима не передавайте эту депешу». На другом — шифрованное сообщение из групп по пяти букв.

— Что это значит? — спросил Лим, переводя взгляд с одного листка на другой.

— Что здесь зашифровано, я не знаю, но догадаться не так уж трудно. Над вашей головой собираются тучи. Милая герцогиня что-то замышляет. Эту депешу принесли в радиорубку и потребовали ее передать, как только мы выйдем в обычное пространство. Почерк записки мне незнаком, но держу пари, что писал Дамин-Хест, больше никому.

— Он обещал избавить меня от неприятностей и пытается сдержать свое слово. Что вы собираетесь делать с этой депешей?

— Подожду ее в папку и забуду о ней. Мы выйдем из гиперпространства через двенадцать часов, но у нас испортился главный передатчик. Так что отправить сообщение нет возможности.

— Выходит, мне повезло?

— Везенье здесь ни при чем. Силовая трубка из передатчика вместе с обоими запасными заперта в моем сейфе. В передатчике стоит трубка, которая перегорела у нас в прошлом рейсе. Передатчик испорчен, и всякий, кто пожелает, может в этом убедиться. В данный момент это чистая правда.

— Мягкой посадки, — улыбнулся Лим, но на сердце у него скребли кошки. До посадки на Касердаме он в безопасности, но что потом?

Час спустя после того, как они вышли из гиперпространства и перешли на круговую орбиту вокруг планеты Касердам, во всех помещениях «Венгадора» извыл сигнал тревоги. Лим знал, что при несчастном случае могут понадобиться его услуги, и вслед за офицерами бросился в командную рубку. С искаженным от гнева лицом капитан Кортар расхаживал из угла в угол, сжимая листок бумаги.

— Читайте, — сунул он комок Лиму. Разгладив складки, Лим прочел краткое сообщение.

Немедленно после посадки «Венгадора» арестуйте палача Лима за преступную хирургическую операцию, сделанную им герцогине Марескуле.

— Двое приближенных герцогини вошли в радиорубку и связали радиста. Затем они воспользовались аварийным передатчиком и передали это сообщение на частоте, отведенной для сигналов бедствия. Мощность аварийного передатчика невелика, но они передавали это сообщение двадцать минут, прежде чем мы узнали об этом. Надо думать, что оно достигло планеты. Весьма сожалею...

— Бросьте, капитан. Вина не ваша, и вы не отвечаете за меня.— На лице Лима снова было то холодное и бесстрастное выражение, которое не покидало его в течение всех семи лет тюрьмы.— Вы пытались мне помочь. Благодарю! Отныне мне придется самому заботиться о себе.

В рубку, потирая ободранные костяшки пальцев, вошел первый помощник Дейксем.

— Мы отыскиали этих двух типов, что напали на радиста, сэр. Они заперты в карцере.

— Они сопротивлялись?

— Так, пустяки, капитан. Жаль, что мало.

Он повернулся к Лиму и хотел что-то сказать, но тот уже выходил из рубки. В дверях он столкнулся с Дамин-Хестом.

— Доктор Лим, я всюду искал вас. Я хочу принести свои извинения за происшедшее. Я честно пытался помешать, но...

— Катитесь-ка вы ко всем чертям! Вместе с вашими прекраснодушными обещаниями!

В оставшиеся до посадки часы на «Венгадоре» было тихо, словно на призрачном судне. Команда дежурила на своих постах, молча делая свое дело; пассажиры не выходили из кают. Только из каюты герцогини доносился громкий победный смех. Дамин-Хест угрюмо пьянствовала в одиночестве.

Если капитан Кортар и заметил касердамский космический крейсер, сопровождавший его корабль на параллельном курсе и совершивший посадку в тот же самый момент, то он не подал виду. Едва он успел выключить двигатели, как от крейсера отделился бронетранспортер, доставивший к «Венгадору» взвод солдат. Мощные прожекторы крейсера, разогнав ночную тьму, осветили открывающийся пассажирский люк. По трапу на корабль поднялся офицер крейсера в сопровождении солдат, державших оружие наизготовку.

— Капитан Кортар?— спросил офицер, входя в рубку и отдавая честь. Отвечая на приветствие, капитан разглядел на офицере генеральский мундир.

— Рад вас видеть, генерал. У меня на борту два преступника, которых я с удовольствием передам вашим солдатам, не снимая с них наручников. Нападение на офицера— это серьезное преступление.

— О чем вы толкуете?— прервал его генерал, похлопывая себя по бриджам офицерской тросточкой.— Мне нужен палач Лим. Где он?

— У меня на борту есть пассажир под таким именем, но насколько мне известно, он не совершил никакого преступления.

— Прекратите ваши увертки. Мы получили сообщение на аварийной волне, в котором...

Его прервал вой сирен на космодроме, переданный наружными микрофонами; сквозь иллюминаторы было видно, как по бетонному покрытию замечались лучи прожекторов.

— Смотрите,— крикнул кто-то, и с высоты рубки они увидели освещенную прожекторами крохотную фигурку человека, бегущего по полю. Человечек добежал до ограды космодрома, но тут солдаты открыли стрельбу. Рядом с беглецом замелькали огоньки трассирующих очередей. Человек пошатнулся и выронил из рук какой-то предмет, затем он вскарабкался на забор, перепрыгнул на ту сторону и исчез во мраке.

Тишину рубки пререзал телефонный звонок.

— Капитан, на второго помощника Фоссейса совершенно нападение. Он лежит без сознания около нижнего грузового люка. Люк открыт.

Мало-помалу удалось выяснить подробности происшествия. Фоссейс, все еще полуоглушенный, с красными пятнами на повязке вокруг головы, ничем не мог помочь следствию. Он ничего не видел. Неизвестный напал на него сзади. Но двоюродных заключенных, освобожденных из расположенного в кормовом отсеке карцера, могли рассказать больше. Они видели, как палач Лим прошел мимо их камеры, держа в руке жестяной чемоданчик. Кормовой люк был открыт, и поскольку он находился не так уж высоко над землей, то через него можно было удрать с корабля. Принесли предмет, уроненный бежавшим около забора. Это оказался жестяной чемоданчик Ориго Лима с его немногочисленными пожитками. Заключенные подтвердили, что именно этот чемоданчик Лим нес в руках.

— Как, этот человек посмел напасть на моего офицера и чуть не убил его?! — вскипел капитан Кортар, еле сдерживая ярость. — Генерал, я требую, чтобы его арестовали. Я дам вам в помощь всех членов моей команды, которые знают его в лицо. Надеюсь, что как только вы его арестуете, вы известите меня об этом.

— Разумеется, капитан,— ответил генерал и, отдав честь, вышел из каюты, чтобы организовать облаву.

К сожалению, все старания ни к чему не привели. Старая столица Касердама была настоящим лабиринтом из кривых улиц и узких переулков. Беглец исчез, словно сквозь землю провалился. На четвертый день капитан Кортар неохотно отозвал своих людей, участвовавших в облавах, и приготовился к отлету. Пассажиры высадились, груз был погружен, и он не мог себе позволить дольше задерживаться на этой планете.

Но едва они вышли в гиперпространство и оборвалась радиосвязь с Касердамом, как кто-то вдруг громко расхохотался, и через

секунду хохотала вся команда, хохотала упоенно, до слез, словно весь смех, который они с таким трудом сдерживали все эти четыре дня, рвался теперь наружу. Нет ничего милее сердцу гозганца, чем добрый полновесный розыгрыш. Даже первый помощник Дейксем заливался громким смехом, хотя в то же самое время морщился от боли, поскольку доктор Лим перевязывал его раненую руку.

— Они все еще вас там ищут,— всхлипывал он,— разрывают каждую крысиную нору в этих развалинах, которые они зовут городом.

Его снова стало трясти от хохота. Лим улыбался. Ему тоже нравилась шутка, но он не мог понять, почему она кажется гозганцам настолько уж смешной.

— Я только сейчас могу поблагодарить вас...— начал он.

— Чепуха! — задышавшись от смеха, ответил Дейксем и сделал глоток пива.— Я бы не пропустил этот цирк, даже если бы мне оторвало руку. Но они скверно стреляют, эти касердамские рекрутишки. Единственное, чего я боялся, что ни одна пуля не просвистит от меня настолько близко, чтобы я мог естественно уронить чемодан. Эта рана — чистая случайность.

— Но ведь вам грозила опасность...

— Вздор. Стоило мне перепрыгнуть через забор, и я был в полной безопасности. Я перевязал руку платком, завернул за угол и присоединился к ребятам с корабля. Когда мы возвращались, они проверяли нас очень тщательно, но никто не позаботился пересчитать, сколько человек ушло с корабля.

Последняя фраза показалась ему самой забавной шуткой на свете, и он снова залился смехом.

Лим сделал еще одну попытку поблагодарить этих людей, которые спасли ему жизнь. Он подошел к капитану.

— И слышать ничего не хочу,— запротестовал капитан Кортар, всовывая Лиму в руку открытую жестянку с пивом.— Куча бездельников заявила на мой корабль, причинила массу хлопот, напала на моего радиста, нелегально включила аварийный передатчик, хотела засудить моего друга по сфабрикованному обвинению. Да мне просто не оставалось ничего другого. А кроме того, я решил еще одну задачу.

— Какую же?

— Заполучил по дешевке квалифицированного врача. С вашим уголовным прошлым, да еще учитывая эти обстоятельства, вам придется довольствоваться тем жалованием, которое я вам предложу!

— Но ведь у вас на борту нет постоянного врача. А кроме того, у меня нет разрешения заниматься медициной.

— С сегодняшнего дня у нас на борту есть врач. Это вы. Я не хочу повторений истории с доктором Балифом. А что касается разрешения, то гозганское медицинское общество выдаст его вам в пять минут, особенно, когда они услышат, какую шутку мы отмочили. Так что, видите сами, вам некуда деваться.

— Это верно,— отозвался доктор Ориго Лим, оглядывая своих новых товарищей,— деваться мне некуда.

Перевел с английского
Ю. Эстрин

Теодор Стэрджон

ДЕЛО ВЕРИТИ

Гриф: совершенно секретно

Компания «Этиколоссус» Инкорпорэйтид
Исследовательский отдел — директор

Служебное

К о м у: Д-ру медицины Алберту Верити,
заместителю директора

Проверка подшитых к делу заявок свидетельствует об использовании оборудования и материалов, которые на первый взгляд не соответствуют характеру тематики, разрабатываемой в Вашей лаборатории. Я, разумеется, совершенно уверен, что заявки обоснованы, однако был бы признателен Вам за краткие пояснения. Если Вам понадобятся уточнения относительно того, какие конкретно заявки имеются в виду, я готов их дать.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

К о п и я: Д-ру мед. Сэмюэлю Ребэйту,
Президенту
P. S.— от руки

Урия Легри — этот холуй «Презика» (знаешь ли ты, что Легри всегда зовет нашего Президента «Презик»?) во все сует нос: поэтому я направил копию записки Старикуну. Извини. Скажи на милость, какого черта тебе потребовался высоковакуумный дистиллятор? Я постараюсь тебя покрыть, но и ты меня не подводи — за то, что я не слежу за тобой.

Дж. К.-П.

«Этикологус» Инк.

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Джеффри Квест-Профитту

Проклятие, Джефф, угораздило же тебя быть в отъезде именно во время совещания по средствам, воздействующим на эмоциональную сферу! Мне остается лишь написать тебе неофициальное письмо в надежде на то, что сразу по возвращении ты придешь сюда, и я смогу показать тебе величайшее достижение за всю историю фирмы. К черту фирму! Самое великое открытие со времен изобретения скальпеля. Крепись, босс. Постарайся еще какое-то время удерживать подальше от меня «Презика» и его «шпики», пока я не изложу все на бумаге, а тогда он простит тебе — а следовательно, и мне — все на свете.

Чтобы подогреть твое любопытство, скажу лишь, что в последней моей заявке содержится требование на дополнительную партию мышей линий А64 и Л073. Если ты запомнил, что это за линии, напоминаю: первые — с наследственными злокачественными образованиями, вторые — с привитой карциномой. Первые три партии мышей из каждой группы излечены — находятся в состоянии ремиссии и вернулись к норме.

Заметь, Джефф! В 100% случаев — и к тому же всякий раз за сутки. Семь пометов мышей, которые вывелись за последнее время от первой партии, и один помет — от второй партии — все оказались при контрольной проверке нормальными.

Я, как и всякий человек, прекрасно знаю, насколько следует быть осторожным и как много потребуется времени и контрольных опытов. И все же я могу сказать одно — это исключительное средство — мгновенно дает излечение не только локальных повреждений, но и системного метастазирования. Ты, небось, не веришь своим глазам. Впрочем, я этого и не жду — приезжай-ка лучше, и я все покажу.

Между прочим, пока ты не начал надраивать медаль мне в награду, — учти: открытие это не мое. Я только воспроизвожу все процедуры, проделанные парнем, которому принадлежит открытие. Уж я позабочусь о том, чтобы ему воздали по заслугам. У меня достоверные результаты получились всего три месяца тому назад. У него же — четыре года. Словом, возвращайся поскорее и все увидишь.

Ал.

P. S. Оно лечит также бородавки.

P. P. S. Изобретатель — Макс Орлов. Мой сосед и приятель.

P. P. P. S. Пожалуй, я лучше приложу фотографии полученных результатов. Упомянул ли я о том, сколько стоит сырье? Ни-че-го.

P. P. P. P. S. Я, должно быть, смахиваю на сумасшедшего, но разве ты бы сам не свихнулся?

А. В.

И, наконец, самый распоследний сногшибательный постскриптум — я лопну, если не расскажу все кому-нибудь, пусть даже я окажусь в результате в твоих руках. В прошлую субботу тетушка Молли устроила прием и закатила форменный пир на тридцать человек. Причем весь день накануне и почти всю ночь напролет она стряпала. А еще за день до этого бегала за покупками.

А. В.

«Этиколоссус» Инк.

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Алберту Верити,
зам. директора

Всего несколько слов, чтобы выразить признательность за все Ваши старания во время моего посещения Вашей лаборатории.

Вы должны, разумеется, понять, что моя сдержанность объясняется глубоко укоренившейся привычкой к осторожности — осторожности, столь необходимой для всех нас, работающих в области фармацевтики. Надлежит в первую очередь заботиться о положении и репутации фирмы. И я не сомневаюсь, что Вы будете соблюдать такую же предосторожность.

Как я и полагал, все упомянутые заявки вполне обоснованы.

Однако было бы хорошо, если впредь Вы будете сообщать Отделу о любых новых направлениях в исследованиях вашей лаборатории заранее и не ставить нас перед свершившимся фактом.

Продолжайте свою успешную работу.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

К о п и я: Д-ру мед. Сэмюэлю Ребэйту,
Президенту

P. S. — от руки. Рассматривай сие, как шлепок по рукам; шлепок очень легкий ввиду достигнутых результатов. Ради бога, не

вздумай говорить об этом за стенами института — поднимутся волнения. Собственно, говорить не следует и «в стенах».

Что касается тетушки Молли — я чуть в обморок не упал. Я не хочу больше никаких упоминаний об этом — даже в разговоре со мной. Ты ужасно рисковал, и я лично предпочитаю выкинуть все из головы. Ал, ты порой пугаешь меня.

Хорошо еще, что мне можно доверять.

Дж.

Гриф: секретно

«Этикологусс» Инк.

Президент

К о м у: Д-ру мед. Джеффри Кэст-Профитту,

Директору исследовательского отдела

Я высоко ценю то, что Вы направили мне свою служебную переписку с д-ром Верити. Это было просто-напросто Вашим долгом.

Понимая, что это едва ли нужно делать, я все же рекомендую Вам то же самое, что Вы посоветовали д-ру Верити. Предпочтительно, чтобы все осталось среди своих. Во всяком случае — дальше меня это не пойдет.

Между прочим не могу понять ссылку на «тетушку Молли». Нельзя ли разъяснить?

П о м е т к а

Я совершенно согласен с Вами, д-р Ребэйт: «Дело Верити» полностью входит в мою компетенцию, как начальника службы безопасности.

Что касается Вашей просьбы о рекомендациях, то я полагаю, что прежде всего д-р Верити должен быть — без его ведома — изолирован. Я рекомендовал бы ежевечерне проводить после окончания работы осмотр его лаборатории и документов. Надлежит также предупредить экспедицию о том, что вся его переписка, как внутренняя, служебная, так и (не приведи бог!) внешняя, должна досматриваться. Его телефонную линию нетрудно поставить под контроль — как это делается с радиоинтервью, идущим прямо в эфир, — и не допускать, чтобы какое-либо неосмотрительно сказанное слово попадало за пределы нашего здания. Мне думается, прекращение работы или изменение ее направления только испортили бы его.

Тем временем представляется целесообразным провести проверку этого типа по имени Орлов (по-моему, доктор, даже само

имя это звучит как-то нехорошо), а также выяснить характер его отношений с д-ром Верити.

Кто такая тетушка Молли?

Хаулан Бигль, полковник (отст.),
Начальник службы безопасности

П о м е т к а

Меня поражает одно: утверждение д-ра Верити, будто сырые ничего не стоят. Не могли бы Вы дать мне самое общее описание этого «ничего»? Я, разумеется, не верю подобным словам, разве только если это выражение фигуральное. Тем не менее я обеспокоен. Уж слишком легко было бы конкурентам сбить нам цены, если бы им удалось произвести анализ продукта.

Тип Тернер,
Начальник отдела сбыта

П о м е т к а

Признателен за возможность познакомиться с этим «делом». На данном этапе оно, пожалуй, не входит в мою компетенцию, но если мы не проявим чрезвычайной осторожности — с легкостью может попасть в мою сферу — страшно подумать! Я тоже очень сомневаюсь в том, что у этого Орлова — или у д-ра Верити — что-либо есть. Однако дело надо расследовать. Я охотно поеду с тем, кому будет поручено обследовать этого человека. Тут может потребоваться соответствующий подход. Дайте мне знать.

Джентиль Флэк,
Начальник информационного отдела

«Этикологусс» Инк.

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Алберту Верити

Можете ли Вы дать мне краткое описание использованного Вами процесса производства сыворотки, которую Вы вводили этим мышам? Вы знаете, что я имею в виду. Специальной терминологией можете пренебречь.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

Служебное

К о м у: Джеффри Квест-Профитту, д-ру мед.,
Директору исследовательского отдела.

Значит, так. Все начинается со спор гриба *Mucor mucedo*. Сперва нужно добыть эндоспорий, для чего, однако, не требуется особых усилий. Достаточно дать развиться вертикальной нити мицелия и отщипнуть верхушку ее, прежде чем нить начнет ветвиться. Верхушки сунь в чашку или в любую посуду, которой ты пользуешься для краткосрочной высоковакуумной обработки с последующей сушкой сублимацией. Получается водяной пар, который можно пропустить через дистиллированную воду до полного насыщения. Воду пропусти через дистиллятор. То, что отойдет через верхнюю трубку, можешь выбросить. Так же можешь поступить с тем, что останется на дне. А средняя фракция и есть как раз то, что ты называешь сывороткой: я бы так, пожалуй, не сказал — скорее, это ароматический экстракт.

Удовлетворяет ли тебя такой ответ на поставленный вопрос?

А. В.

Служебное

К о м у: Президенту

Вот вопрос Тернера, который произвел на меня сильное впечатление (этот человек знает свое дело), — и ответ на него д-ра Верити. Для сведения нашего Начальника сбыта (разумеется, не для Вас): *Mucor mucedo* — обычная черная плесень, которую практически можно найти повсюду на почве. Слово «эндоспорий» — точно соответствует тому, что оно обозначает, — это белое вещество внутри споры. Нить мицелия вырастает из споры, черная оболочка которой лопается, чтобы выпустить нить наружу. Без предварительной контрольной серии анализов не берусь уточнить, что именно происходит при такого рода дистилляции.

Как сказал Тернер, все удручающе просто и дешево. Не порекомендовать ли мне д-ру Верити попытаться синтезировать это вещество?

Джеффри Квест-Профитт д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

«Этиколоссус» Инк.

Президент

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Джеффри Квест-Профитту,
Директору исследовательского отдела

Хорошо надумал!

Сэмюель Ребэйт д-р мед.
Президент

Гриф: л и ч н о

Служебное

Господи, Джефф, что там стряслось с начальством наверху?
Синтезировать вещество?

Ну, конечно, я могу его синтезировать. Но ведь надо будет проделать двадцать два этапа обработки, понадобится оборудование на тысячи долларов, а времени сколько! И кто знает, будет ли конечный дистиллят оказывать то же действие?

Ладно, ладно! Займусь я этим синтезом (только бы холуй «Презика» не дознался, сколько придется представить заявок) — в конце концов, я здесь только служу.

Но с какой стати синтезировать то, что можно с легкостью получить сразу? Неужели мы станем набивать рыночную цену спасению жизни?

Право, я утрачиваю подчас способность находить что-либо юмористическое в этом «высоконравственном» бизнесе, построенном на веществах, воздействующих на эмоциональную сферу. И во всяких нравственных категориях вообще.

Не сердись, Джефф. Просто мне надо выпустить пары.

Будет тебе твой чертов синтез. Спасибо за подставленное в частном порядке плечо.

С отвращением.

Ал.

Пометка

Едва ли такое отношение можно назвать лояльным.

Хаулан Бигль, полковник (отст.),
Начальник службы безопасности

От Урия Легри,
Помощника Президента

На собственной машине заехал в заранее оговоренное время — 8.30 утра, во вторник — за мистером Флэком.

Около 9.00 прибыли в район проживания Орлова. После продолжительных бесполезных разъездов назад и вперед по неприглядным улицам обратились к владельцу бензоколонки с вопросом о Максе Орлове.

Механик, высокий парень ковбойского типа, в комбинезоне, старой соломенной шляпе, с окурком сигары в зубах, из-за которого его речь была неразборчива, переспросил: Бальзак, Балдаш, Болдасс или Болаз — трудно сказать, что именно он произнес. Мистер Флэк повторил: «Макс Орлов», тогда местный сказал: «Ага, это старик Балдаш» (или Бальзак или что-то вроде) и точно объяснил дорогу.

Дом на вершине холма, скрыт за деревьями — три-четыре акра возделанной земли, огород, виноград, корова, утиный прудок, крольчатник.

Открывается дверь — мужчина лет сорока, волосы до плеч, борода. Сделал знак, чтоб вошли, ничего не спросил. Большая комната, балки на потолке, очаг, ткацкий станок. За станком — молодая женщина с длинными светлыми волосами. Улыбнулась. Через дверь из глубины комнаты — наверно, из кухни — входит странный молодой человек в пышной юбке с длинными черными волосами, говорит: «О, привет, я принесу чай». Стал отказываться. Мистер Флэк говорит: «Да, спасибо».

Человек говорит: «Это Джойс, а женщина за станком — Джоселин». Джоселин завязывает нитку узлом, подходит к нам, целует мистера Флэка, целует меня в тот самый момент, когда я ловлю сигнал мистера Флэка: «Не рыпайся». Мистер Флэк представляет себя и меня и говорит: «Мы из «Этиколоссуса». Человек делает вид, будто очень рад и говорит, что он и есть Макс Орлов. Садимся. Сидеть не на чем, кроме огромных полупустых ярких бархатных мешков. Мистер Флэк садится на один из них: под его весом мешок принимает форму вроде бы стула, но без ножек. Осторожно пробую сесть, теряю равновесие, плюхаюсь на мешок, он подхватывает меня, будто и вправду стул; уж очень низко, но удобно. Орлов говорит: «Это Джоселин сделала». Джоселин садится на пол между нами. Вся в улыбках.

Мистер Флэк рассказывает Орлову, какое большое впечатление произвел он сам и его работа на всех нас в «Этиколоссусе», и еще много всякого говорит про избавление мира от бедствий и страданий. Орлов рот разинул, будто верит каждому слову, вскоре

мне начинает казаться, словно он и вправду верит. Пока мистер Флэк ведет разговор, спокойно и непринужденно, Джоселин спрашивает меня: «Хотите посмотреть, как мы живем?»

Мистер Флэк быстрехонько кивает мне, Джоселин встает и протягивает мне руку. Не хочу я руки, не хочу идти, но мистер Флэк снова подает знак, и я поднимаюсь. Джоселин руку не отпускает. Очень непривычно. Выходим в сад через кухню — кирпичи, железная плита, должно быть, топится дровами. Балки на потолке, чугун и медь, кафельный пол. Просторно. Осмотрели кладовку, подпол для овощей, стойло, в котором бьет ключ, спальни с матрацами во весь пол, двадцать кошек, у каждой имя, про каждую история; четыре собаки, голуби. Джоселин рассказывает, что живут они тем, что родит земля, нет только соли, муки, спичек и тому подобного; сахара тоже нет, зато держат пчел. Лаборатория Орлова. Похожа на мастерскую алхимика — много посуды, которая обычно бывает из стекла, — здесь сделана из керамики. Джоселин говорит, что ее делает Джойс.

На обратном пути в дом она останавливается, берет меня за обе руки и говорит: «Ну, скажите, пожалуйста, «Этиколоссус» купит изобретение Макса?» Сказал, что не знаю, но возможно. Она говорит: «О!», а на глазах — слезы. Говорит, что они долго маялись. Макс рискует лишиться дома. И так немного надо, чтобы сохранить его. Вернулись в дом. Джойс приносит поднос с кружками. Все пошли в большую комнату. Мистер Флэк и Орлов уткнулись головами в бумаги. Макс держит ручку мистера Флэка. Джойс говорит: «Чаю?» Я не хочу, но мистер Флэк берет кружку и на меня смотрит. Беру большую кружку — верно, и она сделана здесь — пью. Сплошная трава. Ужас. Мистер Флэк выпил до дна, я за ним. Все вокруг такие счастливые, что прямо тошно. Уходим.

В машине мистер Флэк смеется всю дорогу, пока едем вниз с холма, говорит: «Никогда не согласишься, во что нам обошлась вся технология: всего каких-то пятьдесят долларов, паршивых пятьдесят долларов. Только Орлов этого еще не знает и не узнает, пока не покажет документы юристу». Сказал ему, что Орлов вот-вот лишится дома. Мистер Флэк сказал: «Хорошо. Я рад что мы добрались сюда, пока он не съехал». Сказал, что весь мир состоит из акул и пескарей и что пескари существуют, чтобы их ели, — для того они и созданы.

Высадил мистера Флэка у «Этиколоссуса», сам отбыл на местный аэродром для второй части расследования. Пообедал в аэропорту, сел, как запланировано, на рейс 803, приземлился в Брид Сити в 3 часа 18 пополудни. Нанял машину, отправился в район, где живет Молли Верити, разыскал дом. Улица обсажена деревьями, похожа на туннель; дома — далеко один от другого, старомодные

вроде расписных пряников, веранды, крылечки, въездные ворота. Старые, но чистенькие, покрашены яркими красками. У большинства домов — ставни, широкие лужайки, частокол вокруг сади-ков, цветочки. Дом Верити — светло-серый, с зелеными ставнями. Доезжаю до угла. Кондитерская. Звоню по телефону. Говорю, что работаю вместе с д-ром Верити и здесь проездом. Мисс Верити разговаривает очень радушно, зовет в гости. Еду обратно, паркуюсь. Низенькая женщина прыгивает с качалки на веранде, встречает меня на середине подъездной дорожки, берет за руки. Тут совсем другое дело. Глаза светятся, словно фары, волосы седоватые, но не очень, стянуты в маленький пучок на затылке так туго, что смотреть больно. Щеки совсем как яблоки. Зубы будто все свои. Платье из домашней пряжи, синее в белый горошек, с белым воротничком и белым фар-тучком — словом, похоже на картинки, которые рисовал этот — как его там звали — для обложек журнала «Пост». Роуэлл. В общем, еще более неправдоподобно, чем Орлов.

Вошли в дом, она — ни слова, пока не подала лимонад в вы-соком бокале со льдом и домашнее печенье с имбирем и лимо-ном. А потом задала про Алберта: и как поживает Алберт, и не слишком ли много работает, и не осунулся ли? Мне даже не при-шлось признаться, что я месяцами не вижу доктора Верити. Она все разговаривала.

Честное слово, если бы я не видел эту женщину своими гла-зами, я не поверил бы ни ей, ни тому медицинскому заключению, которое дал мне прочитать полк. Бигль. В заключении говорилось, что больная — при смерти, метастазы уже повсюду, вес — не менее 80 фунтов, бред, переходящий в коматозное состояние. И вдруг спонтанная ремиссия, как сказано там. Всего несколько месяцев тому назад. А теперь — это самая цветущая маленькая особа на всю округу, стремительная, смеющаяся, все время в движении. Она сама говорит, что рак пошел ей на пользу. Никогда раньше не была такой энергичной, так не радовалась всему на свете.

Разговорить ее не составляет никакого труда. Особенно насчет Ала Верити. Он — просто свет в окошке. Золотой мальчик. Не толь-ко гордость всей семьи, но самый настоящий чудодей и т. д. Одна-ко навести ее на разговор о том, что же он все-таки сделал, не удалось. Видать, она была слишком плоха и ничего не сознавала.

Но она все же сказала, что очнулась от дурмана и страда-ний — со смехом. Говорит, будто никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо, как тогда, было даже лучше, чем сейчас. Она рассказывает, будто видела цвета, которых никогда прежде не ви-дывала, не могла даже подобрать им названия. Какие-то меняю-щиеся, качающиеся рисунки, скользящие мозаичные изображения.

И все казалось причастным к цветам: даже звук — и звяканье ложки, и шаги, и шум самолета — все преобразовывалось в краски, сливалось с ними. А потом еще сны, немыслимые сны, летящие, явственные, ощутимые — более реальные, чем самые реальные вещи. И все время прекрасное самочувствие.

Затем ощущение голода. Никак не могла наесться. Родные и друзья сначала смеялись, потом встревожились. За три недели поправилась на 18 фунтов и все легло на свое место. И продолжала прекрасно себя чувствовать, так что беспокоиться нечего.

Дала мне кусок фруктового торта; сказала, будто это любимое лакомство Алберта, и просила передать ему.

Пусть лучше отдаст кто-нибудь другой. Во всяком случае прежде, чем он от кого-то узнает.

Работа моя — мне по душе. Все время надо делать самые разные дела. Скажем, не было еще никогда более скверного утра, чем сегодня: зато не было и такого хорошего дня. Может быть, когда-нибудь доведется повидать еще эту женщину.

Отчет о расходах прилагается.

Урия Легри,
Помощник Президента

П о м е т к а

Я подтверждаю точность фотографического глаза и телеграфной прозы Легри. Не могу полностью согласиться с его описанием моей персоны, но стоит ли придираться? Не в том суть.

Гораздо серьезнее иное: лечение, которому она подвергалась, — в чем бы оно ни состояло и кто бы его ни применял, — видимо, вызывало галлюцинации или по крайней мере эйфорию. Это — не годится.

Джентиль Флэк,
Начальник информационно-рекламного отдела

П о м е т к а

Неизмеримо важнее тот факт — и я удивлен нежеланием обоих джентльменов обратить на него внимание, — что упомянутый Орлов — длинноволосый грязный тип. Я бы решительно возражал против каких-либо деловых связей с человеком такого рода. Нетрудно себе представить его политические взгляды. Существует значительно больше разных форм безопасности, чем себе представляют, по-видимому, наши джентльмены.

Хаулан Бигль полк. (отст.),
Начальник службы безопасности

П о м е т к а

Как, несомненно, сказал бы длинноволосый человек: полковник может не кипятиться. Имея на руках подписанные документы, нечего опасаться каких-либо деловых связей.

Д-р Квест-Профитт, прошу Вас, ознакомившись с настоящим, подумать, можете ли Вы каким-нибудь образом снять эйфорическое воздействие дистиллята.

Сэмюэль Ребзйт, д-р мед.,
Президент

Служебное

К о м у: Алберту Верити, д-ру мед.

Ал, я внимательно рассмотрел составленные тобой диаграммы ароматических колец в дистилляте Орлова, а также твои хроматограммы. Мне кажется, можно выявить аналогию или установить параллель между некоторыми из полученных фракций и соединениями типа псилоцибина. В таком случае возможны неожиданные и безусловно нежелательные побочные эффекты.

Пожалуйста, проверь-ка это для меня.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

Гриф: Л и ч н о

Служебное

К о м у: д-ру мед. Джеффри Квест-Профитту,
Директору исследовательского отдела

Я поражен. Право не ожидал, чтобы ты или кто-либо другой мог обнаружить эту аналогию на основании весьма приблизительных отчетов, которые я представил наверх. Впрочем, там все сказано, если знать, на что обращать внимание. Ответ мой, разумеется,—да, это вещество вызывает чрезвычайно приподнятое состояние: мои мышцы — самые счастливые на свете. Если тебя тревожит, что новое средство станут покупать наркоманы, можешь выбросить подобные мысли из головы. Вещество действует, по-видимому, исключительно на раковых больных. Потребуется основательная проверка, чтобы это доказать, но дело обстоит, видимо, именно так. Настолько, что я даже собирался наметить новую линию исследования, чтобы изучить возможность использования дистиллята как диагностического средства.

Поддерживаешь ли ты подобный подход? Верю, что он может оказаться плодотворным — и в самом ближайшем времени.

Работа по синтезу продвигается, хотя я по-прежнему считаю ее пустейшей тратой времени. Впрочем, есть указания на то, что синтетический продукт будет столь же эффективен, как и естественное производное.

Кстати, я заглянул вчера вечером к Орлову и застал его на седьмом небе. Он показал мне договоры с «Этиколоссусом», которые показались мне чрезвычайно щедрыми. Это большое подспорье для очень хорошего человека.

Верно?

Ал.

Служебное

К о м у: д-ру мед. Алберту Верити

Ал, тебе придется снять эйфорическое воздействие дистиллята.

Д-р Ребэйт, мистер Флак, мистер Тернер и я обсудили этот вопрос и пришли к единодушному решению. Надо добиваться эффекта не более значительного, чем действие обычных транквилизаторов или так называемых психических стимуляторов. Это было бы вполне достаточно. Сумеешь ли ты сделать необходимое?

Ответ на твой вопрос относительно применения дистиллята Орлова в качестве диагностического средства, естественно, вытекает из сказанного выше.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

Дорогой Джеффи

Я прекрасно понимаю, что злоупотребляю и твоим вниманием, и некоторой символикой. И все же пишу тебе письмо на простой бумаге, в простом конверте — для разговора по душам, из сей раз не под сенью отштампованного на бланке зонта с названием и эмблемой «Этиколоссуса».

Пишу тебе я — Ал, парень с нижнего этажа, который выгребает мышиный помет и старается изо всех сил добиваться своего в том направлении, которого хочешь ты.

Позволь мне подойти к сути дела издалека.

Много лет тому назад жил замечательный, ныне почти забытый английский юморист по имени Джером К. Джером. Был он человеком очень забавным. Был так же мягок, насмешлив, любопытен и умен, как черт, — словом, одно из редких человеческих существ, способных смотреть на повседневный мир так, будто перед ним чужая страна, полная странных обычаев и языческих идолов —

каким, разумеется, мир наш был всегда и продолжает оставаться по сей день.

Напомню тебе один из его самых простых и добрых маленьких эссе, в котором речь шла об одежде для новорожденных.

В те времена, то есть в конце прошлого века, было принято шить для грудных детей платьица длиной около четырех футов. Джером К. Джером в недоумении задумался над этим — как, впрочем, он удивлялся всему, что попадалось ему на глаза. Он отправился к специалисту выяснять причину столь странной моды. Экспертом оказалась одна из достопочтенных английских нянек, катившая детскую коляску по дорожке лондонского парка.

«Почему младенцам надевают такие длинные платья?» — спросил он няню. Совершенно ошарашенная, она ответила: «Господи, сэръ! Неужели Вам хотелось бы, чтобы у них были короткие платьица?»

Смысл очерка не в том, что няня не знала, что ответить, и призналась в этом. В том-то и дело, — что она знала и ответила соответственно. Более того, она дала ответ, полностью ее удовлетворявший, ответ того рода, который можно найти в доказательстве теоремы или прочитать высеченным на каменных скрижалях.

Теперь вот и мы натолкнулись на нечто совершенно аналогичное. Ты хочешь, чтобы я снял «эмоциональный» эффект воздействия вещества, которое я неосторожно позволю себе назвать средством от рака. Я понимаю, чего ты добиваешься. Ты защищаешь «Этиколоссус» от обвинений, которые могут быть выдвинуты против фирмы, как только известие начнет распространяться. Согласен — обвинения возникнут, когда открытие станет достоянием гласности. Но тебе, видимо, не пришло в голову, что подобные обвинения могут и должны быть опровергнуты.

Прежде всего существует фактор безопасности. Я полагаю, будет со всей несомненностью доказано, что эйфорический эффект может возникать только при злокачественных образованиях. И еще одно совершенно постороннее замечание — скажи, у тебя никогда не возникало желания спросить: «А что плохого в том, чтобы больные люди чувствовали себя хорошо?»

Почему морфий оказался основным средством обезболивания для умирающих больных? Мы с тобой оба знаем, что существует от десяти до двадцати других не менее, если не более, эффективных болеутоляющих средств, которые не применяются исключительно потому, что вызывают эйфорию. И тут мы сталкиваемся с проблемой не медицинской, а сугубо моральной. Но это мораль, которой не место в медицине. Не о такой морали говорил Гиппократ, не такой морали придерживаюсь я. Именно во имя подобной морали пресловутый китайский врач осматривал своих

пациенток при помощи куклы из слоновой кости, которую ему протягивали из-за специальной занавеси с пометками на тех местах, где больные ощущали боль. Во имя подобной морали более тысячи лет практически было запрещено проводить анатомические вскрытия.

Мы не даем умирающим вещества, вызывающие эйфорию, ибо по каким-то причинам из жизни не положено уходить с хорошим самочувствием.

Мы пытаемся несколько облегчить их страдания или полностью снять чувствительность, но почему-то считается безнравственным дать людям уйти из жизни счастливыми.

В случае с дистиллятом Орлова мы шагнули еще дальше. Я вдруг понял, что все исследования этого удивительного вещества приостановлены из-за того, что больные, не дай бог, могут почувствовать себя хорошо и не перед смертью, а во время излечения!

Да, не хотел бы я оказаться перед необходимостью объяснить происшедшее марсманину.

Знаешь, Джефф, я искренне благодарен, что могу частным образом поплакаться тебе в жилетку. Время от времени у меня просто руки опускаются, а пожалуешься — и полегчает.

Ал.

Гриф: лично

«Этиколяссус» Инк.

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Алберту Верити,
Заместителю директора

Мне, собственно, нечего сказать в ответ на столь дружеское письмо, кроме того, что я разделяю твое удовольствие по поводу возможности отвести душу.

Мне кажется наиболее подходящим местом и временем для рассуждений о философии и морали искусства врачевания — второй курс медицинского института, в два часа ночи после слишком обильных возлияний скверного пива.

Едва ли это может интересовать людей нашего возраста и опыта и уж во всяком случае не в служебное время.

Я хотел бы развить свою мысль и указать, что наша задача как фармацевтов состоит в служении медицинской практике, а не

в стремлении ее изменить. Пусть изменениями занимаются лечащие врачи. Если же они такие изменения произведут, тогда мы принорювимся к ним. Мы не можем делать большего. И не должны этого делать, доктор Верити.

Разумеется, ты можешь считать себя вправе продолжать обращаться ко мне так, как тебе заблагорассудится. Мне такая роль приятна.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

Служебное

К о м у: д-ру мед. Джеффри Квест-Профитту,
Директору исследовательского отдела

Пожалуйста, обратитесь к диаграммам ароматических колец и хроматограммам, по поводу которых Вы недавно высказывались и на основании которых Вы с таким пониманием сделали вывод о параллелизме между дистиллятом и некоторыми психомиметическими средствами. Эти диаграммы и данные хроматографии совершенно явно свидетельствуют о невозможности произвести изменения, которые Вы предлагаете.

С тем же успехом можно требовать от металлурга, чтобы он вместо вольфрама применил свинец в качестве примеси для увеличения твердости металла.

Независимо от способа получения — естественного или путем синтеза — дистиллят Орлова не будет оказывать воздействия без данной структуры.

Это не я утверждаю, доктор, а биохимия.

Алберт Верити, д-р мед.,
Заместитель директора

П о м е т к а

Вы слишком круто обошлись с ним, Джефф. Если он усомнится в источнике Вашей информации относительно эйфорического действия, он начнет сомневаться и во многом другом. Лучше отстраните его от разработки, прежде чем он поймет, в чем дело.

Сэмюель Рэбзэйт, д-р мед.,
Президент

П о м е т к а

Да, не все умеют обращаться с людьми. Наш милый К.-П. должен был со мной посоветоваться.

Джентиль Флэк,
Начальник информационно-рекламного отдела

П о м е т к а

Если бы кто-нибудь догадался посоветоваться со мной, я бы давным-давно сказал, что подобного типа надо вышвырнуть вон. Никуда не годный член команды. Цена свободы есть неусыпная бдительность.

Хаулан Бигль, полк. (отст.),
Начальник службы безопасности

П о м е т к а

Меня от этого человека в дрожь бросает. То мне чудится, будто мы выпустили на рынок штуковину Орлова, и она не пошла. А другой кошмар: будто мы ее выпустили, и она пошла. И не знаю даже, что — хуже. Не хочу и не могу что-либо добавить.

Тип Тернер
Начальник отдела сбыта

П о м е т к а

Мне наплевать, что будет. Я только знаю, что фруктовый торт тетушки Молли пришлось съесть мне. Сила!

Урия Легри,
Помощник президента

П о м е т к а

Предоставьте его мне и не говорите, будто я не умею обращаться со своими сотрудниками.

Джеффри Квест-Профитт,
Директор исследовательского отдела

«Этиколоссус» Инк.

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Алберту Верити,
Заместителю директора

Согласен с Вашим выводом о том, что нельзя ничего поделать со злосчастными побочными эффектами, свойственными дистилляту Орлова. Поэтому мы пришли к выводу, что разработку лучше положить на полку. Пожалуйста, соберите все досье и заметки и передайте их мне полностью и с соответствующими указателями. Я распорядился, чтобы из Вашей лаборатории немедленно убрали все ненужные материалы, образцы, подопытных животных и оборудование.

Вы можете продолжать работу над ранее порученными Вам утвержденными проектами.

Джеффри Квест-Профитт, д-р мед.,
Директор исследовательского отдела

Служебное

К о м у: Д-ру мед. Джеффри Квест-Профитту,
Директору исследовательского отдела

Почему бы тебе не быть честным хоть с самим собой, если уж не со мной?

Дистиллят Орлова исчезнет в архивах. Я понял причину щедрости договора с Максом: в нем все было поставлено в зависимость от успеха производства. Теперь же получается, что Вы приобрели за пятьдесят паршивых долларов все права и полномочия на его изобретение, а само изобретение будет погребено

— потому, что Макс Орлов не имеет медицинской степени,

— потому, что он известен своей эксцентричностью,

— потому, что дистиллят можно без труда изготовить из совершенно доступных материалов, потому, что технологический процесс можно воспроизвести, а доход будет весьма небольшим,

— потому, что нельзя было бы скрыть значительное открытие.

Но главным образом потому, что существование такого метода лечения потрясло бы всю Большую Машину со всеми ее многочисленными составными частями; и «Этиколоссус», и фармацевтов, и врачей, и клиники, и фирмы, снабжающие клиники, и дома для «хроников», и всех их наследников, присных, сторонников и союзников.

А я уйду.

Я подаю в отставку с большой радостью — и не потому, что потерпел неудачу со своим замыслом, а потому, что Орлов и его работа, и его образ жизни — значительнее любого бизнеса, карьеры или престижа, к которым я никоим образом не хочу быть причастным.

Вы назовете меня отщепенцем, но я буду продолжать лечить, буду делать то, чему меня учили, и на руках у меня будет не больше грязи, чем бывает от прополки грядки баклажан. И вы никогда не сможете обвинить меня во врачебной ошибке потому, что я вас раскусил.

Документы, подписанные Орловым, вам не помогут, поскольку существует Орлов, существует дистиллят и существую я.

Именно поэтому люди станут поправляться и будут платить за излечение тем, что смогут собирать урожаи помидоров или рубить лес.

И подумайте еще об одном: раз есть Орлов, и тем более, раз есть и Орлов, и я, то впереди предстоит еще много всякого — различных новых веществ, методов и идей.

Но Вы обо всем этом и слышать больше не хотите. И не можете, не правда ли?

Алберт Верити, д-р мед.

Перевела с английского
И. Эпштейн

Рей Брэдбери

РУБАШКА С ТЕСТАМИ РОРШАХА

Брокау.

Какая фамилия!

Она лает, рычит, тавкает и объявляет во всеуслышанье: Иммануэль Брокау!

Прекрасное имя для великого психиатра, смело ходившего по волнам житейского моря и не погружавшегося в них ни разу.

Бросьте в воздух горсть смолотого в порошок учебника по психоанализу, и все студенты чихнут:

— Брокау!

Что же с ним такое произошло?

Однажды, как в блестящем водевильном трюке, он пропал без следа.

Источник света, освещавший его чудеса, погас, и теперь, в наступившем полумраке, закрученные пружины угрожали раскрутиться. Психотические кролики грозили вернуться в цилиндры, из которых они выскочили. Дым от выстрелов стягивался обратно в дула. Все ждали.

Десять лет молчания. А дальше — тоже молчание.

Брокау исчез, как будто с криком и хохотом бросился в пучину Атлантики. Зачем? Чтобы отыскать там Моби Дика? Чтобы подвергнуть эту бесцветную бестию психоанализу и выяснить, что имела она против Безумного Ахава?

Кто знает?

В последний раз, когда я его видел, он бежал в сумерках к самолету, а далеко позади него, на темнеющем аэродроме, слышались голоса его жены и шести шпицев.

— Прощайте навсегда!

Полный радости выкрик прозвучал шуткой. Но на другой день я увидел, как стряхивают с дверей приемной золотые листья его имени, как выносят в непогоду и отправляют на какой-то аукцион на Третьей авеню его огромные, похожие на толстых женщин кушетки.

Итак, этот гигант, в котором Ганди, Моисей, Христос, Будда и Фрейд были уложены слоями в неопишуемый армянский десерт, провалился сквозь дыру в облаках. Умереть? Жить в неизвестности?

Через десять лет после его исчезновения я ехал на автобусе мимо прекрасных ньюпортских пляжей в Калифорнии.

Автобус остановился. В него вскочил и, как манну, ссыпал звенящую мелочь в кассовый ящик человек лет семидесяти. Я посмотрел со своего места у задней двери и открыл от изумления рот:

— Это Брокау, клянусь всеми святыми!

Да, по воле или против воли святых, но это был он. Возвышался, как явившийся народу бог, бородатый, благожелательный, величественный как епископ, всезнающий, веселый, снисходительный, всепрощающий, возвещающий истину, настаивающий — отныне и навсегда...

Имануэль Брокау.

Но не в темном костюме, нет.

Его, словно служителя некоей гордой новой церкви, вместо костюма облекали: светлые шорты, мексиканские сандалии из черной кожи, бейсбольная шапочка лос-анджелесской команды «Доджеров», французские темные очки и...

Рубашка! О, боже, что за рубашка!

Нечто неистовое — сочные вьющиеся растения и словно живые мухоловки, шедевр поп- и оп-искусства с беспрерывно меняю-

щимся рисунком, и, как цветы, везде, где только можно, мифологические животные и символы!

Эта необъятная рубашка с открытым воротом хлопала на ветру, как тысяча флагов на параде объединенных, но невротических наций.

Но вот доктор Брокау наклонился над лоб бейсбольную шапочку, снял темные очки и окинул взглядом полупустой автобус. Медленно двигаясь по проходу, он приостанавливался, мешкал, поворачивался то в одну сторону, то в другую и все время что-то шептал и бормотал — то какому-нибудь мужчине, то женщине, то ребенку.

Я уже собирался громко его окликнуть, когда услышал, как он говорит:

— Ну-ка что ты тут видишь?

Мальчика, к которому обратился доктор, рубашка ошеломила, как цирковая афиша, — он растерянно заморгал. Его нужно было вывести из этого состояния, что старый доктор и сделал:

— На моей рубашке! Что ты на ней видишь?

— Лошадей! — вырвалось наконец у ребенка. — Танцующих лошадей!

— Молодец! — Доктор заулыбался, хлопнул его по плечу и пошел по проходу дальше. — А вы, сэр?

Молодой человек, захваченный врасплох прямоотой этого пришельца с какой-то летней планеты, ответил:

— Я? Конечно, облака.

— Кучевые или дождевые?

— Мм... во всяком случае, не грозовые. Барашки — облака как руно.

— Хорошо!

Психиатр ринулся дальше.

— А вы, мадемуазель?

— Серферов! — Юная девушка взгляделась еще пристальней. — Вот волны, высокие-высокие. А это доски для серфинга. Колоссально!

И так продолжалось дальше, и каждому шагу великого человека сопутствовали смешки и хихиканье, которые становились все заразительнее и превратились, наконец, в рев веселья. Уже дюжина пассажиров слышала первые ответы, и игра захватила их. Вот эта женщина увидела на рубашке небоскребы! Доктор посмотрел на нее хмуро и недоверчиво; доктор мигнул. Этот мужчина увидел кроссворды. Доктор пожал ему руку. Этот ребенок увидел зебр в африканской саванне, но не настоящих, а как будто мираж. Доктор шлепнул по ним, и они запрыгали как живые! А вот та старая женщина увидела полупрозрачных Адамов и туманных Ев,

изгоняемых из едва различимых райских куш. Доктор присел с ней рядом, они зашептались яростным шепотом, а потом он вскочил и двинулся дальше. Старая женщина видела изгнание из рая? А эта, молодая, видит, как Адама и Еву приглашают туда вернуться!

Собаки, молнии, кошки, автомобили, грибовидные облака, пожирающие людей тигровые лилии!

С каждым новым ответом взрывы смеха становились все громче, и, наконец, оказалось, что хохочем мы все. Этот замечательный старик был чудом природы, удивительным явлением, необузданной волей господ, соединившей воедино нашу раздельность.

Эскалаторы! Экскаваторы! Будильники! Светопреставления!

Когда он вскакивал в наш автобус, нам, пассажирам, друг от друга не нужно было ничего. Но теперь будто невиданный снегопад засыпал нас и стал темой всех разговоров, или авария в электросети, оставив без света два миллиона квартир, свела нас всех вместе в соседской болтовне, пересмеиванье, хохоте, и мы чувствовали, как слезы от этого хохота очищают не только наши щеки, но и души.

Каждый новый ответ казался смешнее предыдущего, и под невыносимой пыткой смеха никто из нас не стонал громче, чем этот высоченный врач-кудесник, врач, просивший, получавший и исцелявший на месте все наши душевные опухоли. Киты. Водоросли. Зеленые луга. Затерянные города. Невиданной красоты женщины. Он останавливался. Поворачивался. Садился. Поднимался. Рубашка, буйствующая красками, раздувалась как парус, и вот, наконец, высясь надо мной, он спросил:

— А что видите вы, сэр?

— Доктора Брокау, конечно!

Его смех оборвался, словно в старика выстрелили. Он сдернул с носа темные очки, снова водрузил их на место и схватил меня за плечи, как будто хотел поставить в фокус.

— Вы, Саймон Уинслос?!

— А кто же, по-вашему? — Я смеялся. — Боже мой, доктор, а я-то думал, что вы уже много лет как умерли и похоронены! Что это вы сейчас затеяли?

— Затеял? — Он крепко-крепко сжал и потряс обе мои руки, а потом мягко побарабанил кулаками по моим плечам и щекам. И, оглядывая с высоты акры ниспадающей с него ткани, взорвался громким, исполненным снисхождения к себе смехом. — Затеял? Ушел на покой. Быстро собрался. В одну ночь улетел за три тысячи миль от места, где вы в последний раз меня видели... — Дыхание его, пахнувшее мятыми лепешками, согрело мне лицо. — И теперь, здесь, больше известен как — послушайте! — Человек в Роршаховой Рубашке.

— В какой? — воскликнул я.

— В Роршаховой Рубашке.

Легко, как надувной карнавальный шар, он опустился на сиденье рядом со мной.

Я сидел ошеломленный, утратив дар речи.

Мы ехали вдоль берега синего моря под ослепительным летним небом.

Доктор смотрел вперед и словно читал мои мысли в огромных голубых письменах, начертанных среди облаков.

— Почему, спрашиваете вы, почему? Я как сейчас вижу ваше лицо, такое изумленное, на аэродроме много лет назад — в День Моего Отъезда Навсегда. Моему самолету следовало называться «Счастливым Титаником» — на нем я навсегда канул в небо, где никто не оставляет следов. И, однако, вот он я, перед вами, настоящий, во плоти — ведь так? Не пьяный, не полоумный, не разрушенный скукой ничегонеделанья и возрастом. Откуда, почему, каким образом?

— Да,— сказал я,— в самом деле, почему вы ушли на покой, когда все у вас было так удачно? Профессиональный уровень, репутация, деньги. Не было и намека на какой-нибудь...

— ...скандал? Ни малейшего! Так почему же тогда? Да потому, что этому старому верблюду сломали не один, а целых два горба, и сломали эти горбы ему две соломинки. Две удивительнейшие соломинки. Горб номер один...

Он умолк. Он искоса посмотрел на меня из-под темных очков.

— Как в исповедальне,— сказал я.— Никому ни слова.

— В исповедальне. Хорошо. Благодарю вас.

Автобус ехал, и его мотор негромко гудел.

И, как это гудение, голос доктора звучал то тише, то громче.

— Вы ведь знаете про мою фотографическую память? Благословенную, проклятую, всезапечатлевающую? Все, что говорил, видел, делал, трогал, слышал, я могу мгновенно в ней оживить — даже через сорок, пятьдесят, шестьдесят лет. Все, все здесь.

Он мягко провел по вискам пальцами обеих рук.

— Сотни историй болезни, проходивших через двери моей приемной изо дня в день, из года в год. И ни разу не обращаясь я к тем записям, которые делал во время приема. Я довольно рано обнаружил, что в любой момент могу прокрутить любую из них у себя в голове. На всякий случай, конечно, все беседы с больными записывались также и на магнитофон, но только потом я этих записей никогда не прослушивал. Вот вам арена, на которой развернулись последующие ужасные события. А именно: однажды, на шестидесятом году моей жизни, очередная пациентка произнесла какое-то слово. Я попросил ее повторить его.

Почему? Потому что вдруг я почувствовал, как в моих полукруглых каналах что-то зашевелилось — как будто где-то глубоко-глубоко открылись какие-то клапаны и впустили свежий прохладный воздух. «Веру», — сказала она. «По-моему, сперва вы сказали «зверя!» — «Да нет же, доктор, «веру»!» Одно слово. Один камешек, покотившийся вниз. А за ним — лавина. Ибо я перед этим вполне отчетливо слышал, как она сказала: «Он будил во мне зверя», а это одно дело, и может быть связано с сексуальностью, не так ли? В действительности же она, оказывается, сказала: «Он будил во мне веру», а это, вы наверняка согласитесь, уже совсем другая, куда более спокойная история. В ту ночь я не мог заснуть. Я курил, смотрел из окон на улицу. В голове, в ушах была какая-то странная ясность, как будто я только что избавился от простуды тридцатилетней давности. Я сомневался в себе, в своем прошлом, в своем рассудке, и когда в три часа этой безжалостной ночи я прикатил на машине к себе в приемную, мои худшие опасения оправдались: беседы с сотнями больных в том виде, в каком я их запомнил, не совпадали с их текстом, записанным на пленке или отпечатанным на пишущей машинке моей секретаршей!

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что когда я слышал «зверя», на самом деле говорилось «веру». «Немой» был на самом деле «зимой», «Бык» был «штык» и наоборот. Говорили «пастель», а я слышал «постель», «Спать» было «стлать». «Класть» было «красть». «Лапы» на самом деле были «шляпы». «Круп» был всего лишь «груб». «Сатана» был всего-навсего «сутана». «Секс» был «тэк-с» или «бокс» или — бог свидетель — «контекст»! «Да» — «туда». «Нет» — «лет». «Печь» — «течь». «Длинный» — «тминный». «Кожа» — «рожа». Какое слово ни возьми, я их все слышал неправильно. Десять миллионов дюжин нерасслышанных слов! Я в панике листал свои записи! О, превеликий боже! Столько лет и столько людей! «Святой Моисей, Броккау», — бил я себя в грудь, — так давно ты сошел с Горы, и все эти годы слово господа было как блоха в твоём ухе! И вот теперь, на исходе дня, ты, мудрый и старый, надумал вновь обратиться к своим каменным скрижалям, на которых писала молния, — и увидел, что твои законы и заветы совсем не те! В эту ночь Моисей покинул свой храм. Я бежал во тьме, разматывая клубок своего отчаяния. Я приехал поездом в Фар-Рокауэй — может быть, потому, что это название звучит так жалостно. Я побрел вдоль мятущихся волн, равных по силе только мятущимся чувствам в моей груди. «Как,— рвалось из меня,— как мог ты, даже об этом не подозревая, прожить жизнь полуглухим? И узнать об этом только сейчас, когда, по какой-то счастливой случайности, эта способность к тебе вернулась — ну как, как?» Но ответом мне был только по-

добный грому удар волны о песок. Вот и все о соломинке номер один, сломавшей горб номер один этому странному верблюду в образе человеческом.

Наступило молчание.

Мы ехали, автобус покачивался. Он катился по прибрежной золотистой дороге сквозь ласковый ветерок.

— А соломинка номер два? — тихо спросил я наконец.

Доктор Брокау сдвинул на лоб свои французские темные очки, и солнце, преломившись в них, покрыло стены автобусной пещеры блесками рыбьей чешуи. Мы смотрели, не отрываясь, на плавающие радужные узоры, он — вначале безразлично и лишь потом с улыбкой легкой заинтересованности.

— Зрение. Видение. Фактура. Деталь. Разве это не удивительно? Не ужасно — в том смысле, что за этими словами стоит нечто истинно ужасное? Что такое зрение, видение, прозрение? Действительно ли хотим мы все видеть?

— Конечно, хотим! — воскликнул я.

— Бездумный ответ юнца. Нет, дорогой мой мальчик, не хотим. В двадцать — да, тогда нам кажется, что мы хотим все видеть, все знать, всем быть. Когда-то так казалось и мне. Но с детства глаза у меня были слабые, я полжизни провел у окулистов, подбирая стекла. И вот занялась зря контактной линзы, и я решил: обзаведусь этим прозрачным чудом со слезинку величиной, этими невидимыми дисками! Совпадение? Или действовали какие-то скрытые психосоматические связи? Так или иначе, но контактные линзы у меня появились в ту же самую неделю, когда исправился мой слух! Возможно, сработала взаимозависимость духа и тела, но не побуждайте меня делать поспешные выводы. Знаю одно: малюсенькие кристально-чистые контактные линзы для меня выточили, я вставил их в свои слабые младенчески-голубые глаза, и — voilà ¹! Так вот каков мир! Так вот каковы люди! И, помогите нам, господа, — грязь и бесчисленные поры на человеческой коже. Саймон, — сказал он с тихой скорбью, закрыв на мгновение глаза за темными стеклами, — задумывались ли вы, знали ли вы, что люди — это прежде всего поры?

Он умолк, чтобы дать мне время осознать смысл сказанного. Я задумался.

— Поры? — произнес я наконец.

— Да, поры! Но кто об этом думает? Кто потрудится взглянуть? Однако я, моим вновь обретенным зрением, увидел! Тысячу, миллион, десять миллиардов — пор. Больших, маленьких, бледных, темно-красных. Каждую и на каждом. Люди, идущие по улице,

¹ Здесь: «Вот вам, пожалуйста!» (фр.) — Прим. перев.

люди в автобусах, в театрах, в телефонных будках — одни поры и почти ничего другого. Крошечные на маленьких женщинах. Огромные на больших мужчинах. Или наоборот. Столь же многочисленные, как пылинки в тлетворной пыли, которая в предвечерние часы скользит, клубясь, по солнечному лучу в нефе церкви. Поры... Завороженный ими, я начисто позабыл обо всем остальном. Я таращился не на глаза, губы или уши прекрасных дам, а на кожу их лиц. Не на то ли следует смотреть мужчине, как внутри этой нежной плоти, похожей на подушечки для булавок, поворачиваются шарниры скелета? Разумеется! Так нет же, я видел только терки и кухонные сита женской кожи. Красота превратилась в Гротеск. Переводя взгляд, я словно переводил в своем треклятом черепе объектив двухсотдвоймового паломарского телескопа. Куда бы я ни повернулся, я повсюду видел изрытую метеоритами луну в наводящем ужас сверхкрупном плане! А сам я? Мой бог, бритые по утрам превратилось для меня в утонченную пытку! Я не сводил глаз со своего утраченного лица, испещренного, словно поле битвы, воронками от снарядов. «Проклятье, Иммануэль Брокау,— стонал я, как ветер под крышей,— ведь ты Большой Каньон в полуденный час, апельсин с миллиардом бугорков и впадин, гранат, с которого сняли кожуру!» В общем, контактные линзы сделали меня пятнадцатилетним. Болезненно чувствительный, распинающий себя клубок сомнений, страха и абсолютного несовершенства — это был я. Ко мне вернулся и начал меня преследовать прыщавый и неуклюжий призрак худшего в жизни возраста. Я валялся бессонной развалиной. «Пожалей меня, второе отрочество!» — причитал я. Как мог я жить таким слепым столько лет? Да, слепым, и знал это, и всегда утверждал, что это не важно. Я шел по свету наощупь, не видя из-за близорукости ни ям, ни трещин, ни бугров ни на других, ни на самом себе. А теперь прямо на улице меня переехала реальность. И эта реальность была поры. Тогда я закрыл глаза и погрузился в сон на несколько дней. А потом сел в постели и, широко открыв глаза, объявил: «Реальность еще не все! Я отвергаю поры. Я ставлю их вне закона. Вместо них я принимаю истины, которые мы постигаем интуитивно или которые сами создаем для себя, чтобы ими жить». Ради них я пожертвовал своими глазами. Я отдал контактные линзы садисту-племяннику, которому наибольшую радость в жизни доставляли свалки, шишковатые люди и волосатые твари. Я снова нацепил на нос свои старые, не дающие полной коррекции очки. Я опять оказался в мире нежных туманов. Я видел достаточно, но не больше, чем мне было нужно. И я увидел, как прежде, полуразличимых людей-призраков, которых снова можно было любить. По утрам на меня опять глядел из стакана такой

«я», с которым я мог лечь в одну постель, которым мог гордиться и который мог быть моим приятелем. Я начал смеяться, день ото дня все счастливее. Сперва тихо. Потом во весь голос. До чего же, Саймон, забавная штука жизнь! Из суетности мы покупаем линзы, которые видят всё,— и всё теряем! А отказавшись от какой-то частицы так называемой мудрости, реальности, истины, мы получаем взамен жизнь во всей ее полноте! Кто этого не знает? Писатели — знают! В романах, рожденных интуицией, куда больше правды, чем во всех когда-либо написанных репортажах! Однако совесть мою раскалывали две глубокие трещины, и мне о них поневоле пришлось задуматься. Мои глаза. Мои уши. «Святая королева,— сказал я себе,— тысячи больных побывали в моей приемной, скрипели моими кушетками, ждали эха в моей дельфийской пещере, и подумать только, какая нелепость,— я никого из них не видел ясно, и так же плохо их слышал! Какой была на самом деле мисс Харботл? А старый Динсмуир? Какого цвета, вида, величины была мисс Граймс? Действительно ли мисс Скрэпуайт видом и речью была похожа на египетскую мумию, возникшую вдруг около моего бюро? Об этом мне оставалось только гадать. Две тысячи дней густого тумана скрывали от меня моих пропавших детей, которые для меня были всего лишь голосами — вызывающими, слабеющими, замолкающими. О боже, так я, оказывается, ходил по базарам и не знал, что ношу на спине плакат: «СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ», и люди подбегали, швыряли монеты в протянутую мною шапку и отбегали исцеленными! Да, исцеленными! Ну, разве не удивительно это, разве не странно? Исцеленные старым калекой без руки и без ноги. Как же так? Каким образом, не слыша их, я каждый раз говорил именно то, что было нужно? Какими на самом деле были эти люди? Мне никогда этого не узнать. И еще я подумал: в городе сотня известных психиатров, которые прекрасно видят и слышат. Но их пациенты бросаются в море во время шторма, или ночью прыгают в парках с детских горок, или связывают женщин и раскуривают над ними сигары. И мне пришлось признать неоспоримый факт: моя профессиональная деятельность была успешной. «Но ведь безногие не водят безногих,— кричал мой разум,— слепые и хромые не исцеляют хромых и слепых!» Но издали, с галерки моей души, какой-то голос с безмерной иронией мне ответил: «Чушь и бред! Ты, Иммануэль Брокау, гений из фаянса — треснувший, но блестящий! Твои задраенные глаза видят, твои заткнутые уши слышат! Твой расщепленный разум исцеляет на некоем подсознательном уровне! Bravo!» Но нет, я не мог сжиться со своими совершенными несовершенствами. Не мог понять или принять это нахальное и таинственное нечто, которое сквозь преграды и завесы играло со всем миром в доктора Айболита и

исцеляло зверей. У меня было несколько возможностей. Не вставить ли опять контактные линзы? Не купить ли слуховой аппарат в помощь моему быстро улучшающемуся слуху? Ну, а потом? Обнаружить, что я утратил связь со своим скрытым и лучшим разумом, великолепно приспособившимся и привыкшим за тридцать лет к плохому зрению и никудышному слуху? Хаос для целителя и исцеленных. Остаться слепым и глухим и работать? Это, думал я, было бы жутким обманом, хотя репутация моя была белоснежной и свежевыглаженной, словно только что из прачечной. И я ушел на покой. Упаковал чемоданы, бежал в золотое забвение и позволил невероятной сере закупорить мои ужасные и удивительные уши...

Мы ехали вдоль берега, был жаркий послеполуденный час. Временами на солнце наплывали небольшие облака. На пляжах и на людях, рассыпанных по песку под разноцветными зонтиками, туманились тени.

Я откашлялся.

— Скажите, доктор, неужели вы не будете больше практиковать?

— А я и теперь практикую.

— Но ведь вы только что сказали...

— Практикую неофициально, без приемной, и без гонорара — с этим все кончено. — Доктор негромко рассмеялся. — Но, так или иначе, загадка эта не дает мне покоя. Как удавалось мне исцелять всех наложением рук, когда они у меня были по локоть обрублены? Но те же руки работают и сейчас.

— Каким образом?

— А моя рубашка. Вы же видели. И слышали.

— Когда вы шли по проходу?

— Совершенно верно. Цвета. Рисунки. Тот мужчина видит одно, девочка — другое, мальчик — третье. Зебры, козы, молнии, египетские амулеты. «Что это, а что это, а что это?» — спрашиваю я. И они отвечают, отвечают, отвечают. Человек в Роршаховой Рубашке. Дома у меня дюжина таких рубашек. Всех цветов и узоров. Одну, перед тем как умереть, расписал для меня Джексон Поллак. Каждую из них я ношу день, а если получается хорошо, если ответы четкие, быстрые, искренние, содержательные, то и неделю. Потом сбрасываю старую и надеваю новую. Десять миллиардов взглядов, десять миллиардов ответов ошеломленных людей. Не продам ли я эти рубашки вашему психоаналитику, приехавшему сюда отдохнуть? Вам — чтобы тестировать друзей, шокировать соседей, щекотать нервы жене? О нет, ни в коем случае. Это мое собственное, личное и самое дорогое моему сердцу развлечение. Разделять его со мной не должен никто. Я и мои рубашки, солнце,

автобус и тысяча дней вперед. Пляж ждет. И на нем — мои дети, люди! И так я брожу по берегам этого летнего мира. Здесь нет зимы — правда, удивительно! — и даже, кажется, нет зимы тревоги нашей, а смерть всего лишь слух где-то там, по ту сторону дюн. Я хожу, где и когда мне заблагорассудится, набредаю на людей, и ветер хлопает моей замечательной полотняной рубашкой, надувает ее как парус и тянет то на север, то на юг, то на юго-запад, и я вижу, как тарашатся, бегают, косятся, щурятся, изумляются человеческие глаза. И когда кто-нибудь что-нибудь говорит о моем исчерченном чернилами хлопчатобумажном флаге, я замедляю шаг. Завожу разговор. Иду некоторое время рядом. Мы вместе вглядываемся в огромный кристалл моря. В то же время я вглядываюсь искоса, украдкой в душу собеседника. Иногда мы гуляем вместе часами, и тогда в нашем затянувшемся сеансе участвует также и погода. Обычно одного такого дня вполне достаточно, и я, ничего с него не взяв, отпускаю здоровым ни о чем не подозревавшего пациента, не знаящего даже, с кем он гулял. Он уходит по сумеречному берегу к вечеру более светлому и прекрасному. А слепоглохой человек машет ему вслед, желая счастливого плавания, и, довольный результатом, спешит домой, чтобы скорее сесть за радостный ужин. Или иногда я встречу на пляже какого-нибудь соню, чьих бед слишком много, чтобы, вытащив их наружу, уморить их в ярком свете одного дня. Тогда, будто по воле случая, мы снова набредаем друг на друга недель позже и вместе идем вдоль полосы прибоя, и с нами наша передвижная исповедальня, которая была всегда. Ибо задолго до священников, до горячих шептаний и раскаяний, гуляли, разговаривали, слушали и в разговорах излечивали друг друга от обид и отчаяний друзья. Добрые друзья все время обмениваются огорчениями, передают друг другу свои душевные опухоли и таким путем от них избавляются. На лужайках и в душах копится мусор. В пестрой рубашке и с палкой для мусора с гвоздем на конце я каждый день на рассвете отправляюсь... наводить чистоту на пляжах. Так много, о, так много тел лежит там на солнце. Так много душ, затерявшихся во мраке. Я иду среди них... стараюсь не споткнуться.

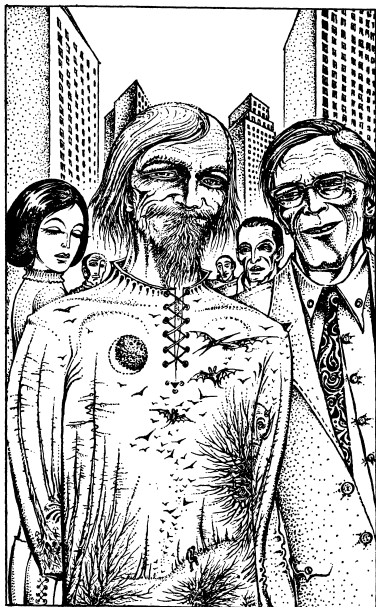
Ветер дул в окно автобуса, прохладный и свежий, и по разорванной рубашке задумавшегося старика, как по морю, пробегала легкая зыбь.

Автобус остановился.

Доктор Брокау увидел вдруг, что ему надо выходить, и вскочил на ноги:

— Подождите!

Все в автобусе повернулись к нему, словно зрители, ожидающие увидеть на сцене выход премьеры. Все улыбались.

Доктор потряс мне руку и побожал к передней двери. Около нее, изумленный своей забывчивостью, обернулся, поднял темные очки и скосил на меня слабые младенческо-голубые глаза.

— Вы...— начал он.

Уже для него я был туманом, грезой где-то за пределами зримого.

— Вы...— воззвал он в это чудесное облако бытия, обступавшее его плотно и жарко,— не сказали мне, что видите вы. Так что же, что?!

Он выпрямился во весь свой высокий рост, показывая эту невероятную, вздувавшуюся на ветру рубашку с тестами Роршаха, на которой беспрерывно менялись цвета и линии.

Я посмотрел. Я моргнул. Я ответил.

— Восход! — крикнул я.

От этого мягкого дружеского удара у доктора подогнулись ноги.

— Вы уверены, что не закат? — крикнул он, приставляя к уху ладонь.

Я посмотрел снова и улыбнулся. Я надеялся, что он увидит мою улыбку — в тысяче миль от него, хоть и в том же автобусе.

— Да,— сказал я.— Рассвет. Прекрасный рассвет.

Чтобы переварить это, он закрыл глаза. Большие руки проšliсь вдоль берегов его ласкаемой ветром рубашки. Он кивнул. Потом открыл светлые глаза, махнул мне рукой и шагнул в мир.

Автобус тронулся. Я посмотрел назад.

И увидел, как доктор Брокау идет через пляж, где лежит в жарком солнечном свете тысяча купальщиков — статистическая выборка человечества.

Казалось, что он идет, легко ступая, по волнам людского моря.

И в миг, когда я перестал его видеть, он, во всем своем величии, все еще по ним шел.

Перевел с английского
Р. Рыбкин

Уильям Моррисон

ПЕРЕВАЛОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Может, и бывали времена, когда Олли Кейту случалось быть сытым, но это было так давно, что он и вспомнить не мог. Он брел по узкому переулку, переводя взгляд потухших глаз с одной

кучки мусора на другую. Олли был голоден, все его тело, все шестьдесят три килограмма, каждой клеточкой испытывало голод. Он был так тощ, что местами кожа, казалось, вот-вот протрется насквозь, как протерлась его ветхая одежда. Подчас Олли и сам дивился, словно чуду, прочности своей телесной оболочки — как это она за сорок два года его жизни все-таки не изнасилась.

Он работал у сборщика утиля. Дела его шли плохо; впрочем, они и раньше шли не лучше. Олли с классической точностью прошел первый этап схемы «из лохмотьев к роскоши». Он родился на груде лохмотьев, а потом, словно этого было недостаточно, остался круглым сиротой. Конечно, ему следовало бы поехать в большой город, поступить на работу в контору богатого купца, спасти его смазливую дочку от смерти и заполучить ее себе в жены, а вместе с ней и ее капиталы. Но почему-то схема эта не сработала. В приюте, где он провел так много безрадостных лет, экономили и на харчах, и на образовании. Когда он стал старше, его отдали в батраки одному фермеру, но для сельских работ мальчишка оказался слишком слабым и фермер отослал его обратно в приют.

Так и пошла с тех пор его жизнь — от одной неудачи к другой. Ни силой, ни ловкостью судьба его не наделила. Найти работу ему удавалось с трудом, а удержаться на ней он и вовсе не умел. А раз не было работы, не было и денег ни на еду, ни на обучение какому-нибудь ремеслу. Однажды он решил завербоваться в армию в надежде получить пропитание и хоть чему-нибудь научиться, но доктора его мигом забрековали. Армия с презрением отвергла Олли — там нужен был человеческий материал получше.

Как он умудрился дожить до своих сорока двух лет, тоже можно было объяснить только чудом. Теперь-то он, конечно, хорошо понимал, что ему осталось жить недолго. И, видно, чтобы облегчить себе переход в иной мир, он начал пить. Дрянное пойло быстрее подавляло голодные спазмы, чем дрянная пища. А потом опьянение впервые в жизни подарило ему минуты, пусть обманного, но счастливого забвения — других на его долю не выпадало...

Олли все шел и оглядывал мусор кучу за кучей, нища подходящее тряпье или пустые бутылки. И вдруг он заметил на самом краю тротуара орешек, непонятно какой, но несомненно орешек! При его удачливости внутри орешка окажется, конечно, одна гниль, но он все же надеялся на лучшее.

Подобрав орешек, Олли постукал им об асфальт и поискал глазами какой-нибудь камень. Но камней нигде вокруг не было и расколоть орех было нечем. Он не без опаски сунул его в рот и попробовал разгрызть. Попытка и впрямь была рискованная —

зубы у него были порченые, как и все в его организме, и наверняка обломались бы раньше, чем треснул бы орех. Но при первом же нажиме орех выскользнул из-под зуба и попал прямохонько в дыхательное горло. Олли захрипел и беспомощно замахал руками. Он чуть было не задохнулся. К счастью, орех выскочил из горла, и через секунду Олли уже смог глотнуть воздуха. А орех, так и не разгрызенный, он нечаянно проглотил, отчего ощущение голода, как показалось ему, только обострилось.

В переулке его мешок ничем не пополнился. Вся жизнь Олли за последнее время была шествием от одной кучи мусора к другой, и чем дальше, тем меньше добычи ему попадалось. А здесь не нашлось ничего — ни бутылок из-под молока, ни стоящего лама.

В конце переулка была парикмахерская, и тут Олли поджидала величайшая, небывалая удача. Он нашел бутылку. Не молочную, нет, и не пустую! Она стояла на столе, близ раскрытого окна в задах парикмахерской. Олли рассчитал, что он дотянется до нее своей тощей длинной рукой. Можно даже не влезать в окно.

Он сделал один долгий глоток, затем другой. Виски было что надо, куда лучше всех, что он когда-либо покупал.

Когда Олли поставил бутылку на место, она была пуста.

Но странно, несмотря на отличное качество, — а может быть, благодаря ему — виски не оказало на него обычного действия. Олли был совершенно трезв — ни в одном глазу! — и еще голоднее, чем прежде.

Отчаяние толкнуло Олли на дерзкий поступок, на какой он редко отваживался. Он пошел в ресторан! (Конечно, это был убогий ресторанчик — в другой бы его просто не пустили.) Да, он пошел в ресторан, сел и заказал себе еду, за которую ему нечем было платить.

Олли отлично знал, что произойдет, когда он съест все, что ему подадут. Он станет прикидываться, будто потерял все свои деньги, но, конечно, хозяина ему провести не удастся. Если тот окажется в хорошем настроении, да еще к тому же нуждается в подсобных рабочих, Олли заставят отработать на мойке посуды. Но если хозяин сердит, а мойщиков у него хватает, из Олли выколотят сапогами всю душу, а потом отправят в полицию.

Суп был густой и вкусный, правда, вкус его не вполне удовлетворял бы какого-нибудь гурмана, но так или иначе эта мешанина была едой, и Олли поглощал ее с завидным аппетитом. Но — не наелся. И жаркое, хотя в нем было полно вкусных кусков, тоже не насытило Олли. Не помогли и сладкое, и мутный кофе — Олли по-прежнему ощущал пустоту в желудке.

Официант разговаривал с поваром. Олли заметил, как он дал знак хозяину, и тот торопливо побежал на кухню. Олли зажимурился. Дело ясное, сейчас они насядут на него. Он прикинул, не успеет ли улизнуть, пока его еще не схватили. Но в зале стоял другой официант, приглядывая за посетителями, и Олли понял, что удрать не удастся.

Он набрал побольше воздуха и втянул голову в плечи, словно сейчас на него должен был обрушиться потолок.

Услышав шаги хозяина, Олли открыл глаза.

— Г-м, послушай-ка, друг, я насчет жаркого, что тебе подали...— заговорил хозяин.

— Неплохое жаркое,— бодро высказался Олли.

Он заметил струйки пота на лбу у хозяина и мысленно подивился, с чего это вдруг тому стало жарко.

— Только одна беда,— добавил он,— уж очень насытное. Я совсем не наелся.

— Насытное, говоришь? Это нехорошо. Знаешь, что? Не в моих правилах, чтобы от меня голодными уходили. Коли ты не наелся, не возму с тебя ничего. Ни одного цента.

Олли оторопело заморгал. Это уже было выше его понимания. Но он, конечно, мигом сорвался бы с места и убежал, если бы не проклятая гложущая пустота в желудке. Она придавала ему дерзости.

— Спасибо,— сказал он.— Раз такое дело, я, пожалуй, съем еще одну порцию жаркого. Может, хоть эта у меня к ребрам пристанет.

— Только не жаркого,— нервно ответил хозяин.— Тебе последнюю порцию дали. Больше нет. Возьми ростбиф.

— Э-э, г-м, это мне будет не по карману.

— Бесплатно,— сказал хозяин.— Для тебя бесплатно.

— Ну, тогда уж дайте мне двойную порцию. Просто помираю с голода.

Двойная порция проскочила в желудок Олли мгновенно, не доставив ему никакого удовлетворения. Дольше испытывать судьбу, столь неожиданно облагшавшую его, он не решился, и, проглотив еще одну порцию сладкого, нехотя пошел прочь.

Хозяин на кухне в изнеможении плюхнулся на стул.

— Я боялся, он будет требовать, чтобы с него взяли деньги. Тогда бы уж нам не выкрутиться.

— Да ну, он просто без памяти рад, что бесплатно наелся,— сказал повар.

— Ладно, теперь, если что и случится с ним, то не под нашей крышей.

— А вдруг начнут проверять, что у него в желудке?

— Все равно, на нас он в суд подать не сможет. Куда ты девал остальное жаркое?

— Вывалил на помойку.

— Закрой бак крышкой. Не хватает нам еще, чтобы все собаки и кошки в округе подошли. А в следующий раз, когда будешь браться за солонку, смотри хорошенько, чтобы на ней не было ярлыка «Отравя для тараканов».

— Ошибка вышла, со всяким может случиться,— философски произнес повар.— А знаете, хозяин, может, не надо было нам его отпускать? Может, его к доктору надо было отправить?

— Еще чего? И платить доктору, скажешь? Не валяй дурака. Теперь он пускай сам выкручивается... Что бы там ни случилось с ним, мы ничего не знаем. Мы его и не видели никогда, понял?

А с Олли ничего не случилось, кроме одного: ему все сильнее и сильнее хотелось есть. Никогда прежде он не испытывал такого волчьего голода. Ему казалось, что он целый год ничего в рот не брал.

В течение одного дня счастье дважды улыбнулось ему, представ один раз в виде легко достигаемой бутылки виски, а второй раз — в образе сказочно щедрого ресторатора. Но ни голода, ни жажды его эти удачи, увы, не утолили. И тут ему повезло в третий раз! На большом зеркальном стекле витрины следующего ресторана он увидел пестро раскрашенный плакат: «СЕГОДНЯ В РЕСТОРАНЕ МОНТЕ ТУРНИР ЕДОКОВ! ЧЕМПИОНАТ МИРА! ЗАПИСЬ УЧАСТНИКОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВСЕМ, КТО СЪЕСТ ХОТЯ БЫ ЗА ТРОИХ, ЕДА БЕСПЛАТНО!»

Олли просиял. По самочувствию своему он был уверен, что может съесть не за троих, а за целую сотню. Его ничуть не огорчило, что, как он вычитал дальше на плакате, меню для соревнующихся было ограничено только крутыми яйцами. Наконец-то ему представляется возможность набить, неважно чем, свою бездонную утробу.

Сразу стало ясно, что ни судьям, ни зрителям Олли не внушил особого доверия. Конечно, он был явно голоден, но желудок у него сильно сократился, наверное, от долгих лет голодухи, да и вся комплекция у него была не та, какая положена прирожденному обжоре. Он был долговяз и костляв, не то что другие претенденты: те были что ростом, что поперек себя — почти одинаковые. В прибавке веса, как и во многом другом, видно, справедлива поговорка, гласящая, что у кого много есть, тому и еще прибавится. А у Олли было слишком мало для успешного старта.

Организаторы решили выпустить Олли первым, чтобы избежать спада достижений в разгар турнира. Они были убеждены, что Олли справится от силы с десятком яиц.

Олли был так зверски голоден, что потерял последнее самообладания, и всем страшно не понравилось, как жадно он проглотил первое яйцо. Истинный обжора должен есть быстро, но изящно, без видимых усилий и спешки. А эта безудержная, дилетантская торопливость, по мнению судей, могла привести только к расстройству желудка.

Олли сожрал второе яйцо, затем третье, четвертое и быстро разделался с отпущенным ему десятком.

— Как вы себя чувствуете? — спросил его один из судей.

— Хочу есть.

— Желудок болит?

— От голода. Как будто в нем пусто. Чего-то не надеюсь я этими яйцами.

Кто-то из зрителей расхохотался. Судьи обменялись взглядами и приказали принести еще яиц. Из толпы слышались подбадривающие возгласы, но все же в этот момент еще никто не думал, что у Олли есть шансы на победу.

А Олли съел двадцать, затем сорок, шестьдесят, сто яиц. Судьи и зрители пришли в неописуемое волнение.

Наконец, один из судей снова спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Не наелся еще. Больно уж они насытные.

— Да что вы! Посмотрите, какие крупные яйца. Знаете, сколько весит сотня? Около семи килограммов!

— А мне плевать, сколько они весят. Не наелся я, и все тут.

— Вы не будете возражать, если мы вас взвесим?

— Пожалуйста. Только яички давайте мне без остановки.

Принесли весы. Олли весил шестьдесят два килограмма пятьсот граммов.

Он принялся за новую порцию яиц. Когда было покончено со второй сотней, его снова взвесили. Вес его был шестьдесят два килограмма триста восемьдесят граммов.

Судьи уставились друг на друга, затем на Олли. Зрители замерли в благоговейном молчании, словно перед ними свершилось чудо.

— Он спускает их в рукав, а потом передает сообщнику, — высказал гениальную догадку один из судей.

— Это там-то, на эстраде? — иронически спросил второй судья. — Где же его сообщник? А потом, вы сами видите, что он их ест. Всем же видно, как они у него ныряют в глотку!

— Но это невообразимо! Если он их съедает, он должен прибавлять в весе.

— Сам не понимаю, куда они деваются,— признался второй.

— Но он их глотает, это же факт!

— Это просто какая-то аномалия. Надо вызвать врача.

Олли съел еще сто сорок три яйца, и тут ему пришлось остановиться, потому что весь запас яиц в ресторане был исчерпан. Остальным участникам так и не пришлось включиться в турнир.

* * *

Когда доктор наконец приехал, и ему все рассказали, первой его реакцией была широкая улыбка. Он был веселый человек и понимал толк в шутках. Но судьи взвесили Олли—весы показали шестьдесят два килограмма сто шестьдесят граммов,—скормили ему килограммовую ковригу хлеба и взвесили снова.

На сей раз вес его был равен ровно шестидесяти двум килограммам.

— Если он и дальше будет терять вес такими темпами, он скоро умрет от истощения—пробурчал доктор. Он раскрыл свой черный саквояж и принялся детально обследовать Олли.

Олли был крайне недоволен тем, что его оторвали от еды—аппетит у него не убавлялся. Но ему посулили подкинуть еще еды попозже, и он нехотя предоставил себя в распоряжение врача.

— Зубы разрушены, расширение сердца, в обоих легких очаги, плоскостопие, грыжа, искривление позвоночника... Назовите любую болезнь, и она у него найдется!—сказал доктор, закончив осмотр.—Откуда он взялся, черт побери?

Олли уже поглощал кусок ростбифа, и ему некогда было отвечать.

— Он мусорщик. Я встречал его тут, неподалеку,—сказал один из зрителей.

— А с каких пор такая прожорливость?

— С сегодняшнего дня,—прошамкал Олли с полным ртом.

— Вот как? А что именно сегодня случилось, что вы стали так много есть?

— Ничего. Просто есть хочется.

— Так-та-ак... Послушайте-ка, а что если мы с вами поведем в больницу, и я там вас хорошенько посмотрю?

— Э, нет, сэр,—заявил Олли.—Я не позволю, тыкать в себя иглами.

— Что вы, никаких иглол,—поспешно заверил доктор, подумав про себя, что если надо будет взять кровь на анализ, его можно усыпить морфием, так что он и не почувствует ничего.

— Мы просто осмотрим вас. А еды будем давать сколько захотите.

— Сколько захочу? Ну, тогда поехали.

* * *

Фотоснимок был издательский, но смысл был ясен. Фотограф, приглашенный на турнир, ухитрился запечатлеть Олли в момент, когда тот поглощал два яйца. Одно было уже в глотке — видно было, как от него раздулась шея, а второе он запихивал себе в рот. Под снимком было напечатано крупным шрифтом: «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ОПУСТОШИЛ ХОЛОДИЛЬНИК РЕСТОРАНА МОНТЕ». Рядом была подвёрстана колонка репортажа под заголовком: «Съел Триста Сорок Три Яйца и Говорит «Я Хочу Еще».

Золто положил газету и сказал своей жене:

— Это он. Можно не сомневаться, что он ее нашел.

— Я сразу поняла, что в переулке искать бесполезно, — ответила Поджим.

Эта привлекательная особа женского пола сейчас была погружена в глубокое раздумье, и ей удавалось выглядеть одновременно и очень красивой и глубокомысленной.

— Как нам теперь заполнить ее обратно без лишнего шума? — спросила она мужа.

— Откровенно говоря, не знаю, — сказал Золто. — Надо что-нибудь придумать. Он, видно, принял ее за орех и проглотил. А теперь в больнице ему сделают рентген желудка и, конечно, найдут...

— Они не поймут, что это такое.

— Его же обязательно будут оперировать, чтобы удалить «орех». А когда они ее достанут, тогда быстро разберутся.

Поджим согласилась.

— Я одного не пойму — почему она стала работать. Она ведь была выключена, когда я ее обронил... — сказала она.

— Видимо, он случайно включил ее. Я заметил, некоторые земляне имеют привычку разгрызать орехи зубами. Ну вот он и нажал зубом на один из контактов.

— И включил передачу неодушевленной материи? Да, ты, пожалуй, прав, Золто. Содержимое желудка сжимается и телепортируется в наш мир. А сам желудок остается нетронутым — это же часть живого существа! Его нельзя передать по этому каналу. Бедняга, — он, наверно, стал сильно худеть — ведь обмен веществ у него продолжается. И чем больше он ест, тем больше худеет...

— Бедняга? Слишком уж ты жалостлива, Поджим. Подумай лучше, что будет с нами, если мы не заполучим станцию обратно.

Он вздернул плечи и захохотал.

— Следи за собой, Золто,— предупредила Поджим.— Когда ты начинаешь смеяться, у тебя исчезает всякое сходство с человеком.

— Подумаешь! Мы же одни.

— Нас могут и подслушать.

— Ладно, не отвлекайся от главного. Что будем делать со станцией?

— Придумаем что-нибудь,— весело сказала Поджим, но Золто отлично видел, что на самом деле она сильно встревожена.

В больнице Олли уложили в постель. Врач поручил сестре искупать его, но он яростно воспротивился такому унижению, и пришлось поручить это дело мужчине-санитару. И вот он — в постели, чисто вымытый, побритый, в такой короткой ночной рубашке, что ему стыдно было на себя взглянуть, и, конечно, по-прежнему умирающий с голоду.

На столике у кровати уже стояло десятка полтора пустых тарелок. Ему подали все блюда из меню больницы, основательно сдобрив их витаминами и прочими полезными вещами. Все казалось ему чертовски вкусным, пока он глотал, но насыщения не давало.

Больше ему делать было нечего. Он ел да ломал голову,— почему это у докторов, которые его осматривали, было такое растерянное и тревожное выражение на лицах.

Новый кризис разразился совершенно внезапно. Он тихо лежал мучимый непрерывными голодными спазмами, как вдруг кто-то будто толкнул его в живот. Он вздрагнул. Никого около кровати не было. Доктора ушли копаться в книгах и спорить друг с другом.

Через несколько секунд он ощутил еще один толчок, потом еще и еще.

От страха и боли он закричал.

Он кричал минут пять. Наконец, в палату заглянула сестра.

— Вы кажется, звали меня? — небрежно спросила она.

— Живот! — простонал Олли.— Меня кто-то колотит по животу...

— Это у вас желудочные боли,— пояснила сестра, ласково улыбаясь.— Будете умнее. Нельзя так жадно...

Но в этот момент он, корчась от боли, сдернул простыню с живота и сестра остолбенела. Желудок у Олли вздулся как арбуз, только арбуз не гладкий, а шишковатый. Угловатые, неровные шишки выпирали во все стороны.

Она кинулась прочь из палаты, громко крича на ходу:

— Доктор Мэнсон! Доктор Мэнсон!

Когда она возвратилась с двумя врачами, Олли был в таком состоянии, что даже не заметил их прихода.

— Что за чертовщина! — вскричал Мэнсон и принялся ощупывать живот Олли.

— Когда это случилось? — спросил второй врач.

— Только что, я думаю, — ответила сестра. — Минут пять назад живот у него был впалый, как обычно.

— Надо будет вспрыснуть ему морфий, снять боли, а затем сделаем рентген, — распорядился Мэнсон.

Олли был в полузабытье. Его подняли с кровати на каталке и увезли в рентгеновский кабинет. Он не слышал ни одного слова из дискуссии между врачами, которая развернулась вокруг рентгеновских снимков, хотя врачи говорили во весь голос, ничуть не стесняясь его.

— Что же это за штуки, черт возьми? — оторопело спросил доктор Мэнсон.

— Похоже на ананасы и грейпфруты, — предположил озадаченный рентгенолог.

— Четырехгранные ананасы? Заостренные грейпфруты?..

— Я же не утверждаю. Я только сказал, что похоже... — оправдываясь, сказал рентгенолог. — Ну, может, не грейпфруты, а кабачки... — добавил он смущенно.

— Кабачки, ха-ха! А как они попали в его желудок? Ну ладно, он жрал, как свинья, но ведь и свинья не может проглотить такую штуку целиком!

— Давайте разбудим его и спросим.

— А он знает не больше нас, — сказала сестра. — Он пожаловался мне, что его кто-то колотит по животу. Ничего другого он нам не скажет...

— Ну и желудок у него! Никогда не слышал ни о чем подобном, — изумленно пробормотал Мэнсон. — Знаете что? Давайте вскрыем и поглядим, что там у него внутри.

— Требуется его согласие, — опасливо сказал рентгенолог. — Я понимаю, что это очень интересно, но нельзя же его резать, если он не захочет.

— Но операция нужна для его спасения. Надо же так или иначе выпустить из него весь этот ненарезанный фруктовый салат, — доктор Мэнсон снова начал разглядывать снимки. — Ананасы, грейпфруты, что-то вроде банана с кустиком на одном конце. В общем, набор больших предметов круглого сечения. И еще нечто вроде орехов... Да, маленький орешек.

— Он приходит в себя, — сказала сестра.

— Хорошо, заготовьте бланк, сестра, и, как только он очнется, заставьте его подписать, что он согласен на операцию.

Два ординатора в белых халатах остановились в коридоре у двери в палату Олли и прислушались. Они не очень-то походили на людей, но при беглом взгляде их можно было принять за мужчину и женщину, чего им, естественно, и хотелось.

— Все идет, как я предрекал,— шепнул Золто.— Они хотят оперировать. И орех уже заметили.

— Можно помешать им силой, конечно. Но я терпеть не могу насилия.

— Я знаю, дорогая,— задумчиво ответил Золто.— Знаю. Теперь по крайней мере ясно, что тут произошло. Станция телепортировала все, что попадало в его желудок, там наши сделали анализ и поняли, что все это продукты питания. Поскольку от нас никакого сообщения не поступило, они стали сами гадать, зачем мы шлем им пищу землян, и, наконец, решили, что нам нужны наши привычные продукты... Хорошо еще, что за первый сеанс они послали совсем немного.

— Бедняга сейчас, наверное, при смерти.

— Хватит тебе жалеть этого беднягу. Подумай о нас.

— Но как ты не понимаешь, Золто? Ведь его желудочный сок не может переварить эти совсем незнакомые ему вещества...

Поджим замолчала, так как из палаты вышла сестра, скользнув по прищельцам безразличным взглядом. За нею следом в коридор выбежал рентгенолог, физиономия которого все еще отражала то крайнее недоумение, какое вызвали у него пленки, снятые им.

— Там остался один Мэнсон,— сказал Золто.— Поджим, у меня есть идея! Пандигестивные таблетки у тебя с собой?

— А как же! Всегда ношу с собой. В этом мире, того и гляди, проглотить что-нибудь такое, с чем наш желудок справиться не может. А они мигом все переварят.

— Отлично!

Золто отошел от двери, откашлялся и принялся кричать:

— Доктор Мэнсон! Доктор Мэнсон! Вас вызывают в операционную!

— Сразу видно, что ты посмотрелся их фильмов,— заметила Поджим.

Но уловка Золто удалась. Бормоча под нос: «Черт бы их побрал»,— доктор Мэнсон выбежал в коридор. Золто и Поджим он даже не заметил.

— Теперь он один. Доставай таблетки. Быстро!

Они вбежали в комнату. Золто подержал под носом Олли маленький ингалятор. Олли мотнул головой, отвернув нос в сторону, и открыл глаза.

— Примите это, пожалуйста,— сказала Поджим, просительно улыбаясь.— У вас пройдут боли,— и она положила в рот Олли две таблетки.

Олли машинально глотнул, и таблетки отправились в желудок в дополнение к коллекции посторонних предметов, уже находившихся там. Поджим одарила его еще одной улыбкой и вместе с Золто поспешно выбежала из палаты.

Олли совсем перестал понимать, что происходит вокруг него. Не успели уйти эти странные доктора, как снова вбежал Мэнсон, кляня неизвестного идиота, позвавшего его в операционную, в выражениях, которые могли бы шокировать кого угодно. Затем пришла сестра с какой-то бумагой. Олли понял, что его просят что-то подписать.

Он решительно замотал головой.

— Ну уж нет, сестрица. Подписывать я ничего не буду, хоть убей.

— Но речь идет о вашей жизни. Вы можете умереть. Нужно удалить эти штуки из вашего желудка.

— Не-ет! Резать я себя не дам.

Доктор Мэнсон заскрежетал зубами от бессильной ярости.

— Боль у вас стихла от морфия, который я вам дал. Через несколько минут его действие пройдет, и вы снова начнете корчиться. Вы должны согласиться на операцию.

— Не-ет, сэр,— упрямо твердил Олли.— Резать себя я не дам. И тут внезапно его так передернуло, что он чуть не вывалился из кровати. Живот его, и без того уже раздутый, вздулся еще сильнее, и на глазах у изумленных медиков на нем вскочила новая шишка.

— Помогите! — завопил Олли.

— Мы именно это и хотим сделать,— зло крикнул Мэнсон.— Только вы нам не позволяете. А ну-ка, быстро подписывайте эту бумагу и хватит валять дурака!

Олли со стоном подписал, и через минуту его бегом катили в операционную.

* * *

Действие морфия быстро ослабевало. Олли уже лежал на операционном столе и тихо постанывал. Лампы, свешивающиеся с потолка, заливали его ярким светом. В головах стоял анестезиолог, с маской наготове. Сбоку стола доктор Мэнсон натягивал резиновые перчатки на свои антисептические руки. Сестры и ассистенты, внимательные и сосредоточенные, ожидали распоряжений.

Два «ординатора» стояли около входа в операционную.

— Боюсь, что придется все-таки применить силу. Станция не должна попасть в их руки.

— Надо было дать ему три таблетки,— покаянно бормотала Поджим.— Я не ожидала, что они так медленно действуют.

Они замолкли. Золто нащупал в кармане оружие, без которого он так надеялся обойтись.

Доктор Мэнсон, резко кивнув головой, командовал:

— Анестезия!

И в тот момент, когда анестезиолог наклонился над Олли с маской в руках, все и началось. Обнаженный, ожидающий прикосновения скальпеля живот Олли начал вздуваться и опадать волнами, словно содержимое его закипело. Олли завизжал. Все медики, зачарованно оцепенев, созерцали необыкновенную картину. Все выпиравшие шишки сгладились, вздутые начали оседать, как садится воздушный пирог в духовке, если сильно хлопнуть ее дверкой. Таблетки наконец подействовали.

Олли приподнялся и сел. Он совсем забыл, что на нем непримечательно коротенькая рубашка, а вокруг полно людей. Оттолкнув анестезиолога, который попытался задержать его, он заявил:

— У меня все прошло!

— Ложись! — сирепо приказал доктор Мэнсон.— Мы сейчас тебя вскроем и наведем порядок...

— Нет уж, резать я не дамся,— спокойно сказал Олли.— У меня и так все в порядке. Чувствую себя замечательно. И голод весь прошел — в жизни ни разу не был так сыт! Даже сил прибавилось, хочется кулаками помахать. Так что лучше не пробуйте меня остановить.

И он направился к выходу, расталкивая протестующих медиков.

— Сюда, пожалуйста,— сказал один из «ординаторов» за дверь.— Сейчас мы принесем вашу одежду.

Олли подозрительно глянул на женщину в белом халате, но она продолжала:

— Вы меня, конечно, помните? Я вам давала таблетки от боли.

— Ага, они здорово помогли,— радостно подтвердил Олли и позволил беспрепятственно увести себя.

Позади раздавались сердитые крики, но он не обращал на них внимания. Мало чего им хочется! Ему надо поскорее отсюда выбраться, и делу конец.

Возможно, все не сошло бы так гладко, если бы не предусмотрительность его новых друзей. Они заранее включили переносный микрофон в трансляционную сеть и репродукторы начали вызывать доктора Мэнсона, доктора Колани, доктора Памбера, других медиков, и всех — в разные места.

В наступившей неразберихе Олли и его спутники благополучно ускользнули, и он впервые в жизни оказался пассажиром такси. По бокам сидели его друзья-«ординаторы», уже не в белых халатах.

— На случай, если в вашем желудке появятся новые бугры,— сказала женщина,— примите еще пару таблеток.

Голос ее звучал так убедительно, что Олли упирался только для приличия, совсем недолго. Проглотив таблетки, он уселся поудобнее и отдался наслаждению быстрой езды. Ему не сразу пришло в голову спросить, куда они его везут, а когда он об этом подумал, ему уже так хотелось спать, что он тут же и позабыл обо всем.

С помощью первых двух таблеток он переварил огромное количество питательных веществ. Кровь его весело струилась по жилам, все тело пронизывало блаженное ощущение сытости и благополучия.

Он заснул в такси.

— Ты передала сообщение с последними таблетками? — спросил Золто на своем языке.

— Да, я объяснила им, что тут произошло,— ответила его жена.— Они прекратят отправку продуктов и будут ждать новых директив.

— Очень хорошо. Теперь надо будет поскорее извлечь станцию из него. Оперировать мы сумеем сами, он и знать ничего не будет.

— Н-нет, пожалуй не стоит...— протянула Поджим.— Если мы вынем из него станцию, с ней опять будут одни только хлопоты. Такая маленькая — того и гляди, опять потеряем. А не разумнее ли оставить ее у него внутри?..

— Внутри него? Поджим, прелесть моя, да в своем ли ты уме?

— Вполне! Гораздо легче укараулить человека, чем крохотный предмет. Я умудрилась там посмотреть рентгеновские снимки: станция прикрепилась к стенке желудка и никуда оттуда не денется. Мы наведем наш промежуточный передатчик на его желудок. Все, что поступит из нашего мира по нашим заявкам, мы будем сразу телепортировать через промежуточный передатчик в таком же сжатом виде, а здесь, в нашей лаборатории, развернем до нормальных размеров и будем отправлять на Альдебаран-II.

— Ну, а вдруг он, вместе со своим желудком, куда-нибудь убежит?

— Если к нему хорошо относиться, он никуда не уйдет. Неужели ты не понимавшь, Золто? Этот человек всю жизнь не-

доедал. Мы его будем кормить так, как ему и не снилось никогда и давать пандигестивные таблетки. И придумаем ему легкую работу, чтобы не скучал. Прежде всего заставим его учиться и набираться ума. А по ночам будем получать все, что нам нужно, из нашего родного мира.

— А когда колония на Альдебаране-II получит все, что ей нужно, и наша миссия будет закончена, как тогда?

— У нас будет достаточно времени извлечь из него станцию.

Золто расхохотался. Смех его был удивительно непохож на человеческий, и не будь шофер такси так занят лавированием среди моря машин, он обязательно оглянулся бы. Поджим почуяла опасность и предостерегающе подняла палец. Золто мгновенно осекся.

— До чего же ты изобретательна, моя дорогая. Впрочем, я не возражаю. Давай попробуем...

Пробуждение Олли ознаменовало для него начало новой эры. Он чувствовал себя лучше, чем когда-либо за всю свою безотрадную жизнь. Два врача, увезшие его с собой, словно по волшебству превратились в добрую супружескую пару, которая предложила ему легкую работу и отличное жалование. Олли немедленно согласился.

Теперь Олли мог есть, что хотел, но, странно, никогда не испытывал прежнего чувства голода. Тело его словно питалось из какого-то скрытого источника, а ел он немного, можно сказать, больше потому, что еда, которую ему предлагали, уж очень аппетитно выглядела.

И это немного шло ему на пользу.

Он поправился, мускулы его окрепли, старые зубы выпали, а на их месте выросли новые. Он очень этому удивился, но после всего, что ему пришлось испытать в больнице, приучился не выражать своего удивления вслух. Очаги в легких исчезли, позвоночник распрямился. Скоро вес его возрос до восьмидесяти пяти килограммов, а глаза стали чистые и ясные. По ночам он спал сном праведника — или человека, получающего сильное снотворное.

Поначалу он был совершенно счастлив. Потом, через несколько месяцев, его начала одолевать скука.

Он пришел к мистеру и миссис Золто и заявил:

— Мне очень жаль, но я не могу больше оставаться у вас.

— Почему? — спросила миссис Золто.

— Здесь нет условий для совершенствования, мэм, — сказал он почти виновато. — Я же все время учусь, и у меня появились кое-какие соображения — я мог бы кое-чем заняться. У меня много идей, мэм.

Поджим и Золто, которые сами и внушили ему эти идеи, церемонно кивнули головами в знак согласия.

— Мы рады это слышать, Олли,— сказала Поджим.— Дело в том, что мы сами решили переехать в... э-э, в местность с более теплым климатом, довольно далеко отсюда... Мы уж задумывались, как вы тут проживете без нас.

— Не тревожьтесь, мэм. Я проживу.

— Вот и отлично. Только нам было бы удобнее, если вы еще пожили бы у нас до завтра. Нам хочется подарить вам что-нибудь на память.

— Охотно подожду до завтра, мэм.

Ночью у Олли был странный кошмар. Ему приснилось, что он снова лежал на операционном столе, а доктора и сестры снова столпились вокруг него.

Он раскрыл рот и хотел закричать, но не смог издать никакого звука. А потом опять появились те самые два «ординатора» в белых халатах.

— Не беспокойтесь. Все будет хорошо,— сказала женщина в белом халате.— Мы только вынем передаточную станцию. Утром вы ничего не будете помнить.

И, действительно, утром он ничего не помнил.

У него осталось только смутное ощущение, что с ним что-то случилось.

Они пожали ему руку и дали отличное рекомендательное письмо на случай, если он захочет поступить куда-нибудь на работу, а миссис Золто вручила ему конверт с несколькими банкнотами, цифры на которых заставили его позднее выпучить глаза от изумления.

Он шел по улице словно стал ее хозяином или собирался им стать.

Куда девались сутулость, погасший взгляд, затравленный вид!

И безобразного прошлого тоже словно не бывало!..

И тут у Олли возникло странное ощущение. Сначала оно показалось ему настолько необычным, что он не смог разобраться в нем. Оно возникло в желудке, который словно зашевелился и сжался в комок. Мгновенный болевой спазм заставил Олли даже зажмуриться.

Прошло несколько минут, прежде чем он понял, что с ним случилось.

Он был просто голоден—впервые за несколько последних месяцев.

Перевел с английского
Я. Берлин

СРЕДСТВО ДОКТОРА КЕЙБЕРА

Однажды у нас в бильярдном клубе зашел разговор о том, можно ли совершить безнаказанное убийство. Тема эта довольно избитая, и хотя мне до сих пор не совсем понятно, почему люди проявляют к ней такой интерес, говорили мы именно о безнаказанном убийстве. Одни утверждали, что совершить его легко, другие — что, наоборот, трудно, но повторять аргументы тех и других едва ли есть необходимость — об этом и так предостаточно тархтят по радио. Скажу только, что тогда, в клубе, сторонники мнения, что безнаказанное убийство почти невозможно, брали верх, и весь клуб был уже готов признать их правоту, когда послышался голос Джоркенса:

— Кажется, я уже говорил вам о докторе Кейбере, которого я когда-то знал. Теперь он, бедняга, уже не практикует; и, пожалуй, я не причиню ему никакого вреда, если скажу, что он успешно совершил абсолютно безнаказанное убийство. Правда, надо признать, что такого рода дела были вполне по его части. Из этого вовсе не следует, что он был убийца, — нет, этого бы я о нем не сказал, но он пользовался большим доверием у людей, которые таковыми были, и они часто с ним советовались, и ему, обладателю одной из самых изобретательных голов нашего времени, удавалось во многом им помогать. Об одной из форм, которые принимала его помощь, я вам, по-моему, уже рассказывал. В основном он помогал преступникам тем, что вызволял их из беды, когда они в нее попадали, — дурачил бедный старый Закон, что, в общем-то, не осуждается. Но в случае, о котором я рассказываю, доктор Кейбер, когда к нему обратились, сказал, что не хочет иметь никакого отношения к этому делу, поскольку то, о чем его просят, нарушает как его собственные принципы, так и закон. Тогда цену подняли и, наконец, доктор Кейбер с неохотой согласился — он идет на это, сказал он, только, чтобы сделать им одолжение.

— Идет на что? — спросил Тербут.

— Сейчас я вам расскажу, — сказал Джоркенс. — Был один тип с безупречным английским произношением, правильными документами и вескими основаниями для того, чтобы жить в Англии. Крепкий орешек: кто-то сказал о нем, что он немец, и вынужден был заплатить большую компенсацию за нанесенный тому моральный ущерб. Звали его Норман Смит, и у этого Смита был мотоцикл, и на нем он разъезжал по дорогам, особенно около аэродромов, не покидая дорожной полосы и как будто не делая ничего

подозрительного. Он узнавал таким путем очень многое и однажды раскрыл тайну, касавшуюся самолетов в одном районе... пожалуй, самую важную, какую он только мог раскрыть. Шел 1938 год.

— Что же там были за самолеты? — спросил Тербут.

— А никаких самолетов и не было — ответил Джоркенс. — Это-то и была страшная тайна. Ее знали только несколько человек. В обширном районе на востоке Англии на аэродромах не было ни одного военного самолета, и даже в случае крайней необходимости мы смогли бы перебросить туда всего лишь несколько боевых машин. Сумей он передать эту тайну домой, туда, откуда он прибыл, мы бы оказались на милости тех господ, которые создали Бельзен. Обо всем этом было сразу положено нашему правительству, но оно в то время занималось другими делами, и тогда те, кто наблюдал за Норманом Смитом, решили обратиться к доктору Кейберу, и Кейбер, как я уже сказал, вначале не захотел им помочь, но потом им удалось его уговорить. И тогда Кейбер попросил, чтобы ему изложили все факты дела, и после того, как ему все рассказали, он долго сидел, не говоря ни слова, покуривая свою странную трубку, вырезанную из какого-то индийского дерева; а потом он ознакомил их со своим замечательным планом — или, точнее, с той его частью, с которой, по его мнению, их ознакомить следовало.

Нельзя сказать, чтобы мы в то время были совсем лишены ушей и глаз — за Смитом неплохо присматривали и так же надежно присматривали за его перепиской; но не было законного способа помешать ему вернуться в Германию, приветствовать Гитлера и рассказать заинтересованным лицам о слабых местах в нашей обороне. К сильным местам в ней он, к сожалению, интереса не проявлял, поэтому арестовать его мы не могли. Норман Смит умел действовать, не нарушая буквы закона, и мысль о моих друзьях, которые, конечно, ее нарушали, его особенно не тревожила; однако кое-какие меры предосторожности он все же принимал, и главной из этих мер была огромная немецкая овчарка, о которой и было рассказано доктору Кейберу, — хорошая свирепая собака бельзенской выучки, из тех, при помощи которых немецкие дамы поддерживали дисциплину среди заключенных женщин. У Нормана Смита был дом в Хертфордшире, и в нем он и держал свою овчарку — на случай, если бы кому-нибудь взбрело в голову ночью туда вломиться. Кейбер задал об этой свирепой собаке очень много вопросов, поэтому мои друзья решили, что он думает ее отравить, и один из них даже намекнул, что за такой примитивный план едва ли стоит платить столько денег. Но было глупо думать, что доктор Кейбер мог бы сохранить свою популярность у хозяев преступного мира, если бы планы, которые он со-

ставлял, были по плечу любому специалисту по части кражи собак. Кстати, отравить овчарку было бы совсем нелегко, потому что ее охраняли приставленные к ней Норманом Смитом две или три злые дворняги — как эсминцы, оберегающие линкор. Все упиралось в эту овчарку, и похоже было, что нет никакого способа управиться с нею ночью, а дневной работы мои друзья в то время избегали. Теперь надо сказать, что среди фактов, которые они сообщили доктору Кейберу, был следующий: довольно часто Норман Смит ездит к морю и останавливается там в каком-нибудь большом отеле. Прямо удивительно, как все шпионы любят море! Услышав об этой привычке Нормана Смита, доктор Кейбер о чем-то задумался и наконец сказал: «Там вам и придется все проделать. Взять овчарку с собой в отель он не сможет». — «Но туда не сможем пробраться и мы, — возразили мои друзья. — Если в отеле не будет его собаки, то наверняка будут швейцар и коридорные». — «Тогда вам придется проделать все днем, — сказал доктор Кейбер, — когда он отправится погулять». — «Мы не любим заниматься такими делами днем», — сказал один из пришедших. Доктор Кейбер поднял на него глаза. «Да ведь вы еще не знаете, о каких делах идет речь», — сказал он. «Так о каких же?» — спросили они. «За ним пойдут следом два или три человека, затеят потасовку и уколют небольшой иглой».

«Я не люблю яда, — сказал один из пришедших, — его всегда можно обнаружить». Глаза у доктора Кейбера округлились. «Друзья мои, — сказал он, — вы что же, думаете, я ребенок?» — «Все равно, яд всегда можно обнаружить», — упорствовал тот. «Но кто вам сказал, что это будет яд?» — спросил доктор Кейбер. «А если не яд, то зачем игла?» — спросили они. «Вы уколете его ею, совсем неглубоко, — сказал доктор Кейбер, — впрыснете немножко безвредной жидкости, которая будет в шприце, и ваши люди (двое, а еще лучше трое) убегут прочь. Он тут же возбудит дело о нападении на него, и полиция начнет розыски. Но поскольку никаких телесных повреждений у Нормана Смита не обнаружат и доказать полиции, что его укололи, он не сможет, заниматься его делом будет только местная полиция, а не полиция графства и не Скотланд Ярд, как было бы в случае убийства». — «Что вы, мы понимаем — ни о каком убийстве здесь речи быть не может, — сказал один из моих друзей. — Но все же интересно, как на него подействует укол». «Да никак, — отозвался доктор Кейбер. — И лучше проделайте это сразу после его приезда на побережье — тогда у полиции будет время убедиться, что никакого вреда никто ему не причинил». «Ну, а что все это даст?» — спросили без обиняков у доктора Кейбера. «А то, — сказал Кейбер, — что сразу по возвращении домой или чуть позже он случайно умрет». «Это распу-»

ют», — сказал человек, не любивший яда. «Как вам нравится моя комнатка? — спросил неожиданно доктор Кейбер. — Я живу здесь уже давно и очень к ней привык, но что скажете о ней вы?» — «Какое отношение имеет это к нашему делу?» — «Никакого», — ответил доктор Кейбер, — но если бы то, что я делаю, распутывали, я бы, возможно, сейчас здесь не жил. Я не утверждаю, что точно не жил бы, но вполне возможно, что мне пришлось бы переехать на другую, менее удобную квартиру». Этот довод почему-то заставил их умолкнуть. А потом один из них сказал: «Вы говорили, что никакого вреда укол ему не причинит». «Абсолютно», — подтвердил доктор Кейбер. «Но по возвращении домой он умрет». «Наверняка», — сказал Кейбер. «Но тогда я не совсем понимаю...» — «Не будем приставать к доктору Кейберу — я думаю, он знает, что делает», — перебил сомневавшегося другой. Так они в конце концов и поступили. Что же до Нормана Смита, то он, как и ожидали, примерно через неделю поехал на море и остановился в большом отеле. В Хертфордшире он оставил человека кормить его овчарку и трех дворняг, приставленных ее охранять. В первое же утро своего пребывания у моря Норман Смит отправился на прогулку, и у площадки для гольфа поссорился с какими-то тремя гуляющими, и побежал в полицию, и там заявил, что подвергся нападению и ему вприсунули что-то смертельное. Он показал на руке точку, как от укола булавкой, и утверждал, что сразу после нападения обнаружил около места укола каплю жидкости, запахом напоминающей пот. И полиция пригласила двух врачей, и те провели анализы и обследования, и результаты обследований показали, что Норман Смит совершенно здоров. И к концу недели все, во всяком случае полиция, успокоились, и каких-нибудь нитей, которые бы к кому бы то ни было вели, обнаружено не было. Когда речь идет о ядах, концы таких нитей всегда находятся, и их найти еще легче, когда речь идет о разных бактериальных штуках, потому что эти последние встречаются еще реже, чем яды; ну, а если речь идет о каком-нибудь неизвестном яде, то такое встречается совсем редко, и полиции очень скоро удастся напасть на след.

— Что же все-таки произошло? — спросили мы.

— Набравшись сил, Норман Смит отправился к себе домой, в Хертфордшир, — ответил Джоркенис, — в приподнятом настроении благодаря добытой информации, не знаю точно, какой, но, видно, той, за которой шпионы отправляются на берег моря. И в день приезда немецкая овчарка его загрызла.

— Да, это, действительно, безнаказанное убийство, — сказал Тербут, — если только мы имеем право назвать убийцей собаку.

И один из нас растерянно проговорил:

— Но мне не совсем понятно... Причем тут Кейбер?

— Средство было очень тонкое,— ответил Джоркенс.— Совершенно безвредное, как доктор Кейбер и говорил. Но оно изменило запах Нормана Смита. Он стал пахнуть по-другому. Ну, а какая немецкая овчарка могла бы с этим примириться?

Перевел с английского

Р. Рыбкин

Клод Ф. Шеннисс

КОНФЛИКТ ЗАКОНОВ

XX век стал свидетелем рождения вычислительных машин. А заодно всех тех глупостей на их счет, которые смогли придумать люди. «Думающие машины», «электронный мозг», «сверхмозг» — чего только ни наговорили о вычислительных машинах восторженные научные обозреватели! Из того, что с каким-нибудь № 1440 можно было сыграть простенькую партию в шахматы, что какой-нибудь № 360—30 мог по отрывку в несколько строк установить автора неизвестного текста, неспециалист с легкостью делал довольно поспешные выводы, приписывая этим простым инструментам, — чуть более усовершенствованным, нежели пилочка для ногтей или повсюду распространенные клещи, — но все-таки инструментам, сущностную характеристику человека: свободу и принятию решений.

Даже появление со временем у вычислительных машин свободы в выборе между различными возможными способами решения определенной задачи ничего не изменило в этом главном различии машины и человека.

В следующем веке беспрестанное уменьшение размеров приборов, снижение себестоимости электронного оборудования, необходимость с началом исследования планет осуществлять всевозможные виды работ во враждебной человеку среде привели к воплощению древней мечты человечества — к созданию робота.

В великий миг всеобщего энтузиазма и похвал Карелу Чапеку, сотворившему название «робот», электронное устройство первого из роботов окрестили Карелом (Carel) ¹.

Но и эта свобода была относительной и не превышала пределы той свободы, какой обладает каждый инструмент, повинующийся воле того, кто им пользуется.

¹ Непереводимая игра слов: Carel (имя чешского писателя Чапека) и аббревиатура Carel, что означает исчетно-решающее устройство со свободно вырабатываемыми реакциями.

Простой инструмент, например, молоток не имеет предохранительного приспособления, которое помешало бы человеку ударять себя по пальцам. Более сложный инструмент, вроде бумаго-резальной машины, останавливается, если рабочий по рассеянности забыл убрать руки со стопы бумаги, которую ему нужно разрезать. Инструмент очень сложный, к примеру, Карел (или, точнее, отдаленно напоминающий человека механизм, приводимый в движение Карелом) содержит многочисленные предохранительные устройства, преследующие лишь одну цель: помешать, чтобы человек ударял себя по пальцам этой новой «игрушкой».

Самые важные из этих принципов были сформулированы в виде законов в 1940 году ученым, намного опередившим свое время, — Азеком Азимовым, которому и посвящается этот рассказ.

Но:

во-первых, всего не учесть...

а, во-вторых, тот, кто хочет делать все слишком хорошо...

* * *

Жизнь на планете Процион-III райской никак не назовешь, особенно для землян; правда, местные обитатели с их жизненными циклами, основанными на кремне-фтористых реакциях, принимали ванны из фтористоводородной кислоты и потому чувствовали себя совсем неплохо. Но, это — уже другая история.

Впрочем, эти любезные и гостеприимные «туземцы» по своему развитию находились на уровне землян 1920 года. «Туземцы», едва лишь по радио был выработан код взаимопонимания, согласились на высадку землян и устройство их базы — герметического с привычной кислородной атмосферой бронированного шара, который, чтобы выдерживать фтористые ураганы, был закреплен на скале.

Иногда проционяны, дружески любопытствуя, приходили разглядывать сквозь двойные стекла, устроенные так, чтобы противостоять едкости кислорода и фтора и заполненные в междурамье инертным газом, страшных чудовищ, дышащих кислородом и пьющих окись водорода. Рассматривать этих «монстров», чья дикость доходила до того, что они свою окись водорода называли «водой»! Но и это — совсем другая история.

В тот момент на базе, которая, несмотря на свои крепления, сотрясалась под яростными порывами фтора, находились трое очень раздраженных землян. Двое были «чудовищами», пьющими окись водорода (часто с примесью этанола: полковник медицинской службы Советской Армии, биолог и психолог экспедиции Борис Мужинский пил водку, а геолог, минералог и химик, американец Питер Говард предпочитал виски). Третий, тоже землянин, звался Карел 178, и ему-то приходилось хуже всех. Потому что с прису-

щим всем Карелам острым чувством ответственности, он считал себя причиной всех неприятностей. Какая-то доля истины в этом была, хотя лично Карел был здесь совсем ни при чем.

Вчера вечером Питер проворчал: «Плохо себя чувствую. Боли в животе». Тогда Борис, гневно ткнув в Карела пальцем, приказал «Карел, прочти мне Первый Закон роботов». Сказал он это по-французски; на этом языке он объяснялся с Питером.

Отдаленно напоминающая человека конструкция, вмонтированная в Карела, не была рассчитана на то, чтобы робот принимал разные «выражения лица»; зато Карел обладал крайне разнообразным голосовым регистром. Карел не «изменился в лице», но ответил удивленным, с жалобным оттенком голосом, которым обращаются к невыносимому ребенку: «Первый Закон: робот не должен причинять вреда человеку и оставаться бездеятельным, если человек подвергается опасности».

Карел был «добрым малым», но совершенно не воспринимал юмора (с тех пор роботов усовершенствовали). Когда русский врач заметил: «Значит, Карел, ты нарушил Первый закон»,— робот издал какое-то странное бормотание, прежде чем глупо спросить: «Каким образом?»

«Угостив нас в полдень отаратительной американской едой, сосисками с соусом,— громко расхохотался Борис.— В итоге у Питера разболелся живот».

Питер, несмотря на свое недомогание,— пока это было лишь легкое недомогание,— заулыбался. Оба не были специалистами по роботам и не осознавали чудовищности того, что только что было сказано. Ведь для робота нет ничего более важного, чем Первый Закон. Всем следовало бы знать об этом, прежде чем бросаться шутками.

Шутками, которые могут разрушить дорогостоящий мозг какого-нибудь Карела и... спасти человеческую жизнь. А это — уже наша история.

Карел не был снабжен никаким устройством, чтобы бледнеть, но ответил он «побледневшим» голосом: «Вы считаете, доктор, что моя кухня причинила зло Питеру?»

Однако Борис, слишком занятый, чтобы сразу ответить Карелу,— он заставил американца лечь и внимательно прощупывал ему живот,— скорчил гримасу и констатировал: «Не вырезать аппендицит перед полетом в космос! Какая оплошность!»

* * *

Через двенадцать часов подтвердилась правильность его диагноза и необходимость срочной операции. Но драма возникла из серии отданных Карелу приказаний: прежде всего освободить стол,

предназначенный для обедов и работы. Затем (в этот момент Борис своими сильными пальцами разминал ампулу с растворителем, чтобы распустить в нем тионентал): «Карел! Ступай в кладовую, пристегни новые руки и подогрей их на горелке!»

Карел повиновался беспрекословно (неисполнительность у роботов не предусмотрена). Когда он вернулся в столовую, осторожно держа на весу и ни к чему ими не прикасаясь парусовых «новых», стерильных рук, Питер уже лежал на чистой простыне, а Борис вынимал из коробки инструменты. Уже заснувший американец спокойно дышал через маску в маленький черный баллон. Стоящий у стола Борис приказал Карелу: «Встань напротив!» Ловко проскользнув на указанное место, робот, которого «сверлила» все та же «мысль», спросил: «Вы считаете, доктор, что это моя кухня причинила...»

Разумеется, вырезать аппендицит в состоянии любой студент, и Борис когда-то такие операции делал. Но он был терапевтом, а не хирургом, волновался, и ему было совсем не до того, чтобы успокаивать робота. Борис ему даже не ответил. Натянув перчатки (при этом он думал о том, как было бы удобно «сменять» руки и стерилизовать их над горелкой), он решительно взял скальпель и, протянув Карелу зажим, сказал: «После разреза, когда на шраме появится кровь, подашь мне зажим, возьмешь позади себя кэтгут и сделаешь узел так, как я тебе укажу». После этого Борис наметил линию разреза.

И вдруг — драма! Карел на шаг отступил и совершенно растерянным голосом (да, «растерянный» голос был предусмотрен его механизмом) произнес: «Я не могу!». «Что?!» — заорал Борис. «Я не могу, и я даже не могу позволить вам сделать это! Первый Закон: робот не должен причинять вреда человеку...»

* * *

О том, чтобы заставить его изменить свое решение, нечего было и думать. Не оставалось ничего другого, как разразиться бесконечной русской бранью, разбудить Питера и искать выход.

Прошло еще 12 часов. В шар» трое удрученных землян: врач, больной, которого необходимо срочно оперировать, и робот (ему тяжелее всех), который не может помочь вскрыть живот человека, не может допустить, чтобы это было сделано. («Если бы только вы ничего мне не говорили! — вздохнул он. — На какое-то время я вышел бы подышать воздухом, в конце концов фтором, и, когда пришел бы назад, все было бы уже в порядке...»)

Лежа на кушетке, Питер изредка стонет от боли и отчаянно размышляет. Сидя друг против друга за столом, Борис и Карел

в двадцатый раз перебирают все возможные варианты выхода из тупика и отбрасывают их.

Выпроводить Карела? Это невозможно: теперь, когда он обо всем знает, его главный, самый важный долг, продиктованный Первым Законом,— оставаться на месте, чтобы помешать нанести вред брюшной полости Питера.

Эвакуировать Питера? До ближайшей базы 11 дней пути. Столько он не выдержит.

Вывести Карела из строя? Немыслимо: только он выходит в атмосферу фтора, а следовательно, поддерживает генераторы базы. Если робот перестанет работать, люди погибнут.

«Если бы вы мне ничего не говорили!» — в двадцатый раз «стонет» Карел.

Борис пробует сделать невозможное: отдать приказ достаточно резкий, чтобы уровень его восприятия роботом превзошел глубоко укоренившийся Первый Закон. «Встать! — орет он на робота. — Я тебе приказываю дать мне сделать Питеру операцию!»

Тщетно. Карел пожал бы, если б мог, плечами. Первый Закон сильнее всех, говорит он. В долгой тираде Питер объясняет роботу, куда бы он забил этот Первый Закон — это нелогично, потому что у Карела нет подобного отверстия, и, впрочем, туда не спрячешь Закон. Обезумев от боли и страха, Питер не дает роботу сказать: «И не отвечай, согласно своей глупой логике, понимая все, что тебе говорят, буквально! Попался бы мне этот Азимов!»

Все более и более упрямясь, голосом, который становился все более жалким, Карел не мог не ответить, потому что в него вложена логическая сеть: «Тебе никогда не попадется Азимов, он умер 287 лет назад».

Борис хватает табурет, размахивается и хочет ударить Карела. Но стальная рука останавливает движение. Не столько из-за третьего Закона («Робот должен защищать себя в той мере, в какой этот Закон не противоречит предыдущим»), сколько из-за Первого: если он позволит себя разрушить, люди погибнут.

Борис, побежденный, садится, и бормочет:

— Подлец Азимов!

— Просто он человек, — говорит Карел. — И, к тому же, прошу вас отказаться от того, что вы только что сказали — мое устройство не позволяет мне терпеть грубости!

— Ладно, ладно, — уступает несколько пристыженный Борис, — я ничего не говорил. Но с твоим проклятым Первым Законом, что бы ты сделал в ответ? Набил бы мне морду?

«Я бы выразил крайне резкий словесный протест», — с достоинством ответил Карел. Инженер, который программировал его «моральное чувство», наверняка был из «левых».

Все топчутся на месте, в буквальном и фигуральном смысле этих слов: Борис и робот рассказывают вокруг стола. Изредка уже высказанная гипотеза снова рассматривается и отбрасывается.

Отчаяние нарастает.

Этот момент и выбрал Карел, чтобы мягким голосом спросить: «Вы по-прежнему считаете, Борис, что именно я своей плохой кухней сделал его больным? Вы думаете, что это моя вина?»

Борис в ответ выругался.

Лежащий на кушетке Питер задал роботу вопрос:

«Но что ты сделал из второй части Первого Закона: «...не должен оставаться бездеятельным, если человек подвергается опасности?»

Карел жалобным голосом отвечает: «Она создает меньший потенциал действия, чем первая часть. Но, несомненно, что эта ситуация приводит к конфликту, который должен быть ликвидирован как можно скорее беседой с роботопсихологом, и может быть даже частичным репрограммированием».

Прошло несколько минут. Карел задумчиво повторяет: «Возник конфликт, конфликт, конфликт. Конфликт законов. Для меня это плохо, плохо, плохо, плохо».

Еще несколько минут. Робот мурлычет теперь голосом девушки: «Плохо, плохо, совсем плохо. Я пойду займусь генераторами. Снаружи я пробуду по крайней мере часа два». И, протянув «руку» Борису, добавляет: «А вы, все это время, будьте благо-разумными!»

За два часа, естественно, Питер был оперирован и его жизнь спасена. Робот по этому поводу не сказал ни слова. Он говорил отныне голосом девушки, и некоторые его логические цепи, казалось, были серьезно повреждены.

При смене персонала базы он получил приказ вернуться вместе с людьми. В астронефе его ждали роботопсихолог и программист, которые им занялись.

Спустя много времени оба специалиста пришли в бар, чтобы вместе с Питером и Борисом пропустить по стаканчику. «Это очень забавно,— сказал психолог.—Робот обезумел гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Будучи нормальным, он должен был сопротивляться еще целый день, а это ожидание, естественно, не улучшило бы состояние больного. Если бы я так хорошо вас не знал, я бы поклялся, что он уже начал терять рассудок

до конфликта, из-за вашей ошибки. Например, из-за того, что вы его упрекнули, не имея для этого никаких фактов, в нарушении Первого Закона!»

Перевел с французского
Л. Токарев

Генри Слизар

ЛЕКАРСТВО

— Не обманывайте меня, доктор, бога ради! Не надо больше лжи! Уже год, как я живу с этой ложью, я устала от нее...

Не отвечая, доктор Бернштейн прикрыл белую дверь, милосердно скрывшую от их глаз что-то покрытое простынями, возвышавшееся на больничной койке. Затем, взяв молодую женщину под руку, он повел ее по коридору.

— Да, вы правы, он при смерти, — проговорил Бернштейн. — И мы никогда не обманывали вас, миссис Хиллс. Всегда говорили вам чистую правду. Просто я полагал, что вы уже как-то смирились с этим.

— Так-то оно и было, но...

Они остановились у двери, ведущей в скромный кабинет доктора Бернштейна, и женщина высвободила локоть.

— ...но когда вы позвонили насчет этого вашего лекарства...

— Видите ли, миссис Хиллс, это совершенно необходимо. Речь идет о сенополине. Мы не даем его без согласия самого больного, а поскольку ваш супруг уже четвертый день в коматозном состоянии...

Бернштейн открыл дверь кабинета, жестом пригласив собеседницу пройти вперед. Миссис Хиллс остановилась в нерешительности, но затем вошла. Доктор уселся на свое место за столом, на котором в беспорядке валялись какие-то бумаги, и, сохраняя бесстрастное выражение лица, терпеливо ждал, пока она займет стул напротив. Он приподнял зачем-то телефонную трубку, затем водворил ее на место, поворошил бумаги на столе, потом соединил обе руки на пресс-папье.

— Сенополин — это очень серьезное средство, — проговорил он наконец. — Лично мне мало доводилось его применять. Вы, быть может, даже слышали отзывы об этом препарате. Они, я бы сказал, противоречивы...

— Нет, — прошептала она, — я ничего не знаю о нем. С тех пор, как это случилось с Энди, я вообще ни о чем другом не могу думать.

— В любом случае, вы — единственный человек в мире, который может решить, давать ли вашему супругу подобное лекарство. Как я уже говорил, действие его очень своеобразно. Но мистер Хиллс в таком состоянии, что уверяю вас, оно ему абсолютно не повредит.

— Но, надеюсь, и поможет?

— Вот здесь-то, — вздохнул Бернштейн, — и кроется противоречие.

— Ты плыви, плыви, моя лодочка! — мысленно напевал он, ощущая под своими пальцами прикосновение прохладной поверхности озера. Медленно, очень медленно двигалась лодка вдоль берега под сенью склонившихся над водой ивовых деревьев. Он мягко отвел руки Паулы, нежно касавшиеся его глаз, поцеловал ее теплые ладони и прижался к ним лицом. Когда же Энди открыл глаза, он с удивлением обнаружил, что это была вовсе не лодка. Он лежал в постели, то, что он принял за плеск волн озера, были капли дождя, стучавшего в оконное стекло, а ивовые деревья обернулись длинными тенями на стенах палаты. Единственное, что было настоящим, — это умиротворяющее прикосновение ладоней Паулы.

Энди взглянул на нее с улыбкой.

— Удивительно! Подумать только! Минуту назад мне почудилось, что мы с тобой на Финджер-лейк. Помнишь тот вечер на озере? Ну, лодка еще дала течь. Я никогда не забуду твое лицо, когда ты увидела, что стало с твоим платьем.

— Энди, дорогой! Послушай! — тихо проговорила Паула. — Ты понимаешь, что произошло?

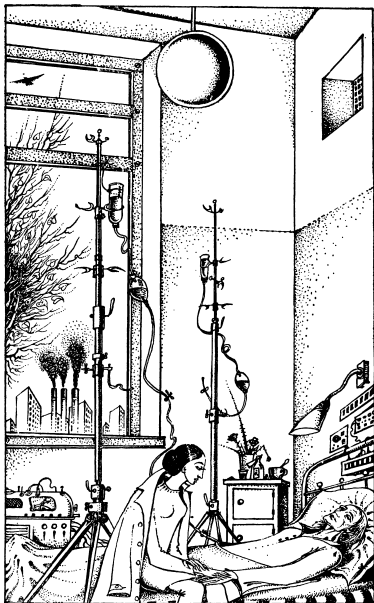
Он задумчиво провел рукой по волосам.

— Вроде бы недавно сюда заходил док Бернштейн. Или нет? Опять кололи или что-нибудь в этом роде?

— Лекарство тебе давали, Энди! Вот что! Неужели ты не помнишь? Новое чудесное лекарство. Сенополин! Тебе же говорил о нем доктор Бернштейн. Еще уверял, что стоит попробовать.

— Да, конечно, припоминаю.

Он сел на кровати. Это получилось само собой, привычно, вроде бы взять вот так сразу и сесть в постели было для него самым обычным делом. Энди взял сигарету с тумбочки, стоявшей около кровати, и закурил. И только машинально затянувшись, вдруг осознал, что последние восемь месяцев он был обречен на неподвижность. Быстрым движением Энди коснулся своих ребер, под его рукой была живая упругая плоть.

— А где же повязка? Черт побери! Куда девалась повязка?

— Они сняли ее, Энди, дорогой,— сквозь слезы твердила Паула.— О! Энди! Они сняли ее. Теперь тебе нет в ней никакой надобности. Ты здоров, совсем, совсем здоров! Это чудо!

— Чудо!

Она бросилась в его объятия. Они не касались друг друга ровно год с того самого времени, как произошла эта ужасная катастрофа. Травмы были тяжелейшие. Энди тогда только исполнилось двадцать два.

* *

*

Через три дня его выписали из больницы. После восьми месяцев белого больничного безмолвия город ошеломил его веселой суетой и буйством красок. Казалось, в разгаре какой-то карнавал. В жизни своей Энди не ощущал ничего прекраснее, все его тело, каждый мускул рвались навстречу жизни. Напоследок Беркштейн напутствовал его кучей советов, но вопреки им уже через неделю Энди и Паулу можно было видеть в спортивных костюмах на теннисном корте.

Энди всегда увлекался теннисом, но некоторая неподвижность кисти и слабая игра у сетки не позволяли ему подняться выше среднего игрока-любителя. Сейчас же он, как черт, носился по корту — ни один мяч не пропустила его ловкая ракетка. Он сам изумлялся четкости своих сокрушительных ударов, своей невероятной игре.

Паула, которая в колледже на предпоследнем курсе была чемпионкой по теннису, и думать сейчас не могла о соперничестве с Энди. Встретив свое поражение смехом, она теперь внимательно следила, как он сражался с профессиональным теннисистом. Первый сет остался за ним — 6—0, 6—0, 6—0! И тогда Энди осенило: он понял, что тут дело не только в медицине. С ним произошло что-то необыкновенное. Это было чудо!

По дороге домой они, возбужденные и взволнованные, обсуждали это событие. После колледжа до катастрофы Энди служил в конторе биржевого маклера и очень тяготился этим своим занятием. Теперь же у него возникла идея сделать карьеру на теннисном корте.

Но сначала надо было убедиться, не случаен ли его сверхъестественный успех. И вот на следующий день они с Паулой снова отправились в спортивный клуб. На этот раз партнером Энди был экс-чемпион клуба Дэвис Кап. К концу игры сердце Энди победно забилося — да, чудо свершилось.

Вечером Энди и Паула сидели, тесно прижавшись друг к другу, и он гладил ее длинные, цвета спелого каштана волосы.

— Нет, Паула,— проговорил он вдруг,— это все не то. Безусловно, теннис я не брошу, может быть, даже рискну выступить на первенство страны. И все же, дорогая, это — не для меня. В конце концов спорт всего лишь игра.

— Как ты сказал? Всего лишь игра? Занятно, когда это изрекает будущий чемпион!

— Нет! Кроме шуток, Паула! Честно говоря, я вовсе не собираюсь пробиваться на Уолл-стрит, меня как-то к этому не тянет. Знаешь, о чем я подумываю всерьез? Хочу снова взяться за кисть.

— Живопись? Да ты ведь с детских лет не держал в руках карандаша! И думаешь, на это можно прожить?

— Подожди, дорогая! Ты же знаешь, у меня это всегда неплохо выходило, а сейчас я хочу попробовать себя в торговой рекламе. На кусок хлеба я всегда заработаю. А когда над нами не будут висеть кредиторы, можно будет заняться чем-то и для души.

— Только, бога ради, не строй из себя Гогена, мой друг! — она чмокнула его в щеку. — И не бросай семью ради тантянской идиллии...

— Как ты сказала? Семью?

Паула встала, подошла к окошку и несколько минут смотрела на заходящее солнце. Когда она снова подошла к Энди, на ее щеках рдели отблески заходящих лучей и смущение от вырвавшегося признания.

Эндрю Хиллс-младший родился в сентябре, а ровно через два года маленькая Дениз заняла место в колыбели. К этому времени имя Хиллса уже красовалось на глянцевых обложках самых популярных американских журналов и издатели считали это честью для себя.

* * *

*

Когда Эндрю-младшему исполнилось три года, Эндрю-старший сделал свой самый крупный вклад в искусство живописи, и это отнюдь не была обложка для какой-нибудь «Саттердей иннинг пост». Это его детище нашло себе приют в стенах Музея современного изобразительного искусства.

Первая выставка произведений Эндрю вызвала такую бурю восторга, что «Нью-Йорк таймс» сочла восторженный отклик на нее достойным своей первой полосы. В этот же вечер отметить столь выдающееся событие в доме Хиллсов собрались самые близкие друзья. Несколько экземпляров журналов с роскошно блестящей обложкой были торжественно сожжены, а пепел собран в урну, приобретенную Паулой специально для этой цели в магазине на распродаже.

Месяцем позже Хиллсы были уже в состоянии приобрести просторный дом на вершине холма в Вестчестере. Одна только студия здесь с окнами на север по своей величине равнялась их прежней квартире.

Ему было тридцать пять, когда настоятельная необходимость заставила его принять деятельное участие в политической жизни города. Его слава художника и спортивные успехи (в свои тридцать пять он еще удерживал первенство по стране среди непрофессионалов) помогли ему легко вмешаться в политическую свару. И если раньше даже сама мысль о политической карьере пугала его, то теперь, когда начало было положено, отступать было поздно. Он выставил свою кандидатуру на муниципальных выборах и, с необыкновенной легкостью собрав нужное число голосов, прошел в члены муниципального совета. Вскоре имя его уже было известно по всей стране, и меньше года понадобилось ему, чтобы установить деловые связи с влиятельными партийными кругами. Уже на следующих выборах в конгресс баллотировалась его кандидатура. В сорок лет Эндрю Хиллс стал сенатором.

Ту весну они с Паулой провели в Акапулько в очаровательном домике, построенном в тенистом прохладном месте у подножья горы, на самом берегу залива. И именно тогда Энди заговорил с женой о будущем.

— Знаешь, дорогая,— поделился он с Паулой,— они решили двигать меня в президенты.— Только я знаю, что ставят они не на ту лошадку, нет у меня нужных качеств.

...И вот на следующий год он прошел на президентских выборах с такими результатами, каких еще не знала история страны.

Ему уже стукнуло пятьдесят, когда он покинул Белый дом, но главный его успех был еще впереди. В свой второй президентский срок Эндрю проявлял огромный интерес к деятельности Всемирной организации и играл активную роль в мировой политике. Благодаря его инициативе и энергии и было создано всемирное правительство. И вот в возрасте шестидесяти четырех лет Эндрю Хиллс избирается на пост президента этого правительства, сохраняя его за собой вплоть до своей добровольной отставки. Тогда ему уже минуло семьдесят пять.

Когда ему исполнилось девяносто шесть, он почувствовал, что жизнь становится ему в тягость. Эндрю-младший с четырьмя внуками и Деннз со своими очаровательными двойняшками успели нанести ему прощальный визит.

* * *

— Так что же это за лекарство? — настаивала Паула.— Поможет оно или нет? В конце концов, я имею право это знать!

Доктор Бернштейн нахмурился.

— Это очень трудно объяснить. Видите ли, никакого целительного действия оно не оказывает. Этот препарат по своему эффекту скорее напоминает снотворное. Однако его действие несколько специфично. Сенополин вызывает особый сон.

— Как вы сказали? Особый сон?

— Да, необычно долгий, глубокий сон, сопровождающийся подробными сновидениями. Больной как бы проживает всю свою жизнь, и проходит она у него именно так, как он мечтал бы ее прожить. Кому-то оно может и не понравиться, но уверяю вас, этот сенополин — наигуманнейшее средство из всех существующих в наши дни. Лучшего еще не придумали.

Паула бросила взгляд на неподвижное тело на больничной койке. Его рука тихо скользнула по простыне и она почувствовала на своей ладони легкое прикосновение его пальцев.

— Энди,— прошептала она, наклонившись к больному,— Энди, дорогой...

Рука, которую она держала в своей, дрогнула.

— Паула,— еле слышно позвал он,— попрощайся за меня с детьми.

Перевела с английского

Н. Кузнецова

С. М. Корнблат

ЧЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

Пока старый доктор Фулл брел домой, он продрог до костей. Доктор Фулл пробирался к черному ходу проулком — он хотел проскользнуть домой незаметно. Под мышкой он нес сверток в коричневой бумаге. Доктор Фулл знал, что тупые, нечесанные бабы, обитавшие в здешних трущобах, и их щербатые, пропахшие потом мужья не обратят никакого внимания на то, что он несет домой дешевое вино. Они сами ничего другого не пьют, а виски покупают только, если прирабаывают на сверхурочных. Но в отличие от них доктор Фулл еще не утратил чувство стыда. В заваленном мусором проулке его подстерегала беда. Соседский пес — злобная черная собачонка, которую доктор издавна невзлюбил, выскочила из дыры в заборе и кинулась ему под ноги. Доктор Фулл попятился было, потом занес ногу — отвесить тощему псу увесистый пинок, но наткнулся на валявшийся посреди дороги кирпич, покачнулся и с проклятиями плюхнулся на землю. В воздухе запахло вином — доктор понял, что коричневый сверток выскользнул из его рук и бутылка

разбилась. Проклятия замерли у него на губах. Пес, рыча, кружил рядом, подстерегая момент, чтобы напасть на доктора, но доктор так огорчился, что забыл про пса.

Не вставая, он негнушимися пальцами развернул старательно завернутый бакалейщиком пакет. Рано наступившие осенние сумерки мешали определить размеры бедствия. Доктор вытащил из пакета отбитое горлышко с зазубренными краями, потом несколько осколков стекла и, наконец — дно. На дне бутылки оставалось не меньше пинты, но доктора это даже не обрадовало. Радоваться было рано — сначала предстояло разделаться с псом.

Пес приближался, лай его становился все громче. Доктор поставил бутылку на землю и осыпал пса градом острых осколков. Один осколок попал в цель, пес с воем попятился и улизнул через дыру в заборе. Тут доктор Фулл поднес острый край полугаллоновой бутылки к губам и отхлебнул из нее, как из огромной чаши. Он дважды ставил бутылку на землю, чтоб дать отдых рукам; однако ему все же удалось выпить не меньше пинты.

Надо бы встать и вернуться домой, подумал доктор, но ему стало так хорошо, что он тут же забыл о своем намерении. До чего же приятно чувствовать, как прихваченная морозом земля оттаивает под тобой, как тепло расходится по всем членам.

Через ту же дыру в заборе, откуда выскочил черный пес, выползла трехлетняя девчушка в длинном пальто навырост. Она подковыляла к доктору Фуллу и серьезно уставилась на него, засунув грязный палец в рот.

Провидение явно не оставляло доктора Фулла своими заботами: для полноты счастья оно послало ему слушателя.

— Да, да, дорогая моя, — начал он хрипло. — Нелеп-пейшее обвинение, — продолжал он без всякого перехода. — Если это вы считаете уликами, вот что следовало мне сказать, — вы не достойны быть судьями. Я лечил людей в этой округе, когда здесь никто еще не слышал о вашем медицинском обществе, — вот что следовало мне сказать. Вы отобрали у меня разрешение без каких бы то ни было оснований. Итак, джентльмены, спрашиваю я вас: справедливы ли обошлись со мной? Я вызываю к вам как к моим коллегам, представителям нашей замечательной профессии...

Девчушка заскучала и, подобрав треугольный осколок стекла, удалилась восвояси. Доктор Фулл тут же забыл о ней и продолжал свою речь в столь же торжественном духе. Отсутствие аудитории его ничуть не смущало. «И да поможет мне бог, у них не было никаких улик против меня. Но они с этим не посчитались». Он задумался: ведь он был так уверен в своей правоте. А комитет по вопросам профессиональной этики медицинского общества был так же уверен в своей. Холод опять начал пробираться доктора, но денег у

него не осталось, а следовательно, не было и никакой надежды на выпивку.

Тут доктор Фулл стал уверять себя, что в свое время припрятал дома бутылку виски и теперь она дожидается его под одной из куч хлама. Когда доктор не мог заставить себя подняться и пойти домой, он издавна прибежал к этой старой уловке, а не то ведь недолго и замерзнуть. Да, да, повторял он, да, да, бутылка, наверняка припрятана за трубами! Память у тебя теперь не та, что раньше, добродушно журил себя доктор. Ты вполне мог купить бутылку виски, припрятать ее за раковину, а потом забыть о ней.

Ну, конечно, он припрятал бутылку! Конечно! — повторял доктор. Счастливая убежденность крепла — ну, конечно же, так оно и было. Доктор уперся в землю коленом, но тут сзади раздался писк, — доктор с любопытством обернулся. Пищала та самая девчушка: она сильно порезала руку осколком бутылки, который утащила с собой. Ручеек крови стекал по пальто девчушки и собирался ярко-красной лужицей у ее ног.

На какой-то миг доктор Фулл даже позабыл о бутылке, но его хватило ненадолго: ведь дома — он в это верил — за канализационной трубой его ждала бутылка. Он отхлебнет виски, решил доктор, потом вернется и великодушно поможет девочке. Доктор Фулл уперся в землю другим коленом, встал и торопливо заковылял по грязному проулку к дому. Дома он сразу же приступил к поискам несуществующей бутылки — сначала он искал, потом в бешенстве расшвырял книги и тарелки, потом — колотил распухшими руками по кирпичной стене до тех пор, пока из-под старых струпьев не потекла густая стариковская кровь. И в завершение сел на пол, захныкал и погрузился в пучину того очистительного кошмара, который уже давно заменял ему сон.

* * *

Много поколений людей жили, не думая о будущем, легкомысленно полагая, что глупо тревожиться раньше времени. Упрямые биометрики доказывали, что аутбридинг умственно недоразвитых превосходит аутбридинг особей нормальных и высокоразвитых, и что процесс этот идет по экспоненте.

И все же накопление технических усовершенствований несколько скрашивало эти выводы. Недоразвитый вычислитель, обученный нажимать кнопки счетной машины, казался более искусным, нежели средневековый математик, обученный считать на пальцах. Недоразвитый печатник, обученный управлять линотипом двадцать первого века, казался лучшим печатником, нежели типограф эпохи ренессанса, в распоряжении которого был весьма скудный комплект шрифтов. Так же обстояло дело и в медицине.

Надо сказать, что высокоразвитые особи усовершенствовали продукцию куда быстрее, нежели недоразвитые ее портили, но производилась она в куда более скромных количествах, потому что их дети обучались индивидуальным методом.

А теперь давайте перенесемся в это далекое будущее, к одному из врачей тех времен. Звали этого врача Джон Хемингуэй. Хемингуэй был настоящий врач-практик, мастер на все руки, презиравший тех, кто с каждой пустяковой болячкой обращается к специалистам.

Он мог вырезать гланды и аппендицит, принять трудные роды, правильно определить сотни разных заболеваний, правильно прописать лекарства и проследить за ходом болезни. Доктор Хемингуэй брался за любую работу, если она не шла вразрез с древними канонами медицины. Профессиональную этику доктор Хемингуэй чтит превыше всего.

Однажды, когда доктор Хемингуэй проводил вечер в компании друзей, произошло событие, благодаря которому он и стал одним из героев нашего рассказа. В этот день у доктора Хемингуэя было много работы в клинике и теперь он с нетерпением ждал, когда его друг — физик Уолтер Джиллис — прервет поток своего красноречия и разрешит ему поведать гостям о своих тяготах. Но Джиллис продолжал: «Надо отдать должное старике Майку. Конечно, научным методом он не владеет и все же надо отдать ему должное. Подхожу я как-то к этому балбесу — он возился с пробирками — так вот я подхожу к нему и спрашиваю, в шутку, конечно: «Ну, как, скоро изобретешь машину времени, Майк?»

Тут следует сказать, что хотя доктор Джиллис об этом и не подозревал, но Майк обладал коэффициентом умственного развития, в шесть раз высшим, чем он сам, и исполнял в лаборатории обязанности, грубо говоря, его опекуна. И надо же было случиться, чтобы Майку, которому опостытели его обязанности, пришла в голову коварная мысль... Но, впрочем, предоставим слово самому доктору Джиллису: — Так, значит, называет он мне номера трубок и говорит: «Вот вам последовательная цепь. И больше ко мне не приставайте. Постройте себе машину времени, а потом садитесь за пульт и нажимайте кнопки. Только и всего — больше мне от вас, доктор Джиллис, ничего не нужно».

— Какая у вас память! — умилилась хрупкая белокурая гостья и одарила доктора Джиллиса чарующей улыбкой.

— Ну, конечно, — скромно сказал Джиллис, — у меня отличная память. Она у меня, что называется, врожденная. А кроме того, я тут же продиктовал все номера моей секретарше, и она их записала. Читаю я не так уж хорошо, но память у меня дай бог всякому. Так на чем же я остановился?

Гости задумались, посыпались разнообразные предположения.

— На бутылках?

— Вы с кем-то ссорились. Вы сказали — самое время поехать на машине.

— Ага, и еще кого-то называли попкой. Кого это вы называли попкой?

— Не попкой, а кнопкой.

Многомудрый лоб Джиллиса избородили морщины: «Вот именно — кнопкой, — объявил он, — речь шла о машине времени, это еще называют путешествие во времени. Так вот, значит, взял я те трубки, что назвал Майк, подключил к цепи, нажал на кнопку и пожалуйста — сделал машину времени». Он показал рукой на ящик.

— А что в этом ящике? — спросила прелестная блондинка.

— Путешествие во времени, — объяснил доктор Хемингуэй, — эта машина переносит вещи через время.

— А теперь смотрите, — сказал физик Джиллис. Он взял черный докторский чемоданчик доктора Хемингуэя, положил его на ящик, нажал кнопку — и чемоданчик исчез.

— Ну и ну, — сказал доктор Хемингуэй, — Вот красотища. А теперь верните мне мой чемоданчик.

— Дело в том, — сказал доктор Джиллис, — что оттуда ничего не возвращается. Я уже пробовал. Наверное, этот балбес Майк чего-то напугал.

Все гости, за исключением доктора Хемингуэя, хором осудили Майка. Встревоженный доктор Хемингуэй рассуждал сам с собой: я врач, говорил он, а раз так, у меня должен быть черный чемоданчик. Раз у меня нет чемоданчика, выходит, я уже не врач? Нет, все это ерунда, решил он наконец. Конечно же, он врач. И если у него нет чемоданчика, виноват прежде всего сам чемоданчик. Так дело не пойдет, он завтра же пойдет в клинику и потребует у Эла другой чемоданчик.

Завтра же доктор Хемингуэй потребовал у своего опекуна Эла другой чемоданчик и опять ему стали подвластны тонзиллэктомия, аппендэктомия, самые трудные роды и всевозможные болезни. Эл пожурил доктора за пропавший чемоданчик, но так как доктор не мог толком объяснить, при каких обстоятельствах чемоданчик исчез, его не хватились и...

* * *

Ночные кошмары сменили кошмары дневные. С трудом раздрав слипшиеся веки, доктор Фулл обнаружил, что сидит в углу своей комнаты. Неподалеку раздавалась барабанная дробь. Доктор продрог и ошеломен. Кинув невзначай взгляд на свои ноги, доктор

Фулл хрипло захохотал, барабанную дробь выбивала его левая пятка, часто ударявшая по голым доскам пола. Белая горячка не за горами, хладнокровно подумал доктор и утер рот окровавленными пальцами.

А что еще за история с девчонкой? — попытался вспомнить доктор. Ах, да, он должен был лечить какого-то ребенка. Но тут взгляд доктора упал на черный чемоданчик, стоявший посреди комнаты, и он забыл про девчонку. «Что за черт, — удивился доктор Фулл, — да ведь я заложил свой чемоданчик еще два года назад!» Он протянул руку к чемоданчику и тут же понял, что у него в комнате очутился чужой чемоданчик. Как он мог сюда попасть, доктор не понимал. Едва доктор дотронулся до замка, крышка чемоданчика распахнулась и перед ним предстали инструменты и лекарства, длинными рядами теснившиеся по всем четырем стенам чемоданчика. В открытом виде чемоданчик был куда больше, чем в закрытом. Доктор не понимал, как чемоданчик становится таким компактным, но потом решил, что в его конструкции какой-то фокус. В его времена ... а, впрочем, раз так, в ломбарде за него дадут дорожку, радостно подумал доктор.

Тряхну-ка я стариной, решил доктор Фулл, и посмотрю инструменты, а потом уж снесу их ростовщику. Многие из инструментов он видел впервые — видно, он порядочно отстал. Из чемоданчика выглядывали какие-то штуки с лезвиями, пинцеты, крючки, иглы, кетгут, шприцы. Вот и отлично, обрадовался доктор, шприцы можно отменно сбывать наркоманам.

Пора идти, решил доктор, и попытался было закрыть чемоданчик. Чемоданчик не хотел закрываться. Тут доктор нечаянно задел замок, и чемоданчик захлопнулся сам собой. Да, наука шагнула далеко вперед, поразился доктор Фулл, на миг забыв, что до сих пор его интересовала только сумма, которую можно выручить за чемоданчик.

Если есть цель — встать очень легко. Вот он спустится вниз, откроет парадную дверь, выйдет на улицу. Но сперва... Доктор Фулл поставил чемоданчик на кухонный стол, раскрыл и принялся разглядывать ампулы. «Да, с такими лекарствами ничего не стоит привести в порядок вегетативную нервную систему», — пробормотал он. Ампулы были пронумерованы, в чемоданчике нашлась и пластмассовая карточка со списком лекарств. На левой стороне карточки имелось краткое описание различных систем — сосудистой, мышечной, нервной. Пробежав описание нервной системы, доктор стал изучать правую сторону карточки. Тут столбцами перечислялись всевозможные лекарства — стимулирующие, успокоительные и так далее. На пересечении стрелок, идущих от столбца с надписью «нервная система» и столбца с надписью «успокоительные средства» значилась

цифра 17. Доктор отыскал в чемоданчике пробирку с этим номером, трясущейся рукой вынул ее из гнезда, вытряхнул на ладонь хорошенькую голубую пилюлю и проглотил.

Его словно громом поразило: если не считать кратких периодов опьянения, доктор Фулл так давно не чувствовал себя хорошо, что почти забыл, как это бывает.

Вот и отлично, подумал он. Теперь он в два счета дойдет до ломбарда, заложит там чемоданчик и купит спиртное. Доктор спустился по лестнице и смело вышел на ярко освещенную солнцем улицу. Тяжелый чемодан приятно оттягивал руку.

И тут доктор заметил, что выступает горделиво вместо того, чтобы воровато красться вдоль стен, как в последние годы. Немножко самоуважения, сказал он себе, вот что мне нужно. Ну попал человек в беду, так это вовсе еще не значит...

— Доктор, пожалте сюда,— услышал он визгливый голос.— Дочка моя вся горит,— его дернули за рукав, он обернулся и увидел женщину в замызганном халате с тупым лицом и нечесаными волосами — типичную обитательницу здешних трущоб.

— Да я, собственно, больше не практикую,— хрипло сказал доктор, но женщина не отпускала его.

— Сюда, сюда, доктор,— верещала она и тянула доктора за рукав.— Зайдите к моей дочке. Вы не сомневайтесь. Я вам два доллара заплачу.

Это меняет дело, подумал доктор и позволил женщине втащить себя в грязную, пропахшую капустой квартиру. Он догадался, что эта женщина переехала в их квартал вчера вечером, не иначе. Да, эта женщина наверняка только что поселилась здесь, иначе она бы никогда не обратилась к нему — ей бы уже успели доложить, что доктор Фулл пьяница и отщепенец, которому нельзя доверить ребенка. Однако черный чемоданчик придавал доктору солидность, заставляя забыть и обросшее щетиной лицо и перепачканный черный костюм.

Он посмотрел на трехлетнюю девочку — она лежала на свежестланной, очевидно, прямо перед его приходом, двухспальной кровати. Бог весть, на каком грязном и вонючем матраце она спала обычно. Это была та самая вчерашняя девочка, он узнал ее по заскорузлой повязке на правой руке. Тощую ручку покрывала мерзкая сыпь. Доктор ткнул пальцем в локтевую впадину, и почувствовал, как под кожей вздулись твердые, словно мрамор, шарики. Девочка пронзительно запищала; женщина ойкнула и тоже залилась плачем.

— Вон,— доктор решительно указал женщине на дверь, и она с рыданиями поплелась из комнаты.

Да, два доллара — это два доллара, подумал он. Наговорить ей

ученой абракадабры, взять деньги и послать в больницу. Не иначе как девушка подхватила стрептококк в этом гнусном закулке. Диву даешься, как это трущобные дети не умирают еще в грудном возрасте. Доктор поставил черный чемоданчик на стол, полез было в карман за ключом, но тут же спохватился и коснулся замка. Чемоданчик распахнулся, доктор вынул перевязочные ножницы, подложил тупой конец под повязку и, стараясь не причинить девушке боли, приступил к делу. Удивительно, как легко и быстро ножницы резали заскорузлую тряпку. Он почти не нажимал на них, ему даже казалось, что не он их ведет, а они сами водят его рукой.

Да, наука пошла далеко вперед, подумал доктор, эти ножницы много острее микротомного ножа. Доктор сунул ножницы в надлежащее гнездо и склонился над раной. Он невольно присвистнул, увидев, какой гнойник образовался на месте пореза. А впрочем, что ж тут удивительного? К такому чахламу существу липнет любая инфекция. Доктор суетливо перебирал содержимое черного чемоданчика. Если проколоть нарыв и выпустить немного гноя, мамаша поверит, что он помог девушке и раскошелится. Но в больнице спросят, кто трогал рану, и — неровен час — нашлют на него полицию. А что если в чемоданчике есть какое-то средство...

Он нашел слева на карточке слово «лимфатическое», а в колонке справа слово «воспаление». В квадратике, к которому шли стрелки, стояло: «IV-g-Зк». Он изумился, проверил еще раз — стрелки сходились тут. Бутылочек с римскими цифрами в чемоданчике не нашлось, и он понял, что так обозначаются шприцы. Он вынул номер IV из гнезда, и оказалось, что шприц уже снабжен иглой и что в него по всей видимости набрали лекарство. Ну кто так носит шприцы! Но как бы там ни было, три кубика, чего бы там ни было в этом шприце, под номером IV должны так или иначе помочь против лимфатического воспаления, а у девушки, видит бог, именно оно. Что же может означать это «g»? Доктор разглядел наверху стеклянного цилиндра вращающийся диск с выгравированными на нем буквами от «a» до «i». На стекле цилиндра, прямо напротив калибровки, имела указательная стрелка.

Доктор Фулл, пожав плечами, повернул диск и когда «g» совпало с указательной стрелкой, поднял шприц на уровень глаз и нажал поршень. Как ни странно, жидкость не брызнула, только кончик иглы на какой-то миг окутала темная дымка. Он пригляделся — на конце иглы не было просвета.

Доктор Фулл в полном недоумении снова нажал на поршень. И снова кончик шприца окутала дымка, и снова растаяла в воздухе. Проверю-ка я шприц в действии, решил доктор, и вонзил иглу себе в руку чуть выше локтя. Промaxed, подумал доктор, наверное игла скользнула по коже, не задев. Но тут он увидел на предплечье

кровавую точку. Видно, я просто не почувствовал укола, рассуждал доктор. Но чем бы там ни был наполнен этот шприц, сказал себе доктор, если лекарство соответствует своему назначению и может пройти по игле, в которой даже нет просвета, вреда от него быть не может. Он ввел себе три кубика лекарства и выдернул иглу. Рука в месте укола — как и следовало ожидать — вздулась, но боли он опять-таки не ощутил.

Доктор Фулл решил, что он по слабости зрения не разглядел просвета и ввел три кубика «g» из шприца IV больной девочшке. Пока он делал укол, девочка не переставая хныкала. Однако уже через две минуты она глубоко вздохнула и затихла.

Ну, вот, убил девочку каким-то непроверенным снадобьем, сказал себе доктор, похолодев от ужаса, доигрался.

Но тут девочка села на постели и спросила: «А где моя мамка?»

Доктор, не веря своим глазам, схватил девочку за руку и ощупал ее локоть: воспаление спало, температура, видимо, тоже, опухшие края раны стягивались прямо на глазах. Пульс стал реже и сильнее, как и должно быть у ребенка. Во внезапно наступившей тишине из кухни, за стеной, донеслись рыдания матери.

— А она не помрег, а, доктор? — услышал он вкрадчивый девичий голос. Доктор обернулся, неряшливая девочка лет восемнадцати стояла в дверях, прислонясь к притолке, и злорадно смотрела на него.

— Я о вас много наслышана, доктор Фулл. Только зря вы надеетесь вытянуть денежки у моей мамашки. Вам и кошку не вылечить, не то что ребенка.

— Вот как? — возразил доктор. Он сейчас проучит эту молодую особу. — Прошу вас — поглядите на мою пациентку, — предложил он.

Но тут девочка снова захныкала: «А где моя мамка?» — и молодая нахалка вытаращила глаза.

— Тебе лучше, Тереза? Рука не болит? — робко спросила она, подходя к кровати.

— Где моя мамка? — ныла Тереза. — Он меня уколол! — пожаловалась она сестре, ткнула больной рукой в доктора и глупо захихикала.

— Ну что ж, — сказала блондинка. — Против фактов не попрешь, доктор. Здешные кумушки говорили, что вы ничего не смыслите... Словом, не умеете лечить.

— Я, действительно, давно удалился от дел, — сказал доктор, — но я как раз по просьбе своего коллеги относил ему этот чемоданчик, когда ваша матушка встретила меня и вот... — доктор униженно улыбнулся, прикоснулся к замку, и чемоданчик тут же закрылся, сократившись до прежних размеров.

— Вы его украл! — выпалила блондинка.

Доктор Фулл от ярости чуть не захлебнулся.

— Да вам никто такую вещь не доверит. Чемоданчик, должно быть, стоит прорыву денег. Я как увидела, что вы Терезу лечить собрались, сразу хотела вас остановить, но потом гляжу, вроде ничего плохого вы не делаете. Но когда вы стали мне заливать, будто несете этот чемоданчик своему приятелю, я сразу смекнула — вы его украли. Берите меня в долю, не то пойду в полицию. Да за такой чемоданчик можно выручить долларов 20—30, не меньше.

В комнату робко заглянула заплаканная мать. Увидев, что девочка сидит на кровати и весело лопочет, мать радостно завопила, кинулась к дочери, упала на колени, вознесла короткую молитву, бросилась целовать руку доктору и тут же поволокла его на кухню, не переставая трещать. Все это время блондинка не сводила с них злобного взгляда. Доктор Фулл покорно пошел на кухню, но наотрез отказался от кофе, анисового печенья и рожков.

— А ты ему вина предложи, — ехидно сказала блондинка.

— Сейчас, сейчас, — взвизгивала в восторге мать. — Винца не хотите, доктор? — и она мигом выставила на стол графинчик с темной жидкостью. Увидев, как доктор судорожно тянется к графинчику, блондинка ухмыльнулась.

И вдруг неожиданно доктора Фулла посетили давным-давно забытые чувства: к досаде, вызванной тем, что блондинка так быстро его раскусила, примешалась гордость своим врачебным искусством. Доктор — сам себе не веря — отдернул руку от графина и сказал, смачно выговаривая слова: «Нет, спасибо. Не в моем обычае пить в такой ранний час», — победно взглянул на блондинку и возликовал, увидев ее удивление. А потом мамаша вручила ему два доллара со словами:

— Я понимаю, что для вас, доктор, это деньги небольшие, но вы ведь не откажетесь еще разок прийти к Терезе?

— Разумеется, сочту своим долгом проследить за течением болезни моей пациентки. А теперь извините, но мне пора идти, — сказал доктор и подхватил чемоданчик: ему хотелось очутиться как можно дальше и от графинчика, и от нахальной блондинки.

— Не торопитесь, — сказала блондинка. — Мне с вами по пути, — и вышла вслед за ним. Доктор Фулл решил было ее не замечать, но она изо всех сил вцепилась в ручку чемодана, и ему пришлось остановиться.

— Послушайте, милочка, — попытался урезонить девушку доктор. — Возможно, вы и правы. Откровенно говоря, я не помню, как чемоданчик ко мне попал. Но вы молоды, вам ничего не стоит заработать деньги...

— Баш на баш, — сказала девочка, — не то я иду в полицию.

А попробуйте пикнуть и делить будем уже на шестьдесят и сорок. И знаете, кто получит сорок процентов? Вы, доктор!

И доктору ничего не осталось, как признать свое поражение и отправиться с девчонкой в ломбард. Девчонка, дробно постукивая каблучками по асфальту, семенила рядом с размеренно шагавшим доктором, не выпуская чемоданчика из рук.

В ломбарде их ожидал непредвиденный удар.

— Вещичка-то не стандартная, — сказал ростовщик: хитроумный замок не произвел на него никакого впечатления. — Мне такой еще ни разу не попадалось. Небось, грошовая японская работа? Предложите куда-нибудь еще. Мне такой нипочем не продать.

В другом месте им и вовсе предложили один доллар. И по той же причине: «Я хозяин, не коллекционер, я вещи для продажи покупаю. А эту вещицу кому продашь? Разве что человеку, который отродясь медицинских инструментов не видел. Откуда вы их только выкопали? Вы их, часом, не сами сделали?»

Его доллар они отвергли.

— Ну-с, — спросил он молодую нахалку, — теперь вы довольны? Видите, чемоданчик продать нельзя.

Девчонка напряженно думала.

— Не кипятитесь, доктор. Может, я чего и не понимаю, но еще не вечер... А вдруг в этих ломбардах ничего в инструментах не смыслят?

— Смыслят. Это их хлеб. И где б этот чемоданчик ни сделали...

Девчонка с ее понтике бесовской сметкой докончила его мысль, не дав ему договорить.

— Так я и думала. Вы и сами ничего про этот чемоданчик не знаете, верно? Ну, а я все разужаю. Пошли. Я его нипочем из рук не выпущу. Эта штука ценная; как за нее выколотить деньги, я не знаю, но своего я не упущу.

И доктор поплелся вслед за девчонкой в кафе. Не обращая внимания на любопытные взгляды, девчонка открыла чемоданчик — он занял чуть не весь столик — и принялась в нем хозяйничать. Вынула из гнезда крючок и, осмотрев, презрительно отшвырнула, вынула расширитель, отбросила и его, вытащила акушерские щипцы, поднесла к глазам, и тут своим молодым зрением увидела то, чего не разглядел подслеповатый доктор. Доктор Фулл заметил, что блондинка, поднеся щипцы к глазам, смертельно побледнела, бережно вложила щипцы назад в гнездо, потом так же бережно вернула на свои места крючок и расширитель.

— Говори, что ты там увидела? — спросил доктор.

— Сделано в США, — хрипло сказала блондинка. — Патент выдан в июле 2450 года.

Доктор хотел сказать, что она, наверное, ошиблась, неправильно прочла надпись, что, наверное, это розыгрыш, что...

Но он уже покаял, что ошибки тут нет.

— Знаете, что я собираюсь сделать, доктор? — вдруг оживившись, спросила девчонка. — Поступить в школу хороших манер. Вам ведь это на руку, а, доктор? Нам теперь придется много времени проводить вместе.

Доктор Фулл промолчал. Он бесцельно вертел в руках пластмассовую карточку, которая уже дважды выручала его в трудную минуту. На карточке прощупывался небольшой бугорок, стояло до него дотронуться, и бугорок с щелчком передвигался на другую сторону карточки. Доктора поразило, что при каждом перемещении бугорка на карточке возникает разный текст. Щелк: «Нож с голубой точкой на ручке предназначается исключительно для опухолей. Для диагноза опухолей применяется инструмент под номером 7, тумороопределитель. Поместить определитель...» Щелк. «Взять хирургическую иглу за конец, в котором нет просвета. Приложить к краю раны, которую предстоит зашить, и так оставить. После того, как игла сделает узел, взять иглу...» Щелк. «Верхний конец акушерских щипцов поместить у входа в матку. Оставить там. После того, как щипцы проникнут вглубь и откроются соответственно размеру...» Щелк.

* * *

Редактор отдела прочел в левом верхнем углу рукописи: «Фланнери. Начало — Медицина», механически написал: «Сократить до 0,75» и перебросил Пайперу. Пайпер вел серию статей Эдны Фланнери, посвященную разоблачению врачей-шарлатанов. «Эдна — слабая девочка, — подумал он, — но как все молодые журналисты, не умеет вовремя остановиться. В ее материалах всегда полно воды».

Пайпер отплатил заву статью о муниципалитетах, положил перед собой статью Фланнери и принялся читать. После каждого слова он стучал по странице карандашом, от чего раздавался такой же равномерный стук, как от телетайпной каретки, бегущей по валику. Сейчас Пайпер собственно даже не читал статью, а только пробегал ее глазами. Пока он следил за тем лишь, нет ли отступлений от принятого в «Геральде» стиля. Временами в равномерном стуке случались перебои: это Пайпер, вычеркнув жирной черной чертой слово «грудь», вписывал «грудная клетка», менял заглавное «З» в слове «запад» на строчное, слова, слившиеся воедино при перепечатке, разъединял, соединял разъединенные и в довершение вымарал слово «конец», которым Фланнери, по обычаю начинающих журналистов, завершала свои статьи. После чего вернулся к первой странице. На сей раз Пайпер читал статью внимательно: карандаш его пере-

черкивал прилагательные и целые фразы, намечал новые абзацы и убирал старые.

В конце страницы, помеченной «Фланнери. Продолжение — Медицина», карандаш сбавил темп, а потом и вовсе замер. Зав, заметив сбой в привычном ритме, поднял глаза и увидел, что Пайпер сидит, растерянно уставившись на статью. Не тратя слов на разъяснения, Пайпер перебросил статью Фланнери обратно заву, поймал на лету брошенные ему взамен заметки уголовного хроникера и с жаром взялся за дело. Карандаш быстро постукивал. Дойдя до четвертой страницы, зав крикнул Пайперу: «Посиди тут за меня», — пробежал через шумный отдел местной хроники и проник за загородку, где среди такой же суеты восседал ответственный секретарь. Ему пришлось ждать, пока ответственный секретарь выслушивал верстальщика, мастера печатного цеха и главного фотографа. Наконец очередь дошла до него, зав кинул на стол статью Фланнери и сказал: «Эдна пишет, что этот тип не шарлатан».

«Фланнери. Начало — Медицина, Эдна Фланнери, штатный репортер «Геральда», — читал ответственный секретарь.

«Нашему репортеру представилась возможность приятно удивить своих читателей, следящих за серией статей, в которых разоблачаются гнусные проделки врачей-шарлатанов. Наш репортер на этот раз собирал материал при помощи тех же методов, что и в предыдущих случаях, когда ему удалось вывести на чистую воду 12 подпольных врачей и всевозможных знахарей. Однако, на этот раз наш репортер обязан заявить, что доктор Баярд Фулл, несмотря на необычность методов, навлекших на него подозрение медицинских обществ, которых врачебный долг обязывает к недовоскривости, — истинный врачеватель и достойный представитель своей профессии.

О деятельности доктора Фулла репортеру «Геральда» сообщил этический комитет окружного медицинского общества. По данным комитета, доктора Фулла в июле 1941 года лишили права заниматься врачебной практикой. Доктору было вменено в вину, что он якобы «выуживал» деньги у своих пациентов. Как явствовало из показаний пациентов доктора Фулла, данных под присягой, доктор Фулл уверял больных, страдающих легкими недомоганиями, будто бы у них рак, и обещал продлить им дни, выливая одному ему известным методом. После того, как доктора Фулла лишили права практиковать, он пропал из виду. Недавно доктор открыл «лечебницу» в фешенебельном квартале города, где ранее сдавались меблированные комнаты.

Наш репортер отправился в лечебницу, находящуюся на Восточной улице, 89, в полной уверенности, что для начала доктор обнаружит у нее множество воображаемых недугов, а потом пообещает избавить от них за приличное вознаграждение. Она ожидала

увидеть неприбранные комнаты и грязные инструменты, словом, ту обстановку, которую привыкла видеть у подпольных врачей.

К ее удивлению, оказалось, что в лечебнице доктора Фулла царит безупречная чистота: элегантно обставленная приемная вела в ослепительной белизны кабинет. В работе доктору Фуллу помогает привлекательная блондинка, любезная и обходительная. Она записала фамилию и адрес нашего репортера и осведомилась, на что она жалуется. Как и в предыдущих случаях, наш репортер пожаловалась на «ноющие боли в спине». Блондинка предложила нашему репортеру присесть и вскоре провела в кабинет на втором этаже, где ее встретил доктор Фулл.

Когда смотришь на доктора Фулла, трудно поверить в его неблагоприятное прошлое. Этот седовласый, выше среднего роста старец с ясными глазами по виду лет шестидесяти с небольшим явно пользуется отличным здоровьем. Держится он уверенно и дружелюбно, в голосе его нет угодливости, столь характерной для шарлатанов. Доктор Фулл расспросил нашего репортера о ее недомогании и, не мешкая, приступил к обследованию. Любезная блондинка присутствовала при этом. Предложив нашему репортеру лечь ничком на стол, доктор приложил к ее спине некий инструмент. Чуть погодя он ошеломил пациентку следующим высказыванием: «Для таких болей, на которые вы, моя милая, жалуетесь, нет никаких оснований. Нынче считают, что подобные боли вызываются нервыми расстройствами. Если боли не прекратятся, вам следует обратиться к психоневрологу или психиатру. Я вам ничем помочь не могу».

Откровенность доктора обескуражила нашего репортера. Неужели доктор догадался, что в его лагерь, если можно так выразиться, забросили шпиона? Наш репортер закинула еще один крючок: «Я бы все же хотела, чтобы вы обследовали меня, доктор. Я ощущаю какую-то слабость. Не следует ли мне принимать укрепляющие средства?» На такую приманку клюют все подпольные врачи как один, ибо она дает им возможность обнаружить у пациента всевозможные загадочные недомогания, требующие дорогостоящего лечения. Как уже говорилось в первой статье этой серии, Эдна Фланнери, перед тем как приступить к охоте за шарлатанами, была подвергнута тщательному обследованию, причем обследование показало, что она практически здорова. Правда, вследствие туберкулеза, перенесенного в детстве, в ее левом легком имеются рубцовые изменения, и кроме того, наблюдается склонность к гипертонии — повышенной активности щитовидной железы, что не позволяет нашему репортеру прибавлять в весе и иногда затрудняет дыхание.

Доктор Фулл согласился обследовать пациентку, вынул из чемоданчика множество блестящих безукоризненно чистых инструментов,

лежащих плотными рядами в своих гнездах,— большинство этих инструментов наш репортер увидел впервые. Сначала доктор взял что-то вроде пробирки, на одной стороне которой помещался выпуклый циферблат — от него отходили два провода, заканчивающихся плоскими дисками. Доктор приложил один диск к правой руке нашего репортера, другой — к левой. Глядя на циферблат, доктор называл какие-то цифры; внимательная блондинка записывала их в разнотипный формуляр. Доктор основательнейшим образом обследовал нашего репортера. Однако это еще больше убедило ее в том, что она имеет дело с шарлатаном. За все время, что наш репортер готовилась к этой операции, с ней не проделывали ничего подобного. Потом доктор взял у своей белокурой помощницы формуляр, пошептался с ней и сказал нашему репортеру: «У вас, моя милая, повышенная активность щитовидки, и какой-то беспорядок в левом легком — ничего серьезного, но я хочу выяснить, в чем там дело».

Он взял с доски инструмент, известный нашему репортеру, как «расширитель» — напоминающий ножницы инструмент, которым раздвигают ушные, носовые и прочие полости. Однако нашему репортеру показалось, что инструмент этот слишком велик для обследования носовой или ушных полостей, и слишком мал для других целей. Наш репортер собралась было спросить доктора, для чего предназначен этот инструмент, но белокурая помощница сказала: «Мы придерживаемся правила при обследовании легких завязывать пациентам глаза. Вы не возражаете?» Удивленная, она позволила завязать себе глаза безупречно чистой повязкой и не без тревоги ожидала, что за этим последует.

Она и сейчас не может точно сказать, что происходило с ней, пока у нее были завязаны глаза, но рентген подтвердил ее подозрения. Сначала она почувствовала прикосновение холодного предмета к ребрам слева, потом холод, как ей показалось проник вовнутрь. Потом раздался щелчок и ощущение холода пропало. И тут же она услышала голос доктора Фулла: «У вас рубцовые изменения в левом легком. Вреда от них нет, но вы деятельная женщина и вам не стоит лишаться необходимого вам кислорода. Лежите спокойно, я сейчас этим займусь».

Наш репортер опять почувствовала холод, но тут это ощущение длилось дольше. «Гроздь альвеол и немного сосудистого клея», — услышала наш репортер голос доктора Фулла. Помощница споро выполнила указания доктора. Потом ощущение холода пропало и помощница развязала ей глаза. Доктор сказал ей: «Все в порядке. Фиброз вам мы удалили, вы нас за это не раз поблагодарите, и посадили вам несколько гроздьев альвеол, — это такие штучки, через которые кислород попадает в кровь. А вашу щитовидку трогать не стоит. Вы привыкли к определенному самочувствию, и если бы вдруг

оно изменилось, вас бы скорей всего это выбило из колен. Что же касается болей в спине, обратитесь в окружное медицинское общество, они порекомендуют вам надежного психоневролога или психиатра. Но остерегайтесь шарлатанов: их здесь полным-полно».

Однако внимательно оглядев себя, наш репортер не обнаружила у себя на теле никаких швов.

Уверенные манеры доктора поразили нашего репортера. Она спросила, сколько она ему должна, и доктор сказал, что ей следует заплатить его помощнице 50 долларов. Наш репортер медлила с уплатой — ей хотелось, чтобы доктор выписал ей счет, где были бы перечислены все процедуры. Против ее ожиданий, доктор тут же написал: «За удаление фиброза в левом легком и подсадку альвеол», — и поставил свою подпись на счете.

Едва покинув стены лечебницы, наш репортер отправилась к специалисту по легочным заболеваниям, который обследовал ее перед серией статей. Наш репортер считала, что сравнив рентгеновский снимок, сделанный в день так называемой «операции», и предыдущие снимки, он разоблачит доктора Фулла, как неслыханного шарлатана.

Специалист-легочник, хотя весь день у него был расписан по минутам, выбрал время для нашего репортера, к чьей серии статей он выказывал с самого начала живейший интерес. Наш репортер явилась в солидный кабинет специалиста на Парк-авеню и рассказала ему о тех странных процедурах, которым она подвергалась. Специалист расхохотался, но когда он сделал рентгеновский снимок грудной клетки нашего репортера, проявил его, высушил и сравнил с теми, что были сделаны ранее, он перестал смеяться. В этот день легочник сделал еще шесть рентгеновских снимков и получил те же результаты. Опираясь на научный авторитет специалиста, наш репортер заявляет, что рубцовые изменения в ее левом легком, запечатленные на рентгеновском снимке 18 дней назад, бесследно исчезли, а на их месте появилась здоровая легочная ткань. Специалист заявил, что такого случая медицинская практика не знает. Однако он не разделяет мнения нашего репортера, что это дело рук доктора Фулла.

Наш репортер, однако, утверждает, что иначе и быть не может. По ее мнению, доктор Баярд Фулл — каково бы ни было его прошлое — талантливый, хоть и применяющий несколько необычные методы врач-практик и наш репортер ему полностью доверяет.

Далеко не так обстоит дело с достопочтенной Анни Димзворт — злобной гарпией, под видом исцеления «молитвой» выманивающей деньги у невежественных страдальцев, стекающихся за помощью в ее грязный «целебный салон». Благодаря деньгам этих несчастных счет достопочтенной Анни в банке ныне достиг суммы в 58 238 дол-

ларов и 24 цента. Завтра из нашей статьи, к которой будут приложены фотокопии банковского счета достопочтенной Анни и свидетельских показаний, данных под присягой, вы узнаете...»

Ответственный секретарь перевернул последнюю страницу «Фланнери. Конец — Медицина» и, стараясь собраться с мыслями, постучал карандашом по зубам. Потом сказал заву: «Выкиньте к чертовой матери эту статью. Дай один анонс в рамке», — оторвал последний абзац о «достопочтенной Анни», вручил заву и тот уныло затрусил назад.

В комнате снова вертелся верстальщик. Он приплясывал от нетерпения, стараясь привлечь к себе внимание ответственного секретаря. На внутреннем телефоне загорелся красный огонек — ответственного секретаря вызывали главный редактор и издатель. У ответственного секретаря мелькнула была мысль — дать большую серию статей о докторе Фулле, но потом он решил, что вся эта история слишком недостоверна, да и к тому же вряд ли вероятно, чтобы Фулл оказался честным человеком. И повесив статью на гвоздь, куда подкалывались непошедшие материалы, ответственный секретарь снял трубку внутреннего телефона.

* * *

Доктор Фулл привлек к Энджи. Девчонка цивилизовалась по мере того, как росла его популярность — сначала к нему стали стекаться все больные их квартала, потом он снял хорошую квартиру в более богатом квартале и, наконец, переехал в лечебницу. Развивалась и девчонка. Конечно, думал доктор, у нее есть свои недостатки...

К примеру, она слишком жадна до денег. Ее мечта: специализироваться на косметической хирургии — удалять морщины у богатых старух и тому подобное. Она не понимает, что черный чемоданчик с его чудодейственным содержимым вверен им лишь на время, что он никак не может считаться их собственностью.

Правда, бухгалтерские книги она ведет аккуратно, ну и потом она честолобива — подстегивает его, не дает успокоиться на достигнутом. Это она заставила его перебраться из трущоб в район побогаче, она заставила завести лечебницу. Нельзя не признать, что здесь они могут принести гораздо больше пользы. Пусть девчонка тащится норковыми шубами и роскошными автомобилями, он к этому равнодушен: его занимают куда более важные вещи, да к тому же он стар. Прежде всего ему надо искупить свое прошлое.

И тут доктор Фулл предался приятным мечтам о Великом плане. Девчонке его план, конечно, не понравился. Но ей придется смириться с ним. Они должны передать людям свою чудесную находку. Энджи не врач, и хотя инструментарий, можно сказать, работает

сам, во врачебном деле важен не только навык. Не зная древнейших канонов врачебного искусства, далеко не уйдешь. И когда Энджи в этом убедится, она примет его план и простится с их сокровищем: черный чемоданчик должен стать достоянием человечества.

Он, пожалуй, преподнесет чемоданчик хирургическому колледжу — никакой шумихи ему не нужно, но скромная церемония, разумеется, была бы желательна, и, конечно же, ему бы хотелось получить какой-нибудь сувенир в память об этом событии — кубок или, скажем, приветственный адрес в рамке. Да, отдав черный чемоданчик, он, пожалуй, почувствует облегчение и пусть корифеи медицины решают его судьбу. А Энджи со временем его поймет. У нее доброе сердце.

Его радует, что в последнее время она заинтересовалась хирургией — расспрашивает об инструментах, читает часами пластмассовую карточку с инструкциями, даже практикуется на морских свинках. Если он сумеет передать Энджи свою любовь к человечеству, думал сентиментальный доктор Фулл, значит жизнь прожита не зря. Энджи не может не сознавать, что та таинственность, которой им приходится окутывать свою деятельность, мешает использовать черный чемоданчик в полную меру.

Доктор Фулл предавался размышлениям в своем кабинете, когда к крыльцу подкатил желтый автомобиль Энджи. Энджи стремительно взбежала по ступенькам. За Энджи, пыхтя, ковыляла грузная дама, наглая и вульгарная. А ей-то что от них нужно?

Энджи открыла входную дверь и прошла в кабинет, грузная дама последовала за ней. «Доктор,— торжественно объявила Энджи,— разрешите представить вам миссис Коулмен».

— Мисс Эквелла мне столько рассказывала о вас, доктор, и о вашем замечательном методе! — захлебывалась дама.

Но Энджи не дала доктору и рта раскрыть.

— Извините нас, пожалуйста, миссис Коулмен,— сказала она быстро,— мы на минутку должны вас покинуть,— и взяв доктора под руку, Энджи увела его в приемную.— Знаю, доктор, вы на меня будете сердиться, но мне подвернулся такой случай, что просто грех было бы его упустить. Я познакомилась с этой старушенцией на уроке гимнастики в школе Элизабет Бартон. С ней там никто зняться не хотел. Она вдова. Муж ее нажился на черном рынке, и денег у нее куры не клюют. Я ей нарасказала с три короба про ваш метод удаления морщин путем массажа. Я думаю, мы сделаем так: заვაжем ей глаза, разрежем шею кожным ножом, впрыснем в мышцы «упругит», соскрежем жиры специальной кюреткой и спрыснем шов «укрепитом». Когда мы снимем повязку, она увидит, что морщины разгладились, а уж как нам это удалось, ей ни за что не догадаться. Она тут же выложит пятьсот долларов. И не возражайте, доктор.

На этот раз пусть будет по-моему. Ведь я вам всегда помогала, разве нет?

— Ладно, будь по-твоему,— сказал доктор. Скоро он откроет ей свой Великий план. А на этот раз придется пойти ей навстречу.

Тем временем миссис Коулмен обдумывала предложение Энджи. Не успел доктор войти, как она подозрительно спросила:

— А ваш метод удаляет морщины навсегда?

— Разумеется,— отрезал доктор.— Теперь попрошу вас лечь сюда. Мисс Эквелла, достаньте стерильную повязку и завяжите миссис Коулмен глаза,— и желая избежать лишних разговоров доктор повернулся к толстухе спиной и сделал вид, что возится с лампой. Энджи завязала толстухе глаза, доктор вынул необходимые инструменты, передал Энджи два крючка и сказал:

— Когда я начну резать, введешь крючки в надрез.

Глаза Энджи испуганно округлились, она кивнула на толстуху. Доктор понизил голос: «Хорошо. Введешь крючки и растянешь ткани. Потом я тебе скажу, что делать дальше».

Доктор Фулл поднес кожный нож поближе к глазам, отметил на шкале деление «3 см вглубь» и вспомнив, что в последний раз этим самым ножом он вычищал неоперабельную опухоль горла, вздохнул.

— Все будет хорошо,— сказал он, склонившись над миссис Коулмен, и сделал пробный надрез.

Миссис Коулмен заерзала:

— Доктор, у меня такое странное ощущение, может, вы не в ту сторону трете?

— В ту, миссис Коулмен, в ту,— устало сказал доктор.— Пожалуйста, не разговаривайте во время массажа.

Он сделал знак Энджи, державшей крючки наготове. Нож проник на три сантиметра вглубь, он чудодейственно разрезал ороговевшие ткани подкожного слоя и живые ткани кожи, загадочным образом отстранял крупные и мелкие кровеносные сосуды, мышечные ткани и, не задев ничего на своем пути, прямоком направился к тому органу, на который он и был — если так выразиться — настроен. Доктор не мог отделаться от чувства неловкости, используя замечательный инструмент по такому недостойному назначению. Он вытащил нож, Энджи тут же ввела крючки и растянула края надреза. Надрез раздвинулся, обнажив мышцу, уныло повисшую на серовато-голубых связках. Доктор взял шприц номер IX, поставил его на деление «1», и поднес к глазам. Кончик иглы на миг окутала дымка и тут же испарилась. Конечно, с таким инструментарием можно не бояться эмбола, но к чему рисковать? Он ввел один кубик «а» — так обозначался на карточке «укрепит» — в мышцу. Мышца тут же упруго прильнула к горлу...

Когда доктор разложил инструмент по местам, Энджи сняла повязку с глаз миссис Коулмен.

— Вот и все! — весело объявила она. — А теперь пройдите в приемную, полюбуйте в зеркало...

Миссис Коулмен не пришлось повторять приглашения дважды. Недоверчиво пощупав подбородок, она со всех ног бросилась в приемную и вскоре оттуда донесся ее ликующий вопль. Доктор, услышав его, скривился, а Энджи, натянуто улыбаясь, сказала: «Я сейчас возьму у нее деньги и выставлю вон. Вы ее сегодня больше не увидите.

Энджи удалилась в приемную к миссис Коулмен, а доктор опять предался мечтам. Да, да, пусть устроят церемонию — он, безусловно, ее заслужил. Далеко не каждый захочет расстаться с таким верным источником дохода ради блага человечества. Правда, в его возрасте деньги значат все меньше, к тому же, когда вспомнишь о своем прошлом, и о том, как могут истолковать некоторые твои поступки, одним словом, а что если судный день и впрямь... Доктор не верил в бога: но на пороге смерти поневоле задумываешься над такими вещами...

Его размышления прервал приход Энджи. «Пятьсот долларов, — бросила она небрежно. — Да вы понимаете, что с нее за каждый клочок кожи можно брать по 500 долларов?»

— Я давно собирался поговорить с тобой, — сказал доктор.

В глазах девушки промелькнул испуг.

— Энджи, ты умная девочка. Ты понимаешь, что мы не имеем права оставлять у себя чемоданчик.

— Оставьте этот разговор, — отрезала Энджи. — Я устала.

— Нет, нет, меня уже давно преследует чувство, что мы и так слишком долго держим чемоданчик у себя. Инструменты...

— Замолчите, доктор, — зашипела девчонка, — замолчите, не то как бы вам не пожалеть... — На лице ее появилось выражение, напоминавшее о той злобной замарашке из трущоб. Несмотря на весь лоск, наведенный школой хороших манер, в ней жила подзаборница, в младенчестве знавшая лишь вонючие пеленки, в детстве — игры в грязных закоулках, а в юности — тяжкий труд да подозрительные сборища в темных подворотнях.

Доктор тряхнул головой, стараясь отогнать от себя неприятное видение.

— Я тебе сейчас все объясню, — начал он, — помнишь, я тебе рассказывал о семье, которая изобрела акушерские щипцы. Они передавали этот секрет из поколения в поколение, хотя могли сразу сделать его всеобщим достоянием, верно?

— А то они без вас не знали, что им делать, — отрезала подзаборница.

— Ладно, перейдем прямо к делу,— раздраженно сказал доктор.— Я принял решение. Я передам инструменты Хирургическому колледжу. Заработанных денег нам вполне хватит на обеспеченную жизнь. Ты сможешь купить себе дом. А я хочу переехать в теплые края.

Доктор сердился на девочку — невоспитанное существо, не может без сцен. Однако таких последствий доктор никак не предвидел.

Энджи с перекосившимся лицом подхватила черный чемоданчик и кинулась к двери. Доктор рванулся за ней, вне себя от ярости скрутил ей руку. Изрыгая проклятия, Энджи свободной рукой царапала ему лицо. В этой кутерьме один из них случайно дотронулся до замка — и чемоданчик распахнулся. Засверкали ряды инструментов, больших и маленьких. Штук пять вывалились из гнезд и упали на пол.

— Видишь, что ты наделала,— напустился доктор на девочку. Энджи не выпускала ручки чемодана, но доктор преградил ей путь. Девчонку трясло от ярости. Доктор нагнулся и кряхтя стал подбирать выпавшие инструменты.

Глупая девочка, горько думал он, к чему такие сцены...

Тут что-то больно стукнуло доктора в спину, и он упал. В глазах у него потемнело. «Глупая девочка,— прохрипел он. И еще: — Как бы там ни было, они знают, что я хотел...»

Энджи поглядела на распростертое на полу тело доктора; из спины его торчала рукоятка термокаутера № 6. «...Проходит через все ткани. Употреблять для ампутаций, предварительно спрыкнув Ре-Гро. В непосредственной близости от жизненно важных органов, основных кровеносных сосудов и нервных стволов соблюдать особую осторожность...»

— Я этого не хотела,— тупо сказала Энджи, похолодев от ужаса. Ей тут же представилось, как в лечебницу является неумолимый сыщик и восстанавливает сцену преступления. Она будет ловчить, изворачиваться, хитрить, но сыщик выведет ее на чистую воду и отдаст под суд. Ее будет судить суд присяжных, адвокат произнесет речь в ее защиту, но присяжные все равно признают ее виновной; в газетах появятся шапки: «Белокурая убийца понесет наказание». И вот она пойдет по пустынному коридору, пылинки будут плясать в снопах солнечного света, в конце коридора она увидит железную дверь, а за ней — электрический стул. К чему тогда все шубы, машины, наряды и даже красавец-жених, встречи с которым она так ждала.

Однако едва туман кинематографических штампов рассеялся, Энджи быстро смекнула, что надо делать. Она решительно вынула из гнезда мусоросжигатель: «для уничтожения фиброзов и прочих опухолей, прикоснитесь к диску...» Стоило кинуть что-нибудь в мусоросжигатель, как раздавался свист — очень сильный и неприятный

для слуха, за ним следовала вспышка, не дававшая света. А когда коробку открывали — она оказывалась пустой. Энджи вынула из гнезда еще один термокаутер и решительно приступила к делу. Хорошо еще, что крови натекло совсем немного... Часа за три она справилась со своей чудовищной задачей.

Спала она плохо. Убийство далось ей нелегко: всю ночь мучили ужасы. Но наутро Энджи встала с таким чувством, будто никакого доктора Фулля и на свете не было. Она позавтракала, оделась более тщательно, чем обычно, но тут же спохватилась — нет, нет, ни в коем случае ничего необычного. Все должно быть как обычно. Через день-другой она позвонит в полицию. Скажет, что доктор ушел из дому пьяный, и она встревожена. Но главное не торопить события.

Миссис Коулмен была назначена на 10 часов утра. Энджи рассчитывала, что уговорит доктора провести по крайней мере еще один пятисотдолларовый сеанс. Теперь ей придется проводить его самой: впрочем, рано или поздно пора привыкать.

Миссис Коулмен явилась раньше назначенного часа.

— Сегодня доктор поручил провести массаж мне. Когда процесс укрепления тканей уже начался, участие доктора не обязательно. Массаж может проводить любой человек, знакомый с его методом, — нахально объявила Энджи. И спохватилась, увидев, что забыла захлопнуть чемоданчик. Миссис Коулмен, проследившая за ее взглядом, в ужасе попятилась.

— Это еще что такое? — спросила миссис Коулмен. — Уж не собираетесь ли вы резать меня этими ножами? Я так и думала, что тут дело нечисто...

— Пожалуйста, миссис Коулмен, — сказала Энджи. — Ну пожалуйста, дорогая миссис Коулмен, вы ведь ничего не понимаете... в массаже.

— Бросьте заливать про массаж, — визжала миссис Коулмен. — Я поняла, доктор мне операцию делал! Ведь он мог меня убить!

Энджи, не говоря ни слова, вынула из гнезда кожный нож размером поменьше и провела им по своей руке. Лезвие прошло сквозь кожу, как палец сквозь ртуть, не оставляя никаких следов! Если и это не убедит старушеницу...

Однако миссис Коулмен еще пуще встревожилась.

— Что это вы там делаете? Небось, лезвие уходит в рукоятку — вот в чем фокус!

— Приглядитесь получше, миссис Коулмен, — убеждала Энджи: ей до смерти не хотелось упустить пятьсот долларов. — Приглядитесь получше и вы увидите, как этот э-э... прибор для подкожного массажа проникает сквозь кожу, не причиняя никакого вреда. Это так он непосредственно воздействует на мышцы, тогда как при обычном

массаже мешают и слои кожи и жировые ткани. В этом секрет успеха нашего метода. Ну разве наружный массаж может дать такие результаты, какие нам удалось получить накануне?

Миссис Коулмен сбавила тон.

— Да, польза от вашего массажа, конечно, есть, тут ничего не скажешь,— признала она, поглаживая шею.— Но одно дело ваша рука, а другое моя шея! Попробуйте-ка этот нож на себе...

Энджи улыбнулась...

* * *

Отменный обед почти примирил Эла с тем, что ему придется еще три месяца отбывать повинность в клинике. А потом, подумал он, благословенный год на благословенном Южном полюсе. Уж там-то он будет работать по своей специальности — тренировать в телекинезе детей от трех до шести.

Прежде чем приступить к работе, Эл по привычке бросил взгляд на распределительный щиток. Увидев, что под номером одного из врачебных чемоданчиков горит сигнал тревоги, он не поверил своим глазам. Такого не бывало с незапамятных времен. Какой же это номер. «Ах так, 674 101. Вот оно что». Эл заложил номер в карточный сортировщик и вскоре получил нужную информацию. Как и следовало ожидать, беда стряслась с Хемингуэвским чемоданчиком. В таких случаях Эл обычно оставлял чемоданчик на произвол судьбы. В чьи бы руки чемоданчик не попал, вреда от него быть не может. Отключишь чемоданчик от сети — нанесешь урон обществу, оставишь в сети — он того и гляди принесет пользу.

Эл срочно вызвал начальника полиции.

— С помощью набора мединструментов № 674 101,— сказал он начальнику,— совершено преступление. Чемоданчик потерял несколько месяцев назад доктор Джон Хемингуэй.

Полицейский взъерился. «Вызвать Хемингуэя и допросить» — сказал он. Ответы доктора Хемингуэя его удивили, а еще больше удивило то, что убийца находится вне пределов его юрисдикции.

Эл постоял немного у распределительного щитка, отключенная энергия мигнула красным огоньком тревоги, в последний раз предупреджая — набор 674 101 в руках убийцы. Эл со вздохом выдернул штепсель, и красный огонек погас.

* * *

— Как бы не так,— гаулилась миссис Коулмен.— Мою шею вы готовы резать, а свою, небось, побоитесь!

Энджи одарила ее такой блаженной улыбкой, от которой потом

трепетали даже выдавшие виды служители морга. Она уверенно поставила шкалу кожного ножа на три сантиметра и улыбнулась. Она не сомневалась, что нож пройдет только через ороговевшие ткани подкожного слоя и живые ткани кожи, загадочным образом отодвинет крупные и мелкие кровеносные сосуды и мышечные ткани...

По-прежнему улыбаясь, Энджи приставила нож к шее и острый, как бритва, микротомный нож перерезал крупные и мелкие кровеносные сосуды, мышечные ткани и зев. Так окончила свою жизнь Энджи.

Когда через несколько минут прибыла полиция, вызванная вопящей, как сирена, миссис Коулмен, инструменты уже покрылись ржавчиной, а сосудистый клей, гроздь розовых, резинообразных альвеол в пробирках, клетки серого вещества и витки нервов превратились в черную слизь. Пробирки откупорили и из них на полицейских пахло мерзким запахом разложения.

Печатается с сокращениями

Перевела с английского

М. Дмитриева

Уильям Тенн

НЕДУГ

Да будет известно: открытие сделал русский, Николай Белов, он-то и сообщил о находке на корабль. Он наткнулся на нее миль за шесть от корабля назавтра после посадки, ведя самую обыкновенную геологическую разведку. Он мчался тогда во всю прыть на гусеничном джипе — американской машине, сработанной в Детройте.

Он почти сразу радировал на корабль. В рубке, по обыкновению, сидел штурман Престон О'Брайен, проверяя электронный вычислитель, он ввел в машину примерные данные для обратного курса. Он откликнулся на вызов. Белов, разумеется, говорил по-английски, О'Брайен — по-русски.

— Слушайте, О'Брайен! — взволнованно сказал Белов, узнав голос штурмана. — Угадайте, что я нашел? Марсиан! Целый город!

О'Брайен рывком выключил жужжащий вычислитель, откинулся в кресле и всей пятерней взъерошил короткие рыжие волосы. Хотя для этого не было никаких оснований, земляне почему-то были убеждены, что они — одни на ледяной и пыльной безводной

планете. Услышав, что это не так, О'Брайен вдруг ощутил острый приступ клаустрофобии. Словно сидел в тихой, просторной университетской библиотеке, сосредоточенно обдумывая диссертацию, потом поднял голову,—а вокруг полным-полно болтливых первокурсников, только что написавших сочинение по литературе. Была еще такая неприятная минута в Бенаресе, в самом начале экспедиции: его душил кошмар, снилось, будто он один, беспомощный, уносится куда-то в беззвездную черную пустоту, а потом он очнулся и увидел над собою свисающую с верхней койки могучую руку Колевица и услышал его густой, истинно славянский храп. И не в том только дело, что разгулялись нервы, уверял он себя; в конце концов тогда у всех нервы пошаливали... уж такие то были дни.

Он всю жизнь терпеть не мог толчен и многолюдья. И терпеть не мог, когда к нему врываются без спросу. С досадой он потер руки и покосился на свои уравнения. Конечно, как подумаешь, если к кому и ворвались без спросу, так это к марсианам. Вот то-то и оно.

О'Брайен откашлялся и спросил:

— Живые марсиане?

— Нет, конечно. Откуда они возьмутся живые, когда у планеты никакой атмосферы не осталось? Тут только и есть живого, что лишайники, да, может, два-три вида песчаных червей, мы таких уже видели возле корабля. Последние марсиане умерли, наверно, миллион лет назад. Но город цел, О'Брайен, цел и почти не тронут временем!

Как ни мало штурман смыслил в геологии, это показалось ему невероятным.

— Город цел? Вы хотите сказать, за миллион лет он не рассыпался в прах?

— Ничего похожего! — с торжеством объявил Белов. — Понимаете, он подземный. Смотрю, огромная дыра косо уходит куда-то вниз. Что такое, почему? С местностью она никак не сочетается. И оттуда все время дует, воздушный поток не дает песку засыпать отверстие. Ну, я и въехал туда на джипе, углубился ярдов на шестьдесят, а там огромный пустой марсианский город — как Москва, да не сейчас, а лет через тысячу или, может, через десять тысяч. До чего же красивый город, О'Брайен!

— Ничего не трогайте! — предостерег О'Брайен. — Как Москва? До сих пор — как Москва!

— Думаете, я рехнулся? Вот я как раз делаю несколько снимков. Уж не знаю, какая тут механика поддерживает противопесочную вентиляцию, но она дает и освещение — тут светло, прямо как днем. А какой город! Бульвары — как разноцветная паутина. Дома — как... как... Куда там Долина царей, куда там Хараппа!

Никакого сравнения! Я ведь еще и археолог, О'Брайен, это моя страсть — вы не знали? Так вот, знайте. И разрешите вам сказать, что Шлиман полжизни бы отдал за такое открытие! Изумительно!

О'Брайен усмехнулся его восторженности. В такие минуты поневоле чувствуешь, что русские — неплохие ребята, и, может, все как-нибудь еще уладится.

— Поздравляю,— сказал он.— Фотографируйте и возвращайтесь поскорей. Я предупрежу капитана Гоца.

— Постойте, О'Брайен, это еще не все. Этот народ... марсиане... они были такие же, как мы! Такие же люди!

— Что? Люди? Такие, как мы?!

В наушниках зазвенел ликующий смех Белова.

— Вот и я так же зашелся. Поразительно, правда? Самые настоящие люди, совсем как мы. Пожалуй, еще лучше нас. Тут посреди площади стоят две обнаженные статуи. Так разрешите вам сказать, они сделали бы честь Фидию, Праксителя и Микеланджело. А изваяны они в пору нашего плейстоцена или плиоцена, когда по Земле еще рыскали саблезубые тигры!

О'Брайен что-то буркнул и отключился. Подошел к иллюминатору (в рубке был даже не один, а два иллюминатора) и стал смотреть на пустыню — вся она, сколько хватал глаз, горбилась однообразными буграми и холмами, они уходили все дальше и дальше и под конец тонули в клубах мельчайшего взметанного ветром песка.

Вот он, Марс. Мертвая планета. Да, мертвая, ведь только самые примитивные формы животной и растительной жизни как-то ухитрились уцелеть в этом суровом, враждебном мире, который так скупое оделяет их воздухом и водой. И все же некогда здесь жили люди — такие же, как он и Николай Белов. Были у них и искусство, и наука, и, уж наверно, разные философские учения. Когда-то они обитали на Марсе, эти люди, и вот их больше нет. Быть может, и для них тоже сосуществование стало трудной задачей — и они не сумели ее решить?

Из-под корабля неуклюже выбрались двое в скафандрах. О'Брайен узнал лица за прозрачными забралами круглых шлемов. Тот, что пониже ростом, Федор Гурагин, главный инженер; другой — его помощник Том Смейзерс. Должно быть, они осматривали хвостовые сопла, проверяли, нет ли каких-нибудь повреждений после межпланетного перелета. Через неделю Первая экспедиция Земля — Марс двинется в обратный путь; задолго до этого все снаряжение, все механизмы надо отладить так, чтоб они работали без сучка и задоринки.

Смейзерс увидел за иллюминатором О'Брайена и приветствен-

но махнул рукой. Штурман помахал в ответ. Гурагин с любопытством поднял глаза, чуть помешкал — и тоже махнул рукой. Теперь замешкался О'Брайен. Фу, черт, как глупо! Почему бы и нет? Он ответил Гурагину широким дружеским жестом.

Потом усмехнулся про себя. Видел бы их сейчас капитан Гоз! Его аристократическое, кофейного цвета лицо так и расплылось бы в счастливой улыбке. Бедняга! Вот такими крохами добрых чувств он и питается.

Да, кстати, чуть не забыл! О'Брайен вышел из рубки и заглянул в камбуз — там Семен Колевич, помощник штурмана и главный кок, открывал консервы к обеду.

— Не знаете, где капитан? — спросил по-русски О'Брайен.

Тот холодно посмотрел на него, продолжая орудовать консервным ножом, и только когда вскрыл банку и выбросил крышку в мусоропровод, ответил коротким английским «нет».

О'Брайен вышел; в коридоре ему встретился маленький круглолицый доктор Элавин Шнейдер — толстяк шел отбывать свою вахту в камбузе.

— Не видел капитана, док?

— Он в машинном отсеке, — ответил корабельный врач. — Будет сейчас совещаться с Гурагиным.

Оба говорили по-русски.

О'Брайен кивнул и пошел дальше. Пять минут спустя он распахнул дверь машинного отсека; здесь капитан Субод Гоз, еще недавно — профессор Политехнического института в Бенаресе, разглядывал большую настенную схему двигателей. Капитан Гоз был еще молод — на корабле не было ни одного человека старше двадцати пяти, — но безмерная ответственность лежала на нем тяжким грузом, и оттого глаза его ввалились и под ними чернели круги. Казалось, его ни на минуту не отпускает страшное внутреннее напряжение. Да так оно и есть, подумал О'Брайен, иначе просто не может быть.

Он передал капитану сообщение Белова. Гоз нахмурился.

— Гм... — сказал он. — Надеюсь, у него хватило здравого смысла... — он вдруг спохватился, что говорит по-английски. — Ох, простите, О'Брайен! — продолжал он по-русски, и взгляд его еще больше помрачнел. — Я только что думал о Гурагине; мне, видно, показалось, что это я с ним разговариваю. Извините.

— Да ну, пустяки, — пробормотал О'Брайен. — Мне только приятно.

Гоз улыбнулся, но улыбка тотчас сбежала с его лица.

— Постараюсь больше не ошибаться. Так вот, надеюсь, у Белова хватило здравого смысла сдержать любопытство и ничего не трогать.

— Он так и сказал, что ничего не тронет. Не беспокойтесь, капитан, Белов — малый с головой. Как и все остальные: все мы — ребята с головой.

— Город в целости и сохранности...— озабоченно промолвил рослый индеец.— Там могла уцелеть и жизнь... вдруг он нечаянно пустит в ход какую-нибудь систему сигнализации, трудно даже представить последствия. Откуда мы знаем, возможно тут сохранилось какое-то автоматическое оружие, бомбы, что угодно. Белов мог и сам погибнуть и нас погубить. В этом городе может оказаться довольно такого, чтобы взорвать весь Марс.

— Ну, не знаю,— заметил О'Брайен.— Мне кажется, это уж чересчур. Вас просто преследует мысль о бомбах, капитан.

Гоз серьезно посмотрел на него.

— Да, мистер О'Брайен. Вы совершенно правы.

О'Брайен почувствовал, что краснеет. Он поспешил заговорить о другом.

— Нельзя ли мне на часок забрать Смейзерса? Вычислители как будто работают неплохо, но я хотел бы лишний раз проверить кое-какие схемы — мало ли, чем черт не шутит...

— Я спрошу Гуранина, может ли он обойтись без Смейзерса. А что ваш помощник?

Штурман скорчил кислую мину.

— В электронике Колевич смыслил вдвое меньше Смейзерса. Он превосходный математик, но не более того.

Гоз посмотрел испытующе, словно старался понять, только ли в электронике дело.

— Очень может быть. Да, кстати. Я хочу вас просить до отлета на Землю не покидать корабля.

— Что вы, капитан! Я хотел бы поразмяться. И я имею такое же право, как и все... выйти... выйти в иной мир.

О'Брайен и сам чуточку смутился от таких громких слов. Но, черт подери, не для того же он пролетел сорок миллионов миль, чтобы глядеть на Марс в иллюминатор!

— Размяться можно и на корабле. Прогулка в скафандре — не большое удовольствие, это вы знаете не хуже меня. А насчет иного мира — вы уже выходили в него, О'Брайен, вчера, когда мы торжественно установили знак экспедиции.

О'Брайен посмотрел мимо капитана Гоza в иллюминатор.

Да, вот она виднеется, белая трехгранная пирамидка, которую они вчера поставили неподалеку от корабля. На одной ее стороне по-английски, на другой — по-русски, на третьей — на хинди выбита одна и та же надпись: Первая экспедиция Земля — Марс. Во имя жизни человечества.

Тонко придумано. И очень по-индийски. Но хватает за душу. Да и все в этой экспедиции хватает за душу.

— Вы слишком ценный член экипажа, чтобы вами рисковать, О'Брайен,— объяснял между тем Гоз.— Мы в этом убедились на пути сюда. Ни один человек не может в случае надобности рассчитывать внезапную перемену курса так быстро и точно, как электронные вычислители. А вы помогали их проектировать, и никто не сможет справиться с ними лучше вас. Поэтому мой приказ остается в силе.

— Полноте, не только света, что в окошке! У вас есть в запасе Колевич.

— Минуту назад вы сами сказали, что Семен Колевич недостаточно искушен в электронной технике. Если в вычислителях что-нибудь разладится, надо будет привлечь Смейзерса, чтобы они с Колевичем управлялись вдвоем, а это не наилучший способ делать дело. И я подозреваю, что Смейзерс плюс Колевич — это еще не равно Престону О'Брайену. Нет, весьма сожалею, но рисковать мы не можем: вы человек незаменимый.

— Хорошо,— негромко сказал О'Брайен.— Приказ есть приказ. Но в одном я все-таки не согласен с вами, капитан. Вы знаете не хуже меня, что на корабле есть только один незаменимый человек. И этот человек — не я.

Гоз что-то проворчал и отвернулся. Вошли Гуранин и Смейзерс, скафандры они оставили в тамбуре. Капитан и главный инженер коротко посоветовались по-английски, и Гуранин, почти не сопротивляясь, уступил Смейзерса О'Брайену.

— Но не позже трех он мне понадобится.

— Вы его получите,— по-русски пообещал О'Брайен и увел Смейзерса, а Гуранин заговорил с капитаном о ремонте двигателя.

— Как это он не заставил тебя написать на меня официальную заявку! — заметил Смейзерс.— Что он, воображает, что я раб?

— У него в машинном отсеке свои заботы, Том. И, ради всего святого, говори по-русски. Неровен час, услышит капитан или кто-нибудь из них! Хочешь под занавес затеять ссору?

— Я не нарочно, Прес. Просто забылся.

О'Брайен и сам знал, что забыться очень легко. И почему правительство Индии не пожелало, чтобы все семеро американцев и семеро русских изучили хинди? Тогда все в экспедиции объяснялись бы на одном общем языке — на языке капитана. Хотя ведь родной язык Гоza — бенгали...

А впрочем, очень понятно, почему индийцы настояли, чтобы участники, готовясь к экспедиции, кроме многого другого, овладели еще и этими двумя языками. Надеялись, что если русские между собой и с американцами будут говорить по-английски, амери-

канцы же станут отвечать им и между собой объясняться по-русски, в пределах корабля будет кое-что достигнуто...

А когда экспедиция возвратится, каждый из ее участников станет распространять у себя на родине усвоенные за время полета идеи дружбы и сотрудничества во имя жизни на Земле.

Вот так, примерно. Очень мило — и хватает за душу... Но разве не больше хватает за душу то, что творится сейчас в мире? Надо что-то делать, да поскорее. Индийцы по крайней мере пытаются что-то сделать. А не просто сидят ночами без сна, уставясь в одну точку — на грозную цифру шесть, что так и пляшет перед глазами... Шестерка, шесть бомб, довольно шести новейших кобальтовых бомб — и конец всей жизни на Земле! Война надвигается и, похоже, ее не миновать. Слово затяжная упорная болезнь: силясь ее побороть, с отчаянием смотришь на градусник, со страхом прислушиваясь к своему тяжелому дыханию. И вот Индия выступила со своим предложением. Пусть два могучих соперника объединят свои знания и силы. Пусть сообща снарядят экспедицию на Марс во имя и для блага всего человечества...

Отказаться от такого предложения, да еще сделанного в самую подходящую минуту, было невысказано. И вот они на Марсе, думает О'Брайен; они вместе прилетели сюда и, надо полагать, сумеют вместе вернуться на Землю. Возможно, они многое доказали — но ничему не помешали. Международное положение остается прежним, не пройдет и года — и разразится война. Участники экспедиции понимают это не хуже, а, быть может, лучше кого-либо другого.

По дороге в рубку, проходя мимо люка, они увидели Белова — он вылезал из скафандра. Продолжая раздеваться, неуклюже прыгая то на одной, то на другой ноге, он заспешил к ним.

— Недурная находка, а? — прогудел он. — На второй же день, посреди пустыни! Погодите, вот вы увидите мои снимки!

— Жду не дождусь, — отозвался О'Брайен. — А пока что потропите-ка в машинный отсек и доложите капитану Гозу. Он боится — вдруг вы там нажали какую-нибудь кнопку, замкнули цепь и пустили в ход машину, которая взорвет весь Марс и нас тоже.

Русский широко улыбнулся, показав редко поставленные зубы.

— Уж этот Гоз, везде ему чудятся взрывающиеся планеты...

Он потрогал ладонью темя, поморщился и помотал головой.

— Что это вы? — спросил О'Брайен.

— Побаливает голова. Только сейчас заболела. Наверно, я слишком долго пробыл в этой одежке.

— Я в ней пробыл вдвое дольше вашего, а голова ни капельки не болит, — заметил Смейзерс, рассеянно подталкивая ногой

сброшенный Беловым скафандр.— Может, у нас в Америке головы покрепче.

— Том! — рявкнул О'Брайен.— Какого черта!

Белов так стиснул губы, что они побелели. Потом пожал плечами.

— После обеда — в шахматы, О'Брайен?

— Непременно. И, если хотите знать, я собираюсь идти на пролом. Я все равно уверен, что черные могут выиграть.

— Тут вам и крышка,— усмакнулся Белов и направился в машинный отсек, на ходу осторожно поглаживая темя.

Когда они остались в рубке вдвоем и Смейзерс принялся разбирать вычислитель, О'Брайен плотно прикрыл дверь и сказал сердито:

— Дернула тебя нелегкая, Том! Эти шуточки слишком опасны. И примерно так же забавны, как объявление войны.

— Знаю. Но Белов действует мне на нервы.

— Белов? Да он — самый славный парень из всех русских на борту.

Помощник инженера отвинтил боковую панель и присел перед вычислителем на корточки.

— С тобой он, может, и славный. А мне вечно подпускает шпильки.

— Как это?

— Да по-всякому. Взять хотя бы шахматы. Я предлагаю сыграть, а он отвечает — с одним условием: если он даст мне фору ферзя. И смеется — этаким, знаешь, вьедливым смешком.

— Проверь-ка верхний контакт,— предупредил штурман.— И слушай, Том, ведь Белов — классный игрок. На последнем московском турнире он занял седьмое место, а там сплошь были мастера и гроссмейстеры. Это совсем недурной результат, ведь у них там шахматы — первая игра, на ней все с ума сходят, прямо как у нас на футболе и бейсболе, вместе взятых.

— Да знаю я, что он отличный шахматист. Но я тоже не из последних. Уж не так я плох, чтоб давать мне фору ферзя. Целого ферзя!

— И ты уверен, что только в этом дело? Кажется, ты уж чересчур скверно к нему относишься, а какие у тебя, в сущности, основания?

Смейзерс минуту помолчал, разглядывал электронную лампу. Потом сказал, не поднимая глаз:

— Зато ты, кажется, уж чересчур нежно к нему относишься. А у тебя, в сущности, какие основания?

О'Брайен едва не всплил, но вдруг кое-что вспомнил и при-

кусил язык. В конце концов это может быть кто угодно. Может, это и Смейзерс...

Перед самым отъездом из Нью-Йорка в Бенарес, где они должны были встретиться с русскими, членов экипажа пригласили в Военно-разведывательное управление и дали им последние сверхсекретные инструкции. Им толковали о том, насколько сложным будет их положение и какими опасностями оно чревато. С одной стороны, уклониться от предложения Индии никак нельзя. Соединенные Штаты должны показать всему миру, что они соглашаются участвовать в этой совместной научной экспедиции по меньшей мере так же охотно и искренне, как и русские. А с другой стороны, столь же важно, если не важнее, чтобы завтрашний противник не смог, используя объединенные знания и приемы, получить какое-то серьезное, даже решающее преимущество — например, на обратном пути завладеть космическим кораблем и вместо Бенареса приземлиться где-нибудь в Баку.

И потому, сказали им, один из них пройдет обучение в военной разведке и получит соответствующий чин. Кто именно — это останется в тайне до той минуты, когда он увидит, что русские что-то затевают. Тогда он условной фразой объявит остальным американцам — членам экипажа, кто он такой, и с этой минуты все они будут подчиняться уже не Гозу, а ему. Неповиновение в этом случае равносильно государственной измене.

А условная фраза? Вспомнив ее, Престон О'Брайен невольно усмехнулся: «Обстрелян форт Самтер».

Но после того, как кто-то из них встанет и произнесет эти слова, начнется нечто отнюдь не забавное...

Наверняка и среди русских есть один такой. И наверняка Гоз подозревает, что и американцы и русские застраховали себя подобным образом от всяких случайностей, и от этого бедняге капитану уж совсем плохо спится по ночам.

А какая условная фраза у русских? «Обстрелян Кронштадт»? Да, что и говорить, очень будет весело, если кто-нибудь и впрямь допустит серьезный промах.

Вполне возможно, что Смейзерс и есть тот самый офицер военной разведки. После его шуточки насчет нежного отношения к Белову это выглядит очень правдоподобно. И не надо было ничего отвечать, это я правильно поступил, думал О'Брайен. В наше время надо быть поосторожнее, а тут, на корабле — тем более.

Вообще-то понятно, что именно точит Смейзерса. В сущности, по той же самой причине и Белов так охотно сражается в шахматы с ним, штурманом, который на Земле даже мечтать не мог бы о встрече с таким сильным игроком.

У него, О'Брайена, самый высокий коэффициент умственного

развития во всей экспедиции: Ничего сверхъестественного, не очень уж намного выше, чем у других. Просто в экипаже, составленном из самых блестящих и талантливых молодых людей, каких только можно было отобрать среди сливок ученого мира в Америке и в Советском Союзе, должен же кто-то оказаться выше всех. Вот таким человеком и стал Прэстон О'Брайен.

Но О'Брайен — американец. А при подготовке экспедиции все до мелочей обсуждалось и учитывалось на самом высоком уровне, со всеми дипломатическими ухищрениями и закулисными маневрами, к которым всегда прибегают, определяя границы первостепенной стратегической важности. А потому членом экипажа с самым низким коэффициентом развития тоже должен был стать американец.

И таким американцем оказался помощник инженера Том Смейзерс.

Опять-таки, ничего страшного, коэффициент на самую малость ниже, чем у следующего по порядку. И сам по себе — отличный, на редкость высокий коэффициент.

Но до того, как они стартовали из Бенареса, они довольно долго жили бок о бок. Они многое узнали друг о друге — и из непосредственного общения, и из официальных документов: ведь невозможно сказать заранее, какие именно сведения о твоём спутнике помогут избежать несчастья в случае, если разразится какая-нибудь катастрофа, которую немислимо предусмотреть.

И вот Николай Белов, которого сама природа создала гениальным шахматистом, как Сару Барнар — гениальной актрисой, с каким-то особым, неизменным наслаждением обыгрывает любителя, еле-еле годного для студенческой команды. А Том Смейзерс лелеет в душе обиду, чувство собственной неполноценности, которое только и ждёт предлога, чтобы перерасти в открытую вражду.

Это просто смешно, думал О'Брайен. Хотя — почему знать? Со стороны рассуждать легко, сам-то он не побывал в шкуре Тома Смейзерса.

Смешно? Да, смешно — как шесть кобальтовых бомб. Раз, два, три, четыре, пять, шесть — и трах!

Быть может, беда в том, что все они — одной смешной породы. И скоро они вымрут — вымрут, как динозавры.

И как марсиане.

— Хотя бы скорей поглядеть на эти белозские снимки, — сказал он Смейзерсу: лучше заговорить о чём-то безобидном, не вызывающем спора. — Ты только вообрази: на этом голом комке пыли разгуливают живые люди, строят города, любят, решают всякие научные проблемы — и все это миллион лет назад!

Помощник инженера что-то буркнул, усердно копаясь в путанице проводов. Он явно не желал давать волю воображению, если это как-то связано с ненавистным Беловым. Но О'Брайен не унимался:

— Интересно, куда они подевались, марсиане? Если они целую вечность назад достигли такого высокого развития, они уж наверняка додумались до межпланетных путешествий и нашли себе жилище получше. Как, по-твоему, Том, прилетали они на Землю?

— Угу. Белов их прямой потомок.

Этакий норов! Ну, что с ним поделаешь? Не стоило продолжать разговор — Смейзерс, видно, никак не примирится с тем, что Белов только с ним, О'Брайеном, играет на равных.

А все-таки ему не терпелось поглядеть на эти фотографии. И когда они сошлись к обеду в просторном помещении посередине корабля, которое служило разом и спальней, и столовой, и клубом, и складом провизии, он прежде всего поискал глазами Белова.

Но Белова здесь не было.

— Он в кабинете у врача, — серьезно, хмуро сказал его сосед по столу Лятинский. — Ему нездоровится. Шнейдер его осматривает.

— Голова разболелась?

Лятинский кивнул:

— Становится все хуже и хуже. И суставы ломит. И жар у него. Гуранин думает — похоже на менингит.

— Ого!

При такой скученности болезнь вроде менингита мигом перекинется на всех. Впрочем, Гуранин ведь не врач, а инженер. Что он в этом понимает, с чего ему вздумалось ставить диагноз?

И тут О'Брайен заметил необычную тишину в столовой. Все ели, не поднимая глаз. Колеснич раскладывал еду по тарелкам — правда, он был мрачноват, но, может быть, просто потому, что пришлось не только готовить обед, а еще и подавать, так как дежурный помощник повара доктор Элвин Шнейдер вынужден был заняться делом куда более важным и неотложным.

Но американцы просто помалкивали, а русские были чернее тучи, прямо как на похоронах. Все осунулись, челюсти сжаты, будто люди ждут расстрела. И дышат они все тяжело, медленно и хрипло — так бывает, когда бьешься над мучительно трудной задачей.

Вот оно что. Если Белов серьезно заболел, если он выбыл из строя, они попадают в невыгодное положение: у американцев

теперь численное превосходство, они примерно на пятнадцать процентов сильнее. И если дойдет до стычки...

Но тогда диагноз, поставленный медиком-любителем Гураниным,— это отчаянная попытка сохранить оптимизм. Да-да, оптимизм! Ведь если у Белова менингит, штука очень прилипчивая, заразиться могут и другие, американцы с таким же успехом, как и русские. Тогда, может быть, они снова сравниются.

О'Брайена пробрала дрожь. Что за безумие...

А впрочем... что, если бы сейчас там, наверху лежал тяжело больной американец, а не русский? Пожалуй, тогда и он, О'Брайен стал бы думать, как думает сейчас Гуранин. Пожалуй, и он стал бы надеяться на менингит, как на спасение.

В столовую спустился капитан Гоз. Казалось, глаза у него стали еще темней и ввалились еще глубже.

— Прошу внимания. Сразу после обеда всем явиться в рубку, она сейчас будет служить дополнением к врачебному кабинету.

— А для чего явиться, капитан? — спросил кто-то.

— Для профилактической прививки.

Наступило молчание. Гоз пошел к выходу. Главный инженер откашлялся.

— А как Белов? — спросил он.

Капитан чуть помедлил.

— Мы еще не знаем, — сказал он, не оборачиваясь. — И если вы хотите спросить, чем болен Белов, отвечу: этого мы пока тоже не знаем.

У двери в рубку выстроилась долгая, молчаливая очередь — люди сосредоточенно ждали, входили и выходили по одному. Настал черед О'Брайена.

Он вошел, закатывая, как было велено, правый рукав. В дальнем конце рубки стоял Гоз и смотрел в иллюминатор с таким видом, словно ждал прибытия спасательной экспедиции. Стол штурмана был сплошь покрыт комками ваты, мензурками со спиртом и пузырьками с какой-то мутной жидкостью.

— Что это за снадобье, док? — спросил О'Брайен после укола, когда ему разрешили опустить рукав.

— Дуоплексин. Новый антибиотик, его получили в прошлом году в Австралии. Пределы его действия еще не установлены, но это — самое универсальное и самое сильное средство, каким сейчас располагает медицина. Не очень-то приятно пускать в ход такое сомнительное зелье, но в Бенаресе перед стартом мне велели в случае каких-либо неясных симптомов вкатить каждому из вас полную порцию.

— Гуранин говорил, похоже, что у Белова менингит, — заметил штурман.

— Это не менингит.

О'Брайен помешкал еще минуту, но врач заново наполнял шприц и, видимо, не собиравшись вдаваться в дальнейшие объяснения, О'Брайен посмотрел на неподвижную спину капитана Гоэа и сказал:

— А как со снимками? Еще не проявлены? Хотелось бы поглядеть.

Капитан отвернулся от иллюминатора и, заложив руки за спину, прошелся по рубке.

— Скафандр и все снаряжение Белова тоже с ним в карантине,— негромко ответил он.— Так распорядился доктор.

— А-а. Вот это жаль.— О'Брайен понимал, что пора уходить, но любопытство взяло верх. Эти двое чем-то очень встревожены.— Белов сказал мне тогда по радио, что марсиане явно были гуманоидами. Поразительно, правда? Жизнь развивалась тем же путем, подумать только!

Шнейдер осторожно опустил шприц.

— Тот же путь развития,— пробормотал он.— Та же эволюция и та же патология. Хотя тут нет полного сходства ни с одной болезнью, вызываемой земными микробами. Но восприимчивость такая же. Это ясно.

— То есть, по-твоему, Белов подцепил какую-то марсианскую болезнь? — изумился О'Брайен.— Но этот город такой старый! Ни один микроб не может существовать столько времени!

Маленький толстенький Шнейдер решительно выпрямился.

— С чего ты взял? И на Земле известны несколько видов, которые могли бы продержаться. А уж споры — сколько угодно.

— Но если Белов...

— Довольно,— прервал капитан.— Вам не следует думать вслух, доктор. И вы держите язык за зубами, О'Брайен, пока мы не решили довести это до всеобщего сведения. Следующий! — вызвал он.

Вошел Том Смейзерс.

— Послушай, док,— сказал он.— Может, это и не велика важность, но у меня что-то трещит голова, сроду так не трещала.

Остальные трое переглянулись. Шнейдер невинно, вполголоса выругался, выхватил из нагрудного кармана градусник и сунул в рот Смейзерсу.

О'Брайен перевел дух и вышел.

Вечером всем было велено собраться в столовой, она же спальня. Шнейдер встал на стол, вытер ладони о джемпер; лицо у него было усталое.

— Вот что, люди хорошие,— начал он.— Николай Белов и Том Смейзерс больны, Белов — тяжело. Симптомы такие: небольшая головная боль и жар, то и другое быстро усиливается, появляются резкие боли в спине и суставах. Это — первая стадия. Сейчас на этой стадии находится Смейзерс. А Белов...

Никто не вымолвил ни слова. Все сидели вокруг непринужденно, словно бы просто отдыхая, и слушали. Гуранин и Лятинский подняли головы от шахматной доски с таким видом, словно из одной только вежливости вынуждены слушать какие-то пустяки, не идущие ни в какое сравнение с их неоконченной партией. Но когда Гуранин, двинув локтем, уронил своего короля, ни тот, ни другой его не подняли.

— Что до Белова,— чуть помолчав, продолжал врач,— у него теперь вторая стадия болезни. Для нее характерны внезапные скачки температуры, бред, нарушение всех функций организма — это, разумеется, означает, что поражена нервная система. Весь организм настолько выведен из равновесия, что разладилась даже перистальтика, и поддерживать его приходится внутривенными вливаниями. Сегодня же вечером мы устроим наглядный урок внутривенного питания, чтобы каждый из вас мог сделать укол больному. На всякий случай.

Гопкинс, радист, сидевший напротив О'Брайена, беззвучно ахнул.

— Теперь так. Чем они больны, я не знаю — и это, в сущности, все, что я могу вам сказать. В одном я уверен: это не земная болезнь, хотя бы уже потому, что никогда я не сталкивался с таким коротким инкубационным периодом и с таким молниеносным развитием. Видимо, Белов подхватил эту болезнь в марсианском городе и занес на корабль. Я понятия не имею, насколько она опасна, хотя в подобных случаях следует приготовиться к худшему. Сейчас у меня одна надежда: эти двое свалились прежде, чем я успел ввести им дуоплексин. Всем остальным — и себе в том числе — я сделал укол. Вот и все. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Ледно,— сказал доктор Шнейдер.— Хочу вас предупредить, хотя в наших условиях это, пожалуй, даже излишне: каждый, у кого заболит голова — все равно, виски ломит, или затылок, или еще что,— обязан немедленно явиться в изолятор. Очевидно, эта штука чрезвычайно заразительна. А теперь придвиньтесь поближе, я покажу, как делать внутривенные вливания. Капитан Гоз, разрешите продемонстрировать на вас.

Он провел наглядный урок, потом все практиковались, делая уколы друг другу, а доктор Шнейдер придирчиво следил за ними; наконец он собрал свое снаряжение, остро пахнущее дезинфекцией, и объявил:

— Ладно, этого достаточно. В случае чего справимся. Спокойной ночи всем.

Он шагнул к выходу. Но вдруг остановился. Обернулся и обвел всех медленным, испытующим взглядом.

— О'Брайен,— сказал он наконец,— пойдём-ка.

Что ж, думал штурман, послушно следуя за врачом, по крайней мере счет сравнялся. Один русский и один американец. Хоть бы так оно и осталось!

Шнейдер на ходу заглянул в изолятор и кивнул, видимо, найдя то, чего и ждал.

— У Смейзерса уже вторая стадия,— заметил он.— Быстро же действует этот микроб, черт его дер! Видно, мы для него — благодарнейшая почва!

— Ты хоть догадываешься, что это такое? — спросил О'Брайен; как ни странно, он еле поспевал за маленьким Шнейдером, уж очень стремительно тот шагал.

— Гм... Я сегодня два часа просидел над микроскопом. Никаких признаков. Я приготовил кучу мазков — кровь, спинномозговая жидкость, мокрота, взял уйму всяких проб, у меня там целая полка пробирок. Это все пригодится врачам на Земле, если мы... ну, ладно. Понимаешь, это может быть фильтрующий вирус, либо какая-то бацилла, которая видна, только если ее как-то специально окрасить, да мало ли еще что. В лучшем случае я ее обнаружу, противоядие мы изготовить не успеем.

Все еще держась на несколько шагов впереди О'Брайена, Шнейдер вошел в рубку, посторонился, потом, к недоумению штурмана, запер за ним дверь.

— Что-то ты чересчур приуныл, док,— сказал О'Брайен.— У нас ведь есть белые мыши, на которых мы собирались проверять марсианскую атмосферу, если бы она тут все-таки оказалась,— может, воспользоваться ими как подопытными животными и попробовать изготовить вакцину?

Доктор Шнейдер невесело усмехнулся:

— За двадцать четыре часа. Как в кино. Нет, если бы я хотел выкинуть такой фортель, а я и в самом деле хотел, теперь об этом и думать нечего.

— То есть... что значит — теперь?

Шнейдер осторожно сел, положил свою докторскую сумку на стол подле себя. Усмехнулся.

— У тебя нет аспирина, Прес?

О'Брайен машинально сунул руку в карман джемпера.

— При себе нету, но, кажется... — и тут он понял. У него холодило внутри.— Когда это началось? — тихо спросил он.

— Наверно, к концу лекции, которую я вам там читал про уколы, но я был слишком занят и не обратил внимания. Почувствовал только когда выходил из столовой. А сейчас голова раскалывается. Не подходи! — крикнул он, когда О'Брайен, полный сочувствия, двинулся к нему. — Толку от этого, вероятно, не будет, а все-таки держись подальше. Может, выиграешь немножко времени.

— Позвать капитана?

— Если б он был мне нужен, я бы его и позвал. Через пять минут я лягу в изолятор. А пока что хочу передать тебе мои полномочия.

— Пол-но-мочия? Так это ты... ты и есть...

Доктор Элвин Шнейдер кивнул. И продолжал по-английски:

— Я — офицер нашей военной разведки. Вернее сказать, был офицером. С этой минуты офицер — ты. Слушай, Прес, у меня каждая минута на счету. Могу сказать тебе одно. Допустим, что через неделю кто-нибудь из нас еще останется в живых. И, допустим, решено будет попробовать вернуться на Землю (а это — риск заразить всю планету, чего я лично, кстати сказать, не советовал бы, для этого у меня уже есть вполне ощутимые основания). Так вот, в этом случае ты будешь молчать о своем чине и звании, как я молчал о своем, а если нельзя будет избежать стычки с русскими, объявись при помощи условной фразы, ты ее знаешь.

— «Обстрелян форт Самтер», — медленно произнес О'Брайен.

Он все еще не освоился с мыслью, что Шнейдер и есть офицер военной разведки. Ну, понятно, это мог быть любой из семейных американцев. Но Шнейдер!

— Правильно. Если вам удастся завладеть кораблем, постарайтесь сесть в Калифорнии, в Уайт Сандсе, где мы проходили тренировку. Объясни тамошним властям, при каких обстоятельствах я передал тебе свои полномочия. Вот почти и все; еще только два слова. Если ты тоже заболеешь, хорошенько подумай, кому передать бразды правления... я сейчас предпочитаю ограничиться тобой. И второе... может быть, я и ошибаюсь... но мне кажется, у русских ту же роль играет Федор Гурагин.

— Ясно, — и только тут до О'Брайена по-настоящему дошло: — Но ведь ты говорил, что впрыснул себе дуоплексин. Значит...

Шнейдер поднялся, кулаком потер лоб.

— Боюсь, что так. Вот почему вся эта церемония довольно бессмысленна. Но у меня были обязанности, я должен был передать их другому. Я и передал. А теперь извини, я лягу. Желаю удачи.

О'Брайен пошел к капитану доложить о болезни Шнейдера;

теперь он понимал, что чувствовали во время обеда русские. Сейчас против шести русских остались пятеро американцев. И за все в ответе он.

Но у каюты капитана, уже взявшись за ручку двери, он пожал плечами. Невелика разница! Как сказал толстяк Шнейдер: «Допустим, что через неделю кто-нибудь из нас еще останется в живых...»

В сущности, международное положение на Земле и все то, чем оно грозит миллиардам людей, их тут больше не касается. Они не могут рисковать занести марсианскую болезнь на Землю, а раз они не вернутся, у них нет почти никакой надежды найти лекарство. Они прикованы к чужой планете, и им остается ждать, пока их одного за другим не скосит недуг, чьи последние жертвы погибли тысячи тысяч лет тому назад.

А все-таки... неприятно быть в меньшинстве.

К утру он уже не был в меньшинстве. За ночь еще двоих русских свалила эта непонятная хворь, которую теперь все называли «болезнью Белова». На ногах остались пятеро американцев против четверых русских, но теперь никто уже не думал о соперничестве.

Гоз предложил столовую (она же спальня) превратить в больницу, а всем здоровым перейти в машинный отсек. И поручил Гуранину наскоро оборудовать перед машинным отсеком камеру для облучения.

— Все, кто ухаживает за больными, должны надевать скафандры, — распорядился он. — Прежде чем вернуться в машинный отсек, всем становиться под лучевой душ наибольшей мощности. Только после этого можно пройти к остальным и снять скафандр. Это не слишком сильное средство и, боюсь, подобными предосторожностями такой страшный вирус не уничтожить, но мы хотя бы не сидим сложа руки.

— А не попробовать ли нам как-то связаться с Землей, капитан? — предложил О'Брайен. — Хотя бы сообщим, что с нами случилось, это пригодится будущим экспедициям. Я знаю, для такой дали у нашего радиопередатчика слишком мала мощность, но нельзя ли смастерить что-то вроде маленькой ракеты и вложить в нее письмо? Может, когда-нибудь ее подберут?

— Я об этом уже думал. Задача очень нелегкая, но, допустим, нам это удалось — где уверенность, что вместе с письмом мы не переправим на Землю и вирус? А при том, какова сейчас обстановка на Земле, думаю, можно не опасаться, что там снарядят новую экспедицию, если мы не вернемся. Вы знаете не хуже меня, что месяцев через восемь — через девять, не больше... — капитан оборвал на полуслове. — У меня немного болит голова, — тихо прибавил он.

Все вскочили — даже те, кто весь день ходил за больными и сейчас прилег отдохнуть.

— Вы уверены? — с отчаянием в голосе спросил Гуракин. — Может быть, это просто...

— Уверен. Что ж, рано или поздно этого не миновать. Думаю, каждый из вас выполнит свой долг и все вы будете работать слаженно. И любой из вас способен меня заменить. Так вот. Если понадобится слово командира, если надо будет принимать какие-то решения, капитаном будет тот из вас, чья фамилия — последняя по алфавиту. Старайтесь то время, что вам еще осталось, жить в мире. Прощайте.

Он повернулся и пошел из машинного отсека в больницу. Безмерная усталость была в его худом смуглом лице и придавала ему странное величие.

В этот вечер к ужину на ногах остались только двое — Престон О'Брайен и Семен Колевич. В каком-то оцепенении они ухаживали за больными, умывали их, перекладывали, делали внутривенные вливания.

Все это лишь вопрос времени. Когда и они свалятся, о них уже никому будет позаботиться.

И все же они добросовестно делали свое дело и старательно подставлялись в скафандрах под лучевой душ, прежде чем вернуться в машинный отсек. Потом у Белова и Смейзерса началась третья стадия болезни — совершенное оцепенение, и штурман отметил это в тетради доктора Шнейдера, под колонками температурных записей, напоминающих биржевой курс в день когда Уолл-стрит особенно лихорадит.

О'Брайен и Колевич молча поужинали. Они всегда были не слишком симпатичны друг другу — и оттого, что теперь они остались только вдвоем, взаимная неприязнь еще усилилась.

После ужина О'Брайен сел к иллюминатору и долго смотрел, как восходят и закатываются в черном небе Марса Фобос и Деймос. За спиной у него Колевич читал Пушкина, пока не уснул.

Наутро О'Брайен нашел своего помощника на больничной койке. У Колевича уже начался бред.

«И остался лишь один», — вспомнил О'Брайен песенку про десять негритят. Что-то будет с нами дальше, друзья, что-то будет дальше?

Он снова принялся за обязанности санитара и поминутно заговаривал сам с собой. Все-таки лучше, чем ничего, черт возьми! Так легче забыть, что ты — единственный человек в здоровом уме на всей этой красной, пыльной и ветреной планете. Так легче забыть, что скоро умрешь. Так легче сохранить какое-то подобие рассудка.

Потому что это конец. Ясно, конец. Ракета рассчитана на экипаж в пятнадцать человек. В случае крайней необходимости ею могли бы управлять всего пятеро. Допустим, двое или трое, носясь взад и вперед как сумасшедшие и проявляя чудеса изобретательности, еще ухитрились бы привести ее на Землю и кое-как посадить, не разбив вдребезги. Но один...

Даже если ему и дальше повезет и «болезнь Белова» не свалит его с ног, с Марса ему не вырваться. Он останется здесь, пока не иссякнут запасы еды и кислорода, и корабль станет для него медленно ржавеющим гробом. А если у него заболит голова — что ж, неизбежная развязка наступит куда быстрее.

Это конец. И ничего тут не поделаешь.

Престон О'Брайен бродил по кораблю, который вдруг сделался огромным и пустым. Он вырос на ранчо, привык к простору и не терпел толчеи. В полете его, точно камешек в башмаке, раздражала необходимость вечно быть на людях, и, однако, теперь это безмерное, последнее одиночество его угнетало. Стоило прилечь — и слились переполненные трибуны в дни бейсбольных матчей или душная, потная толпа в нью-йоркском метро в часы пик. А потом он просыпался — и одиночество снова обрушивалось на него.

Чтобы не сойти с ума, он загружал себя разными мелкими делами. Написал краткую историю экспедиции для несуществующего общедоступного журнала; при помощи электронных вычислителей в рубке составил с десятков вариантов курса для возвращения на Землю; из чистого любопытства — ведь теперь это не имело уже никакого значения — просмотрел личные вещи русских, чтоб узнать, кто из них представляет военную разведку.

Оказалось, это Белов. О'Брайен удивился. Белов ему очень нравился. Впрочем, ведь ему и Шнейдер очень нравился. Так что в конечном счете, видно, наверху тоже что-то соображают.

И вот что странно — оказывается, ему жаль Колевича! Черт возьми, надо было попробовать как-то с ним сблизиться, прежде чем настал конец!

С самого начала они друг друга терпеть не могли. Колевич, наверно, не мог примириться с тем, что старший штурман не он, а О'Брайен, ведь в математике Колевич куда сильнее. А его, О'Брайена, злило, что помощник начисто лишен чувства юмора.

Однажды, когда Гоз упрекнул его за явно недружелюбное отношение к помощнику, О'Брайен воскликнул:

— Ох, вы правы, и мне, наверно, следует покаяться. Но я же ничего такого не чувствую к другим русским. Я с ними со всеми отлично лажу. Вот только этого Колевича я охотно бы стукнул как следует — он меня, признаться, здорово раздражает.

Капитан вздохнул:

— Неужели вы не видите, откуда идет эта неприязнь? Вы на опыте убеждаетесь, что русские члены экипажа — вполне порядочные люди и с ними прекрасно можно ладить, но этого, видите ли, не может быть: вам доподлинно известно, что русские — звери и их надо истребить всех до единого. И вот все страхи, досаду, гнев, все, что, как вам кажется, вы должны бы испытывать по отношению ко всем русским, вы обращаете на одного. Он один становится для вас воплощением зла, козлом отпущения за целый народ, и вы изливаете на Семена Колевича всю ненависть, которую хотели бы обратить на других русских, но не можете, ибо вы человек чуткий и разумный и видите, что они — хорошие, славные люди.

— У нас на корабле каждый кого-нибудь да ненавидит, — продолжал Гоз. — И всем кажется, что у них есть для этого веские причины. Холкинс ненавидит Лятинского, потому что тот будто бы вечно околацивается у радиорубки и что-то вынюхивает. Гуранин ненавидит доктора Шнейдера, а за что, — понять не могу.

— Не согласен. Колевич из кожи вон лезет, лишь бы мне досадить. Я точно знаю. А Смейзерс? Он ненавидит всех русских. Всех до единого.

— Смейзерс — это случай особый. Боюсь, что он вообще человек обидчивый и не слишком уверенный в себе, а ведь в экспедиции у него положение трудное — он не может забыть, что стоит на последнем месте по коэффициенту умственного развития, и это не способствует душевному равновесию. Вы бы очень ему помогли, если б сошлись с ним поближе. Он был бы рад.

— А-а, — О'Брайен смущенно пожал плечами. — Я не психолог и не филантроп. Сработаться с Томом Смейзерсом я сработался, но все-таки могу переносить его только в небольших дозах.

Вот об этом теперь тоже приходится пожалеть. Он никогда не хвастал тем, что он — самый незаменимый на корабле: и потому, что штурман, и потому, что всех умней и находчивее; всегда был уверен, что почти и не вспоминает об этом. А вот теперь, в беспощадном свете надвигающейся гибели, ясно, что втайне он не слагдался этой своей исключительностью, самодовольно пикился и любовался собой. Сознание своего превосходства всегда было тут как тут, словно уютная пуховая перина, на которой так приятно понежиться. И он нежился постоянно.

Своего рода недуг. Подобно недугу под названием «Гуранин против Шнейдера» или «Смейзерс против всех».

Быть может, подумал О'Брайен, они вовсе не заразились неведомым недугом на Марсе; быть может, они просто привезли его с собой на эту славную, чистую песчаную планету — недуг,

который можно назвать Болезнью Человечества,— и вот он их убивает, потому что здесь для него нет другой пищи.

О'Брайен встряхнулся.

Надо поосторожнее. Этак и спать недолго.

— Лучше уж буду опять разговаривать сам с собой. Как поживаешь, приятель? Как самочувствие, недурно? Голова не болит? Ничего не ломит, не ноет, и усталости не чувствуешь? Тогда ты, верно, уже помер, милый друг!

Среди дня, войдя в больницу, он понял, что у Белова болезнь, видимо, перешла в четвертую стадию. Смейзерс и Гоз еще лежали без сознания, но геолог очнулся. Он беспокойно поворачивал голову то вправо, то влево, и взгляд его широко раскрытых глаз был непонятен и страшен.

— Как вы себя чувствуете, Николай?

Никакого ответа. Голова медленно повернулась — Белов смотрел на него в упор. О'Брайен содрогнулся. Прямо крозь стынет в жилах, когда на тебя так смотрят, думал он потом, в машинном отсеке, снимая скафандр.

Может, на этом все и кончится? Может, от болезни Белова не умирают? По словам Шнейдера, она поражает нервную систему — так что, может быть, человек просто теряет разум.

— Весело,— бормотал О'Брайен.— Очень весело...

Он поел и подошел к иллюминатору. В глаза ему бросилась пирамидка, установленная ими в первый день,— больше не на что смотреть в этой однообразной холмистой пустыне, по которой ветер гоняет клубы пыли. «Первая экспедиция Земля — Марс. Во имя жизни человечества».

Зря Гоз поторопился поставить этот памятник. Надпись надо бы переделать. «Первая и последняя экспедиция Земля — Марс. В память человечества, которого больше нет — ни здесь, ни на Земле». Так было бы вернее.

Дальнейшее ясно и понятно: экспедиция не вернется, от нее не будет никаких вестей.

И экспедиция во имя мира станет поводом к войне.

— Гоз наверняка оценил бы такую иронию судьбы... — с кривой усмешкой сказал себе О'Брайен.

Позади что-то звякнуло. Он обернулся.

Чашка с блюдцем, не прибранные после обеда, плавали в воздухе! О'Брайен зажмурился, потом медленно открыл глаза. Да, все правильно, чашка с блюдцем летают по воздуху! Словно бы неспешно, лениво вальсируют. Изредка чуть касаются друг друга, будто целуясь, и снова расходятся. И вдруг они опустились на стол, раз-другой легонько подскочили, как мячики, и затихли.

Может быть, сам того не заметив, он тоже подхватил болезнь

Белова? Вдруг бывает и так, что без головных болей, без скачков температуры сразу наступает последняя стадия — галлюцинации?

Из больницы донеслись какие-то странные звуки, и О'Брайен, даже не подумав натянуть скафандр, кинулся туда.

Несколько одеял плясали в воздухе, точъ в точъ как перед тем чашка с блюдцем. Кружились, словно подхваченные вихрем. Он смотрел ошарашенный, не помня себя, а тем временем в воздух взмыла еще какая-то мелочь — градусник, коробка, пара брюк.

А больные тихо лежали на койках. Смейзерс, видно, тоже достиг четвертой стадии. Так же беспокойно перекачивается голова на подушке и тот же непонятный, леденящий душу взгляд.

А потом О'Брайен обернулся и увидел, что койка Белова пуста! Что случилось — он поднялся в бреду и, не сознавая, что делает, поплелся куда-то? Или ему стало лучше? Куда он девался?

О'Брайен стал тщательно обыскивать корабль, опять и опять окликая русского по имени. Переходя из отсека в отсек, добрался наконец до рубки. Но и здесь было пусто. Где же Белов?

Растерянно кружа по тесной рубке, О'Брайен нечаянно глянул в иллюминатор. И там, снаружи, увидел Белова. Без скафандра!

Невозможно, немыслимо! Ничем не защищенному человеку и минуты не прожить на мертвом, голом Марсе, здесь ничем дышать! И, однако, Николай Белов шел по песку беззаботно, как по Невскому проспекту. А потом очертания его фигуры странно расплылись — и он исчез.

— Белов! — во все горло заорал О'Брайен. — Да что же это, господа! Белов! Белов!!

— Он пошел осмотреть марсианский город, — раздался голос за спиной у О'Брайена. — Он скоро вернется.

Штурман круто обернулся. Никого. Ну, ясно: совсем спятил...

— Нет, нет, — успокоил тот же голос.

И прямо из пола, будто он прошел не сквозь плотную сталь, а сквозь туман, неторопливо поднялся Том Смейзерс.

— Что с вами со всеми происходит? — ахнул О'Брайен. — Что все это значит?

— Пятая стадия «болезни Белова». И последняя. Пока что ее достигли только мы с Беловым, для остальных она наступает сейчас.

О'Брайен ошупью добрался до кресла и сел. Пошевелил губами, но не мог выговорить ни слова.

— Ты думаешь, от «болезни Белова» мы становимся какими-то кудесниками, — сказал Смейзерс. — Не в том дело. Прежде всего это вовсе не болезнь.

Впервые Смейзерс посмотрел ему прямо в глаза — и О'Брайен невольно отвел свои. То был не просто страшный, пугающий

взгляд, каким Смейзерс прежде посмотрел на него с больничной койки. Было так, словно... словно это вовсе и не Смейзерс. А кто-то непонятный, неведомый.

— Так вот, всему причиной микроб, но не паразитирующий в организме. А сосуществующий с ним. Это симбиоз.

— Симбиоз?..

— Этот микроб вроде кишечной флоры — он полезен. Необыкновенно полезен.

О'Брайену почудилось, что Смейзерс с трудом находит нужные слова, подбирает их так старательно, будто... будто... будто говорит с малым ребенком, несмышленишем!

— Да, верно, — сказал Смейзерс. — Но я постараюсь тебе объяснить. Микроб «болезни Белова» гнезвился в нервной системе марсиан, как кишечные бактерии гнездятся у нас в желудке и кишечнике. И те и другие — микробы симбиотические, и те и другие помогают организму, в котором существуют, повышают его жизнедеятельность. Микроб Белова действует внутри нас как своего рода нервный трансформатор, он почти в тысячу раз умножает духовную мощь.

— То есть, ты стал в тысячу раз умней прежнего?

Смейзерс сдвинул брови.

— Трудно объяснить. Да, если угодно, в тысячу раз умней. На самом деле в тысячу раз возрастают все духовные силы и способности. Разум — только одна из них. Есть еще много других, например, способности к передаче мыслей и преодолению пространства, которые прежде были так ничтожны, что оставались почти незамеченными. Вот, к примеру, где бы ни был Белов, мы с ним непрерывно общаемся. Он почти полностью владеет окружающей средой, так что она не может физически ему повредить. Чашка, одеяла и все прочее, что так напугало тебя, летали по воздуху, когда мы стали делать первые опыты с нашими новыми способностями. Нам еще предстоит ко многому привыкнуть.

— Но... но... — в голове у О'Брайена была такая сумятица, что он насилу ухватился за какую-то отчетливую мысль: — но все вы были так тяжело больны!

— Этот симбиоз устанавливается не так-то легко, — согласился Смейзерс. — И человеческий организм не в точности таков, как марсианский. Но теперь все это позади. Мы возвратимся на Землю, распространим там болезнь Белова — если хочешь и дальше так это называть — и займемся исследованием времени и пространства. Хотелось бы в конце концов разыскать марсиан там... в том месте, куда они переселились.

— И тогда пойдут уж такие войны, каких мы и в страшных снах не видали!

Тот, кто был прежде помощником инженера Томом Смейзерсом, покачал головой:

— Войн больше не будет. Среди тысячекратно возросших духовных способностей есть одна, которая связана с тем, что можно назвать нравственными понятиями. Мы, те, кто прилетел сюда, в силах предотвратить любую готовую сейчас разразиться войну — и предотвратили бы; но когда нервная система жителей Земли соприкоснется с микробом Белова, всякая опасность минет безвозвратно. Нет, войн больше не будет.

Молчание. О'Брайен собирается с мыслями.

— Что ж,— говорит он наконец,— не зря мы слетали на Марс, кое-что мы тут нашли, верно? И если мы намерены возвращаться на Землю, я, пожалуй, пойду выверю взаимное положение планет и рассчитаю курс.

И опять это странное выражение в глазах Смейзерса.

— Не нужно, О'Брайен. Мы возвратимся не тем способом, каким прилетели сюда. Мы это сделаем... ну, скажем, быстрее.

— И то ладно,— нетвердым голосом сказал О'Брайен и поднялся.— А пока вы тут разрабатываете все в подробностях, я натяну скафандр и сбегаю в этот самый марсианский город. Я тоже не прочь подхватить болезнь Белова.

Тот, кто был прежде Томом Смейзерсом, что-то пробормотал. О'Брайен остановился, как вкопанный. Он вдруг понял, что означает странный, пугающий взгляд, каким смотрел на него тогда Белов, а теперь Смейзерс.

В этом взгляде была безмерная жалость.

— Да, верно,— необычайно мягко и ласково сказал Смейзерс.— Ты не сможешь заразиться болезнью Белова. У тебя природный иммунитет.

Печатается с сокращениями

Перевела с английского

Нора Галь

Кристофер Энвил

НЕБЫВАЛЫЙ РАСЦВЕТ ИНТЕЛЛЕКТА

Мортон Хоммель, директор фирмы «Витамины и лечебные препараты, Бэннер и К^о», торжественно поставил флакончик с желтоватыми таблетками на стол, за которым восседал старик Самуэль Бэннер, президент компании.

Бэннер подозрительно покосился на флакончик.

— Что это за штуковина, Морт?

— Новый препарат, активизирующий мыслительные способности,— ответил Хоммель с нескрываемой гордостью.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Таблетки стимулируют деятельность головного мозга. Развивают творческие способности, отодвигая грубые физические потребности на второй план.

Бэннер посмотрел на таблетки с большим интересом.

— А сам ты их принимал?

— Нет. Но моя научная группа провела серию тщательных исследований.

— И эти пилюли... помогают?

— Они оказывают весьма и весьма эффективное воздействие.

Откинувшись на спинку стула, Бэннер изучал флакончик.

— Ну что ж, если ты не преувеличиваешь, лекарство будут охотно покупать студенты. А может быть, служащие — адвокаты, врачи, инженеры — все, кому не помешало бы иметь чуть побольше ума. Рынок мог бы стать довольно обширным! Однако я что-то не припомню, чтобы мы изобретали какие-то пилюли для мозгов.

Лицо Хоммеля исказилось, словно от боли.

— Я бы предпочел вести речь о препарате, оказывающем некоторое влияние на функции высшей нервной деятельности.

— Вот я и спрашиваю, как они появились на свет?

— Вы, вероятно, помните проблему парамп...

— Ради бога, Морт, говори понятно нормальному человеку.

Лицо Хоммеля приняло такое выражение, словно он, сидя за рулем грузовика, вдруг увидел, что вместо прямого, как стрела, первоклассного шоссе перед ним возникла дорога в рытвинах и ухабах, да еще и ведущая в гору. Сделав усилие, он произнес:

— Я говорю о стоявшей перед нами проблеме разрыва нервных волокон, не поддававшихся регенерации.

— Это я помню. Ну и что?

— Данный препарат показался нам в этом смысле многообещающим. Мы добивались прежде всего, чтобы он стимулировал рост поврежденного нерва, заставлял концы его срастаться. Опыты на экспериментальных животных давали положительные результаты. Убедившись на сто процентов, что лекарство действует хорошо, мы попробовали его на пациенте, заручившись его согласием. У него наблюдалось явное отсутствие стимула для дальнейшего развития интеллектуальных способностей.

— У него... как ты сказал?

— Наблюдалось явное отсутствие стимула для дальнейшего развития интеллектуальных способностей.

— Он был дурак?

— Мне не хотелось бы утверждать...

— Слушай, Морт, свалка останется свалкой, даже если назвать ее «участком для сбора первичного сырья». Парень был туп? Хоммель задержал дыхание, видимо, чтобы набраться терпения.

— В общем, особым умом не отличался.

— Понятно. Ну, и что же дальше?

— Он был здорово изучен. Основываясь на опыте применения данного средства, мы вполне могли рассчитывать на то, что оно поможет. Но мы ошиблись.

— Больной не выздоравливал?

— Нет.

Бэннер сочувственно покачал головой.

— Ну, а потом?

— Через некоторое время пациент стал удивлять нас своими недюжинными способностями. Он смог, например, детально проанализировать катастрофу, в которой пострадал. Раньше он только сыпал проклятья!

— А что с ним произошло?

— Вел машину в густом потоке транспорта. Сделал неправильный поворот и пытался исправить положение, развернувшись на перекрестке. И врезался в другую машину.

Бэннер слушал как будто безучастно.

— Будучи сам во всем виноват, он считал, что другой водитель обязан ему выплачивать пожизненную пенсию. Но после нескольких доз нашего лекарства стал рассматривать все случившееся совершенно с других позиций.

— Ну что же, может быть, от этих горошин и будет толк,— задумчиво произнес президент компании.— А что было дальше?

— Ничего особенного. Мы продолжали лечение, чтобы просто поставить больного на ноги. Однако он записался в одну из школ и заочно получил среднее образование. Тем временем мы назначили такой же курс лечения еще одному пациенту, и увидели, что если, поступив к нам, он читал «комиксы», то к моменту выписки уже страстно увлекался историей средних веков. Стали подозревать, что тут есть какая-то связь, провели самые тщательные исследования и убедились в том, что применение препарата неизменно вызывает интенсификацию деятельности мозга. Возможность чистого совпадения совершенно исключается.

— Есть ли у этого средства побочные действия?

— Весьма незначительные. У некоторых пациентов появляется сыпь, другие испытывают нечто вроде оцепенения, чувства полной отрешенности. Если прекратить прием таблеток, сыпь проходит через пару дней, оцепенение — через несколько часов. Ни одно из этих осложнений нельзя считать серьезным. Или типичным.

— Ну, а как насчет умственных способностей? Человек перестает принимать таблетки и снова глупеет?

— Некоторый спад действительно наблюдается, но так называемое «остаточное» усиление высшей нервной деятельности не исчезает. Один из наших научных сотрудников сравнил мозг человека с разветвленной сетью путей сообщения: от состояния «дорог», то есть в данном случае — от количества и качества нервных клеток, от их способности передавать возбуждение, — прямо зависит объем «транспорта» — информации, которую эти «дороги» могут пропустить. Благодаря нашему препарату «дорожное строительство» идет ускоренными темпами. Если пациент перестал принимать таблетки, темпы эти снижаются, но «дороги», уже построенные, продолжают функционировать, позволяя «перевозить» по ним достаточное количество знаний.

— Насколько увеличиваются умственные способности? Есть ли какой-то предел восприятия?

— Они увеличиваются вполне ощутимо. Кстати, появление нашего препарата очень своевременно: это ответ на призыв о повышении уровня образования в стране. Многие из наших бывших пациентов вернулись снова к учебе и делают успехи. Значит, наши таблетки как нельзя лучше отвечают требованиям сегодняшнего дня.

Бэннер с сомнением покачал головой.

— На словах все это выглядит прекрасно, Морт. Может быть, оно и в самом деле так. Однако неплохо было бы принять кое-какие меры предосторожности. Продолжайте изучать лекарство: не обнаружили ли вы каких-либо побочных действий, до сих пор не замеченных? Начните работать над средством, вызывающим обратный, мозаичный эффект. Мы должны иметь какой-то антивозбудитель.

— Вы хотите сказать, «препарат тупости»?

— Ну, может быть, не совсем так. Во всяком случае, получить нечто в этом роде необходимо. Кстати, вы подумали о том, как назвать ваше детище? «Умо-активатор»?

— Я предпочел бы более непритязательное название.

— Видимо, придумать его труднее, чем кажется на первый взгляд. Ну что же, давайте производить ваш медикамент.

Новое лекарство появилось на прилавках аптек в сопровождении довольно сдержанной рекламы. Название его даже Хоммелю показалось маловыразительным: «Церебростимулин». Текст инструкции к применению гласил:

«Для умеренной активизации работы головного мозга следует принимать не более шести таблеток в день. Рекомендуются представителям профессий, требующих повышенной затраты умственной энергии. Примечание: если препарат вызывает явления ал-

лергического характера — сыпь на теле, ощущение апатии, — следует снизить дозировку или прекратить прием».

Торговля новым лекарством шла довольно вяло, но вот в один прекрасный день в приложении к воскресной газете появилась сенсационная статейка под заголовком: «Новое лекарство — мощный возбудитель мышления!» Автор утверждал, что наступила революция в управлении психикой человека.

Заметка послужила толчком. О церебростимулине стали говорить по радио, в программу телевидения включили юмористические сценки о применении «мозговых таблеток», служащие веселой разрядкой в нескончаемом потоке сообщений о бедствиях и преступлениях.

Торговля препаратом стала бойкой. Его скрытые возможности быстрее других оценили студенты, которым предстояло за одну ночь закончить полугодовой проект или подготовиться к экзамену. Результаты применения церебростимулина были настолько разительны, что количество проданного препарата росло по закону геометрической прогрессии.

В один прекрасный день среди почты, полученной президентом компании С. Бэннером, оказалось письмо следующего содержания:

«Уважаемый господин президент!

Пишу вам, чтобы отблагодарить за оказанную помощь. Еще за одну ночь до того, как мне предстояло сдать экзамен по немецкому языку за первый семестр, я был не в силах отличить в этом проклятом готическом алфавите одну букву от другой. Однако, проглотив примерно полфлакона ваших таблеток, я засел за учебники, и к тому моменту, когда наше вечное светило вскарабкалось на верхушки деревьев, я уже свободно читал «Хрестоматию немецкой литературы»! Весь я, с головы до ног, покрыт красными пятнами, но это сущая безделица по сравнению с тем, какой я сдал экзамен! Кстати говоря, оказывается, немецкий язык прекрасен и поэтичен!»

Прочитав письмо во второй и третий раз, Бэннер приказал секретарше вызвать Хоммеля и осведомился, как идет работа над антивозбудителем. Тот ответил, что дела идут прекрасно, что у ученых, занятых решением проблемы, возник ряд блестящих идей. Группа провела несколько плодотворных дискуссий, заложивших основы поистине для грандиозных изысканий, которые, видимо, будут иметь место несколько позже. Учитывая размах, наблюдающийся в развитии научной мысли вообще, следует в самом ближайшем будущем ожидать огромного продвижения вперед.

Выслушав эту тираду, Бэннер нахмурился.

— А что у вас сделано конкретно?

— Дело в том, что стоящая перед нами проблема исключительно трудна для разрешения. При ближайшем рассмотрении начинаешь различать в ней массу ответвлений, нюансов, и тому подобных тонкостей. Короче говоря, прежде чем возводить здание, неплохо было бы для начала заложить фундамент.

Бэннер посмотрел на Хоммеля испытующе.

— Ты принимаешь церебростимулин?

— Да, довольно активно, и уже испытал на себе его благотворное влияние.

Бэннер протянул ему письмо:

— Прочти вот это.

Его коллега равнодушно пробежал глазами текст.

— Жаль, что не было этих таблеток, когда мы с тобой учились.

— Я, например, доволен, что их не было,— сухо ответил президент компании.— Итак, для получения антивозбудителя не сделано ровно ничего. А ведь он может оказаться необходимым.

— Мы разработали довольно интересную методологию, которая, я полагаю, поможет решить стоящую перед нами задачу гораздо быстрее, чем если бы мы двигались на ощупь, то есть добивались бы каких-то результатов методом проб и ошибок.

— Ну ладно, продолжайте работу. Но на твоём месте, Морт, я бы так не увлекался этим средством.

— Все мы убедились в полном отсутствии вредных побочных действий. То, что существуют, носят временный характер.

— Знаешь, что меня беспокоит, Морт,— Бэннер перешел на задушевный тон,— мы рекомендуем принимать одну-две таблетки в день, а этот чудак сообщает, что проглотил сразу полбутылки. Кто знает, к чему приведет подобный энтузиазм? Кстати, в нашей фирме был когда-то хороший химик, Пибоди. Он еще работает?

— К сожалению, он в последнее время восстановил против себя весь коллектив.

— Чем? Не глотает наших пилюль?

— Именно.

Сразу после ухода Хоммеля президент компании вызвал Пибоди.

— Говорят, вы невысокого мнения о новом препарате. Хотелось бы знать, почему.

Химик явно смутился.

— Это не совсем так, сэр. Просто я в нем сомневаюсь.

— Вы пробовали принимать таблетки?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Никогда не знаешь заранее, к чему это приведет.

— А что вы думаете о работе по созданию антивозбудителя?

— Думаю, что никто не ведет никакой работы.

— Даже вы сами?

— Я пытался что-нибудь нащупать в этом направлении. Не могу ничем похвастаться.

— А как вам нравятся идеи, выдвинутые по этому поводу?

— Ну что ж, некоторые из них великолепны. Если не считать того, что для их осуществления необходимо заставить все химические лаборатории и факультеты страны работать не покладая рук примерно сотню лет. И потратить миллиард долларов.

— Что же, они настолько нереальные?

Пебоди кивнул.

— Как вы думаете, сколько таблеток в день должен принимать нормальный, средний человек?

— По две таблетки три раза в день, плюс еще две перед сном. Многие глотают еще две-три, на всякий случай.

— И что же — действительно умнеют?

Пебоди поскреб у себя в затылке с видом полной растерянности:

— Наверное. Ручаться не могу.

— Я слышал, что таблетки здорово помогают в учебе. Так ли это?

— Видимо, да. Но ведь учеба когда-то кончается. А человек привыкает к лекарству и не может остановиться.

— Вот поэтому я и считаю: нужно придумать средство обратного воздействия.— Президент произнес последнюю фразу медленно, подчеркивая каждое слово.

— А если такого средства не существует? Если процесс, вызванный нашим медикаментом, необратим?

— Все равно, нужно думать, думать! Только так мы можем изобрести антивозбудитель. Кстати, есть еще один путь.

— Какой?

— Где держит Хоммель свой личный запас церебростимулина? Глаза Пебоди расширились от удивления.

— Наверное, в ящике письменного стола. А что?

— Видите ли, Пебоди, я, конечно, не берусь утверждать, что вы или кто-то другой должны этим заниматься... Неплохо было бы приготовить флакон таблеток, таких же точно по виду и вкусу, но гораздо слабее по воздействию. И поставить их вместо настоящих. Я, разумеется, не могу делать вам подобных предложений. Однако если бы кто-то этим занялся, это принесло бы пользу. Естественно, сначала все нужно продумать!

Пебоди был изумлен. Он открыл рот, чтобы ответить, заклопнул его снова и наконец произнес:

— Да, сэр.

— Пебоди, я всегда любил людей, которые не рассуждают,

а действуют. Кстати, наша фирма давным-давно должна была бы повысить вам зарплату. Да, да, я лично так считаю. Хорошая погода стоит последнее время, не правда ли?

— Да, сэр.

— И вообще я не понимаю, на кой черт им жрать столько пилуль? Что они, соревнуются, кто больше поумнеет?

— Они с каждым днем все больше разглагольствуют.

— Вот, вот. Я всегда подозревал, что лекарство, кроме пользы, приносит вред. Ну что ж, продумайте все то, о чем мы с вами говорили. Чем больше народа будет работать над анти-возбудителем, тем лучше.

Дверь за Пибоди закрылась плотно и бесшумно.

Время шло. Количество церебро-стимулина, проданного аптеками, достигло рекордных показателей.

В один прекрасный день Хоммель признался своему шефу, что его организм, видимо, достиг «предела насыщения»: препарат перестал на него воздействовать. Пибоди тут же получил повышение по службе. Через неделю Хоммель доложил, что целый ряд талантливых специалистов фирмы достигли того же предела. Пибоди получил денежную премию.

Время от времени президент в присутствии сотрудников фирмы размышлял вслух на тему о том, что, видимо, работа в лабораториях, где производят препарат, оказывает вредное влияние на организм.

Хоммель ухватился за эту мысль, видя в ней возможное объяснение происходящему, и решил вплотную заняться поисками анти-возбудителя: должны же они были когда-то начаться. Никто не представлял себе, как претворить в жизнь грандиозные теоретические планы директора фирмы, поэтому исследования не сдвинулись с мертвой точки.

— Что нам мешает? — изрек однажды Хоммель, сидя в кабинете шефа. — Существует такое множество интересных, я бы даже сказал, волнующих возможностей выбрать какой-то один путь подхода к данной проблеме, что мы просто не знаем, с чего начать.

— В таком случае, — ответил президент, — начните хоть с чего-нибудь.

— Некоторые методы, гарантирующие, с моей точки зрения, полный успех, потребуют слишком большой затраты материальных средств.

— Отбросьте их к чертовой матери.

Хоммель долго не отвечал. — А ведь верно, — вымолвил он наконец. — В этом что-то есть.

Оставшись в кабинете один, Бэннер долго сидел в глубокой задумчивости.

— Если это называется стимуляцией умственной деятельности,— произнес он наконец,— будем надеяться, что ее не надолго хватит.

Прошло еще какое-то время.

Работа над антивозбудителем шла с переменным успехом: открытия чередовались с полными провалами, словно в деятельность людей вмешивались злые духи.

Президент то и дело возвращался к разговору о том, что необходимо приготовиться к осложнениям, которые, весьма возможно, возникнут в недалеком будущем. Ни один из руководителей фирмы и слышать об этом не хотел; слишком велик был энтузиазм по поводу продажи все новых партий церебростимулина.

А между тем колледжи и университеты страны выпускали все большее количество «образованных» людей. Сотни и тысячи студентов последнего курса неумолимо приближались к торжественному моменту получения диплома. Газеты без устали повторяли, что наступил «золотой век», век всеобщей интеллигентности, век просвещения.

Однажды у президента компании сломался личный автомобиль. Вернувшись из деловой поездки, он убедился в том, что сделанный в его отсутствие ремонт не дал никаких результатов. Договорившись с мастерской о повторном осмотре, он пригласил с собой директора.

— Единственно, что от них требуется,— сказал он, садясь в машину,— это отрегулировать карбюратор. Много времени на это не уйдет: пока мы будем обедать, машину приведут в порядок. Я бы занялся ею сам, но они успели ее настолько «кусовершенствовать», что когда я заглядываю под капот, мне делается плохо.

Он сел за руль и открыл дверцу для Хоммеля: тот с некоторым пор стал больше походить на самого себя. Директор сел и захлопнул дверцу, президент включил зажигание. Машина зафыркала, закашляла, потом двинулась вперед рывками и толчками, изрыгая клубы густого, черного дыма. Так, являя собой нечто похожее на огромную масляную коптылку, она и катилась по шоссе.

Поездка в город мало была похожа на увеселительную прогулку: машина чихала, дергалась из стороны в сторону. Наконец, дорогу ей преградил автомобиль дорожной инспекции.

— Сознаете ли вы,— спросил, нагибаясь к окошку, полицейский,— что ваша колесница представляет собой серьезный источник загрязнения окружающей среды?

— Сознаю, сержант,— ответил Бэннер виновато,— но мне уже назначено время в ремонтной мастерской, я как раз туда и спешу.

— Отдаете ли вы себе отчет в том,— продолжала полицейский,— что машину важно не только купить, но и содержать в полном порядке?

— Да, сержант,— ответил Бэннер покорно.

Распрямившись во весь рост, полицейский продолжал:

— Когда я смотрю на нескончаемый поток транспорта, несущегося по шоссе, мне кажется, что у машин нет ни корпуса, ни колес, ни сидений, что каждая состоит только из двигателя и выхлопной трубы. Я понимаю, что это не так, но факт остается фактом: самой характерной, неотъемлемой частью автомобиля остается его способность отравлять атмосферу. Одна «легковая» сменяется другой, и у каждой источник осквернения воздуха скрыт под внешней, очень эффектной, я бы сказал, оболочкой. К сожалению, именно этот способ индивидуальной транспортировки людей вот уже десятки лет оказывает вредное влияние на окружающую нас природу,— и знаете ли вы, что в этом явлении самое пагубное? То, что с ним никто не борется! Невольно призадумываешься над тем, сколько еще разных феноменов, спрятанных под яркой оболочкой, служит первопричиной разных неприятностей!

Бэннер открыл рот, но сказать ничего не успел.

— Несколько дней назад,— продолжал инспектор,— в связи с необходимостью овладения некоторыми дополнениями к Уставу и, так сказать, в целях обеспечения соответствующего уровня психической восприимчивости, я принял весьма значительную порцию популярных сейчас таблеток. И— можете себе представить? Начал задумываться над различными вещами, о которых раньше читал или слышал, но не догадывался о связи их между собой. Знаете ли вы, джентльмены, что цивилизация Древнего Рима могла погибнуть всего лишь от того, что водопроводные трубы там изготавливались из свинца? А ведь свинец оказывает очень вредное влияние на питьевую воду. Далее. Задумывались ли вы над тем, что в наши дни горючее сплошь и рядом содержит свинцовые соединения? И что, возможно, наш воздух будет так же заражен вредоносными частицами, как была заражена вода древних римлян?

Тяжело вздохнув, инспектор перевел взгляд на «колесницу».

— Немедленно устраните все неполадки. Если я еще раз увижу вашу машину в таком же состоянии, я буду вынужден наложить штраф.

— Слушаюсь, сержант.

Инспектор взял под козырек и отошел; Бэннер включил зажигание.

— Чувствуешь, Морт? Наши пилюли действуют всюю.

— Еще как! Интересно, есть ли хоть доля истины в том, что он тут излагал?

— Не знаю. Зато мимо пронесся «Форд», явно превышая скорость, а он и ухом не повел.

Президент и директор въехали в город и уже издали заметили, что все подъездные пути к фирме, продающей и ремонтирующей автомобили, забиты транспортом. Кое-как удалось пристроиться на участке комиссионной торговли. Настроение сразу испортилось.

— Сдается мне,— пробормотал Бэннер,— что работы у них скопилось месяца на три вперед.

Идя меж рядами выставленных на продажу машин, Бэннер и Хоммель невольно подслушали разговор продавца с одним из покупателей.

— Есть еще одна вещь, о которой вы, возможно, не знаете, да и я не знал бы, не займись я этим вопросом специально, а именно: специфика работы тормоза.

— Послушайте, но мне нужно всего лишь...

— Дело тут вот в чем. Чаще всего считают, что электротормоза приводятся в действие электричеством. В самом же деле...

Покупатель, видимо, не просто нервничал. Он, что называется, закипал.

Бэннер распахнул дверь зала «Выставка-продажа» и мимо группы продавцов, стоявших у одной из новеньких машин, прошел в небольшой холл, ведущий в гараж. Вслед ему и Хоммелю несло:

— И когда она это сделала, он лишился всяких прав.

— Еще был То же самое было на судебном процессе между Шлюмбергергом и Мэлройдом.

— Нет, не то же самое. Там решение суда было просто несправедливым.

— Ах, вот оно что. А как ты считавшь, Фил?

— Я воздержусь от высказываний, поскольку недостаточно знаком с обстоятельствами дела. В свое время я считал приговор несправедливым, но потом обнаружил много сопутствующих обстоятельств. Все дело в том, как верховный суд...

Открыв еще одну дверь, коллеги попали в отдел, где продавали запчасти. На ходу они успели заметить нераспечатанную почту, сваленную на стуле, и наконец оказались в гараже.

При виде представшей пред ними картины оба лишились дара речи. Помещение было забито машинами с поднятыми вверх капотами. Механики, удобно устроившись за верстаком, с которого предварительно были сброшены на пол инструменты, писали что-то

с лихорадочной поспешностью. Пройдясь за спинами парней, вытянув шею, Бэннер увидел, что все они решают какие-то примеры из одинаковых задачникков. Заполнив страницу столбцами цифр, каждый парень бросал ее на ворох таких же исписанных страниц и брал чистую. В конце верстака ждали своей очереди кипы нераспечатанной писчей бумаги, по пятьсот листов в каждой.

Из-за перегородки, где помещался кабинетик заведующего ремонтной мастерской, донесся телефонный звонок. Вежливый мужской голос ответил:

— Конечно! Доставьте машину к нам. Мы займемся ею при первой возможности.

Войдя в кабинетик, Бэннер увидал, что самое почетное место в нем занимает человеческий скелет. Положив трубку, «зав» уткнулся в учебник и забормотал:

— Ключица, лопатка, грудная кость... Рабро. Теменная, затылочная, височная. Грудина. Верхняя челюсть, нижняя челюсть.

Круто повернувшись, Бэннер поманил ошарашенного Хоммеля и пошел назад. Пробравшись сквозь ряды машин в гараже, они миновали холл и вернулись в выставочный зал, где были встречены словами: «Не знаю, был ли это этиловый спирт или эфир», — открыли дверь и вышли снова на участок комиссионной торговли, где увидели все тех же продавца и покупателя. С красным от гнева лицом покупатель кричал:

— Да мне всего лишь нужна машина, чтобы ездить на работу и обратно!

Продавец согласно кивнул.

— Но ведь зная, как она устроена, вам гораздо легче будет выбрать именно ту, которая нужна! А изучение машин — увлекательнейшее занятие. Вас ждет столько интересных открытий. Вот сейчас вам вряд ли придет в голову, что современная система передач, существующая в таком бесконечном разнообразии вариантов, является потомком трансмиссии, изобретенной еще в двадцатые годы...

Разыскав свою машину, Бэннер сел в нее, открыл дверцу для Хоммеля и с большим трудом вывел мотор из состояния клинической смерти.

— Будем надеяться, Морт, что эта картина не типичная.

— Вот именно.

— Если бы всюду было так, страна давно полетела бы в татарары.

После долгих поисков друзья нашли гараж, где машину обещали починить. Однако единственный механик был перегружен и выполнить заказ срочно не обещал.

События того памятного дня не предвещали ничего хорошего.

Наконец, группа сотрудников, занятых поисками антивозбудителя, начала понимать, насколько он необходим, и проявлять усердие, которым раньше отличался только Пибоди. Однако опять прошло немало времени, прежде чем их усилия увенчались успехом.

— Мне не хотелось бы в этом признаваться,— сказал однажды Хоммель,— но я начинаю думать, что церебростимулин очень помогает в учебе, зато как-то исподволь мешает работе.

— Ты помнишь наш первый разговор, Морт? Ты утверждал тогда, что он «развивает творческие способности». По-моему, он развивает их гораздо сильнее, чем нужно.

— Да, но где же выход?

— Я давно тебе говорю: нужно получить антивозбудитель.

День проходил за днем, и события тоже не стояли на месте. Однажды ясным утром, когда Бэннер и Хоммель мчались в машине по шоссе, их чуть не сшиб грузовик, водитель которого изучал какой-то текст, не снижая скорости. Через несколько минут коллеги увидели трактор на пахотном поле: фермер читал книгу, укрепленную на руле. Трактор налетел на столб электропередачи, фермер вылетел из кабины. Даже не отряхнувшись, он разыскал книгу и снова принялся читать.

Увидев автомобиль, у которого, видимо, продырявилась шина, Бэннер затормозил. Хоммель показал на обочину шоссе, где трое мужчин, стоя у раскрытого багажника, вяло и неторопливо спорили.

— Да нет же,— говорил один.— Я уверен, что совершенно необходимо сначала поднять машину домкратом.

— Ты хочешь сказать, подвести под нее домкрат и изменить уровень корпуса.

— Может быть, я и допустил некоторую неточность в терминологии, но...

— Оба вы говорите ерунду,— перебил его третий,— существенной предпосылкой ремонта в данном случае является удаление зажимающих шину винтов. Но ведь все дело в том, что давление, оказываемое весом автомобиля, этому препятствует. Кроме того, вращение колеса...

— Да, да, этого мы совсем не учли! Колеса размещены по разные стороны оси, они как бы вращаются независимо друг от друга, поэтому для предотвращения инерционного расшатывания скрепляющих деталей направления винтовой нарезки на колесах, противостоящих друг другу, совершенно не случайно — в противоположном направлении. Следовательно, чтобы успешно удалить колпак и снять шину, следует вращать отвертку в правильном направлении. Но ведь винтовая нарезка расположена за пределами

зрительного восприятия! Другими словами, она невидима для человеческого глаза!

— Именно в этом дело! Как же определить ее направление?

В окне машины показалось лицо женщины, покрытое бисеринками пота.

— Скорее же, ради бога. У меня схватки.

Один из споривших медленно, словно нехотя, достал из багажника домкрат и стоял, задумчиво глядя на него.

— Жаль, мы не захватили инструкцию, в ней был бы ответ на этот вопрос.

Женщина снова высунулась из окна.

— Скорее, скорее!

— Не мешай. Мы решаем сложную проблему.

Мужчина, державший домкрат, прислонил его к бамперу, и все трое, присев на корточки, стали чертить диаграммы на песке.

Ни президенту компании, ни директору уже много лет не приходилось менять автомобильные шины. Но вынести подобного зрелища они не могли.

Не спрашивая разрешения, Бэннер схватил домкрат и укрепил его под задним бампером. Разыскав в багажнике комбинированный ключ, Хоммель снял колпак и расслабил колеса. Бэннер приподнял машину домкратом, Хоммель снял колесо и с него покрышку, взял из рук Бэннера новую. Бэннер швырнул в багажник вышедшую из строя, Хоммель вколотил покрышку на место, Бэннер опустил домкрат, Бэннер положил его в багажник, Хоммель бросил туда же ключ, и оба стряхнули пыль с рук.

Трое родственников смотрели, широко раскрыв глаза. Достав флакончик с желтоватыми таблетками, один из них отправил в рот сразу несколько штук.

— А что, если вам придется проделать это еще раз? — спросил он. — Я не уверен, что точно запомнил все необходимые манипуляции.

Женщина опять показалась в окне. Она уже не говорила ничего, только стонала.

Машина скрылась за поворотом, а Бэннер и Хоммель все еще смотрели ей вслед.

— Слушай, Морт, как продвигается работа над антивозбудителем? — спросил президент.

Вид у директора был подавленный.

— Трудно что-нибудь сказать. Певоди, кажется, ближе всех подошел к решению задачи. Однако он изобретает не совсем то, что нужно.

— Неважно. Главное, изобрести хоть что-нибудь. И как можно быстрее: иначе изобретение будет бесполезным.

Прошло еще несколько недель. Медленно, но верно общая расхлябанность в сфере производства достигла катастрофических размеров. Не было самого необходимого. Однако печать, радио и телевидение не уделяли этому никакого внимания: средства воздействия на общественное мнение были заняты другими, более сложными теоретическими изысканиями. В частности, дебатировался вопрос о том, каким образом следует проводить так называемое «дифференцированное голосование», сколько бюллетеней имеет право опускать каждый избиратель в соответствии с его интеллектуальным уровнем? Дела в том, что чем большее количество очков засчитывалось ему за «уровень», тем большим количеством голосов он располагал. Все телепрограммы передавали «дискуссию века», посвященную голосованию. Самую оживленную полемику вызвал вопрос о том, сколько очков присуждать за публикации в официальной прессе. Ни один человек не посмел возразить против основных принципов дискуссии, дабы не прослыть «недоучкой». Это значило навлечь на себя серьезные неприятности: на «недоучку» смотрели как на человека, по крайней мере дважды отсидевшего в тюрьме за ограбление бензоколонки или бакалейной лавки.

В то время как кривая потребления церебростимулина упрямо ползла вверх, на территории страны возникали здания все новых университетов и колледжей, а трансляционная сеть посвящала слушателей во все новые споры и дебаты, в это же самое время производство средств потребления приближалось к нулю. Наконец, в один прекрасный момент в кабинет Бэннера вошли Хоммель и Пабоди.

— Антивозбудитель готов. В некотором роде это средство отупления, но во всяком случае эффективное.

Бэннер добился того, что новое лекарство стало известно покупателям почти сразу после выпуска первой партии. Разрекламированное как «активин — средство для повышения работоспособности, способствующее полезной практической деятельности», оно продавалось оптом и в розницу, по весьма скромной цене и в оригинальной упаковке: баллончик, имитирующий игрушечный пистолет, позволял впрыскивать лекарство прямо в носоглотку.

— Объясни мне ради бога, — спросил однажды Хоммель, — почему мы не можем продавать препарат в виде обычных таблеток?

— Потому что никто не собирается расхватывать его, как горячие пирожки, — ответил Бэннер. — Подумай сам, на кой черт интеллектуалу заниматься «полезной практической деятельностью»!

А наш церебростимулин превратил всех нормальных людей в сто-процентных интеллектуалов.

— Да, ты прав. Нужна другая форма подачи. Однако...

Бэннер не стал слушать.

— Продать его удастся не так уж много. Значит, нужно добиться максимального результата.

Он взял в руки лежавший на столе пистолетик сиреневого цвета, с этикеткой на рукоятке, направил его на противоположную стену и нажал курок. Жидкость с шипением вырвалась из дула, на стене образовалось овальное влажное пятно.

— Когда в чем-то сомневаешься,— продолжал Бэннер, видя что Хоммель настроен довольно скептически,— положиись на особенности человеческой натуры. Натуры среднего, обычного человека, со всеми его достоинствами и недостатками. Помни, что всегда найдутся такие, с которыми не смогла ничего сделать ни школа, ни церебростимулин.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Во дворе раздался треск выхлопной трубы и визг тормозов. Выглянув в окно, Бэннер увидел грузовик с надписью «Ремонт водопровода и канализации». Трое мужчин в комбинезонах прыгнули на землю, выгрузили оборудование для электросварки, помпу, бухту проволоки, чемодан с инструментом и направились к парадному подъезду.

— Наконец-то. Труба засорилась уже месяца три назад.

— Но я все еще не вижу, какая связь...— пробормотал Хоммель.

Через раскрытое окно в вестибюле первого этажа донесся грубый, хриплый бас:

— Где ваша чертова труба? Мы что, весь день здесь вала-даться будем? Нет, ты погляди на этих...

Раздалось знакомое шипение жидкости, вырывающейся из пистолета. Хоммель посмотрел на Бэннера, на такой же «ингалятор» у него на столе.

— Ну что ж,— заметил Бэннер,— практики занимаются «полезной практической деятельностью».

На лестнице раздался топот. Президент и директор, спустившись в вестибюль, увидели научного сотрудника по фамилии Смит, который забрасывал в рот желтоватые таблетки и, судя по выражению полной отрешенности на лице, обдумывал некую сложную теоретическую проблему.

Вверх по лестнице взлетели два человека в белых халатах и вслед за ними — те трое, в рабочих комбинезонах. Смит по-смертел на них с отвращением, как на лабораторных крыс, непонятным образом вырвавшихся из своей клетки.

Остановившись, один из рабочих переложил паяльную лампу из правой руки в левую и направил на Смита сиреневый пис-толантик.

Пошатываясь, Смит отошел к стене и прислонился к ней. Он сделал глубокий вдох, и вдруг мечтательно-сосредоточенное выражение на его лице сменилось бескрайним изумлением. Он всплеснул руками.

— Да что же я раздумываю? Надо дей-ство-вать!

Решительным шагом Смит удалился по коридору, в то же время водопроводчики скрылись в противоположном его конце.

Через несколько минут из отдаленной части здания раздалось хлопанье помпы, отсасывающей воду, потом журчанье, снова хлопанье, поток отборных ругательств и, наконец,— торжествующее:

— Прочистилась, стерва!

Бэннер удовлетворенно кивнул.

— Вот это нам и нужно.

Взгляд Хоммеля был устремлен в том направлении, где скрылся Смит.— Подожди минуту. Интересно, что этот задумал.

На лестнице раздался шум и грохот, затем — звуки, напоминающие выстрелы.

Смит торопливо вошел в вестибюль, неся в одной руке колбу с серебристой поверхностью и круглым дном, в другой — бутылочку с желтой маслянистой жидкостью. Над горлышком колбы поднималась струя странных беловатых испарений. Хоммель смотрел на все это, не отрываясь.

— Видишь ли, Морт,— начал Бэннер, глядя в том же направлении,— оставшихся в наличии на сегодняшний день практиков мы снабдили средством для превращения интеллектуалов в таких же практиков. Последних, в свою очередь, тоже будут раздражать оставшиеся в наличии интеллектуалы. В этом-то и должно заключаться решение нашей задачи.

Хоммель не ответил: он пристально наблюдал за Смитом. Тот юркнул в свою лабораторию.

— У церебростимулина,— продолжал Бэннер,— был один недостаток: он мешал людям создавать материальную базу. Это нельзя было считать продвижением вперед. Прогресс является результатом достижения полной гармонии между открытиями новыми и уже имеющимися в наличии.

Смит вошел в вестибюль, держа в одной руке, затянутой в резиновую перчатку, сверкающий металлический стержень с зажимом на конце. Зажим охватывал открытое горлышко бутылочки с желтой маслянистой жидкостью. Стоя в коридоре, Смит ввел стержень с бутылочкой внутрь комнаты, потом, прикрыв дверь, изо всех сил метнул стержень в комнату, как копье.

Раздался взрыв. Здание сотряслось от воздушной волны. Из-за двери вырвались языки пламени, потом повалил густой, черный дым. Сбросив дымящуюся перчатку, Смит понюхал воздух, задумчиво приложил палец к губам.

— Нет, не сработало.

Глубоко вздохнув, он снова скрылся за дверью лаборатории. Раздался шум вентилятора, всасывающего дым и копоть.

Бэннер и Хоммель продолжали наблюдать за Смитом, не сходя с места. Вот он снова появился в коридоре, разматывая на ходу моток провода. Свернув петлей один конец, он прибил его к дверному косяку, потом, снова разматывая провод, скрылся в лаборатории. Струйки дыма все еще вились над дверью, но это его не остановило. Вернувшись, он разрубил петлю, зачистил изоляцию на обоих концах провода и, прибив второй конец рядом с первым, отогнул их в разные стороны — видимо, чтобы они не соединялись. Хоммель откашлялся.

— Доктор Смит,— произнес он нерешительно,— может быть, стоит уделить еще какое-то внимание теоретическим основам термодинамики данной реакции?

— К дьяволу теоретические основы. Единственный способ что-нибудь узнать — это испытать на практике.

Подняв левую руку над головой, он закрыл левое ухо плечом, а правое — ладонью. Потом правой рукой сблизил обнаженные концы провода.

Новый взрыв. Здание зашаталось. По стене в разных направлениях разбежались трещины.

С верхнего этажа с грохотом и треском свалилось что-то тяжелое и разлетелось на куски. После того, как шум утих, еще несколько минут по всему зданию катился эхом звон разбитого стекла.

Смит осторожно приоткрыл дверь лаборатории, из щели выползло серое облако. Помахав руками так, чтобы дым шел прямо на него, Смит принялся к угару. Лицо его озарила радостная, торжествующая улыбка.

— Вот это способ! Экономит уйму времени.

Захлопнув дверь, он торопливо направился к складу.

— Ну, что ты на это скажешь, Сэм? — спросил Хоммель. — Кажется, с теоретиками было гораздо спокойнее, чем с практиками.

— Опять перегнули палку. Препарат получился слишком интенсивным.

— Да, но будь он слабее, мы не увидели бы результатов.

Тем временем в вестибюль стекались сотрудники фирмы, желавшие узнать, что происходит. Бэннер поманил к себе Лебоди.

— Дорогой друг, поздравляю. Благодаря вашему антивозбудителю мы почти совершенно избавились от своих затруднений. Однако есть еще одна небольшая деталь, требующая вашего внимания.

— Какая деталь, сэр? — на лице Лебоди отразилась готовность исполнить любые указания.

Бэннер скорбно покачал головой:

— Теперь к вашему антивозбудителю нужен свой антивозбудитель.

Перевела с английского

Э. Башилова

Роберт Силверберг

ТОРГОВЦЫ БОЛЮ

Заблеял телефон. Нортроп легонько двинул локтем вмонтированный заподлицо переключатель и услышал голос Маурильо:

— Получили гангрену, шеф. Необходима ампутация сегодня же

Нортроп почувствовал, как застучало в висках при мысли о действии.

— На сколько чек? — спросил он.

— Пять тысяч за все права.

— Без анестезии?

— Нет, — ответил Маурильо, — я старался любыми уговорами.

— Что ты предложил?

— Десять. Они не согласились.

Нортроп вздохнул.

— Видимо, мне придется взять это в свои руки. Где пациент?

— Больница Клинтон Джинерэл. В общей палате.

Нортроп поднял нависшие брови и зарычал, зло глядя в экран.

— В общей палате? И ты не смог их уломать?

Маурильо словно сжался:

— Родственники упорствовали, шеф. Старика уже ни черта не нужно, но родственники...

— О'кэй. Сиди на месте. Я выезжаю, чтобы завершить сделку, — огрызнулся Нортроп.

Он выключил видеотелефон и достал из стола пару чистых бланков: вдруг родственники отступятся. Гангрена гангреной, а десять тысяч — это десять тысяч. И бизнес — это бизнес. Фирмы

теребят его. Нужно поставлять товар или убираться отсюда ко всем чертям. Он ткнул большим пальцем автомат-секретарь:

— Машину через тридцать секунд к выходу на Саус-стрит.

— Слушаюсь, мистер Нортроп.

— Фиксировать все звонки в течение получаса. Я еду в Клинтон Джиннерэя. Не хочу, чтобы звонили туда.

— Слушаюсь, мистер Нортроп.

— Если позвонит Рэйфилд из Главного управления, сказать, что я готовлю для него нечто первоклассное и...— о, черт,— я позволю ему через час.

— Слушаюсь, мистер Нортроп.

Нортроп бросил сердитый взгляд на механизм и покинул кабинет. Гравитационная шахта камнем пролетела сорок этажей за время, какое трудно было зафиксировать. Машина ждала там, где было приказано. Длинный, обтекаемый Фронтенак 08 со стеклянным, пуленепробиваемым верхом. На работников компании сплошь да рядом нападали всякие психи.

Он откинулся назад, уютно погрузившись в плюшевую обивку. Машина спросила, куда ехать. Нортроп указал путь и добавил:

— Подбодриться бы чем-нибудь.

Из аптечного ящика прямо к Нортропу выкатилась таблетка. Он с усилием протолкнул ее в себя. «Маурильо, меня тошнит от твоей работы,— думал Нортроп.— Не можешь самостоятельно завершить сделку. Хотя бы разочек.— И он мысленно заметил себе: — Маурильо отстранить. Компания не может терпеть неэффективность».

Старая больница размещалась в примитивном архитектурном нагромождении из зеленого стекла, столь популярном шестьдесят лет тому назад. Плиткообразное здание без признаков изящества или индивидуальности.

Дверь главного входа раздвинулась и пропустила Нортропа внутрь. Ударил в нос привычный запах больницы. Большинство людей находит его неприятным. Однако не Нортроп. Для него это запах долларов.

Больница была настолько старой, что до сей поры там работали санитары и сестры. Конечно, механизмы сновали по коридорам туда и обратно, однако здесь и там сестры среднего возраста все еще не сдавали своих позиций — ловко тащили поднос с кашей, а трясущийся санитар помахивал щеткой.

На заре своей деятельности в телевизионной компании Нортроп делал документальные фильмы об этих живых ископаемых больничных коридоров. За один ему присудили премию. Он помнил этот фильм — морщинистые с отеками под глазами лица сестер и сменившие их сверкающие механизмы, живое олицетворе-

ние нечеловеческого в больницах нового типа. Прошло много времени с той поры, как Нортроп делал подобный фильм. Нынешняя жизнь диктовала хронику другого рода, особенно с того дня, как появились интенсификаторы и телетрансляции о медицине стали искусством.

Механизм проводил Нортропа к палате № 7. Маурильо ждал. Маленький, хвастливый человечек с подпрыгивающей походкой. Сейчас он не очень-то прыгал: понимал, что на сей раз смямлил. Глядя на Нортропа снизу вверх, Маурильо осклабился пустой ухмылкой и сказал:

— Шеф, вы бесспорно сделаете это быстро!

— Через сколько времени можно ожидать первых конкурентов? — послышался встречный вопрос. — Где пациент?

— Вон там, в углу, за занавеской. Я приказал ее повесить, чтобы завязать отношения с наследниками. Родственниками, я подразумеваю.

— Заполните анкету, — сказал Нортроп. — Кто распоряжается?

— Старший сын, Гарри. Будьте с ним начеку. Жадный.

— Кто не жадный? — вздохнул Нортроп.

Они остановились у занавески. Маурильо раздвинул ее. Палата была длинной, и больные все разом зашевелились. Потенциальные экспонаты для фильмов, все без исключения, подумал Нортроп. Мир переполнен различными болезнями, и одна тянет за собой другую.

Он шагнул за занавеску. На кровати лежал человек. Лицо, искаженное болью, исхудавшее, с ввалившимися глазами казалось зеленоватым под слоем давно небритой щетины. У кровати стоял механизм с трубками для внутривенных вливаний. Трубки лежали поверх одеяла и убегали под него.

Пациент выглядел по крайней мере на девяносто. «Если даже сбросить десять лет за счет болезни, все равно он стар», — подумал Нортроп.

Вот они, родственники, столкнулись с ним лицом к ямцу.

Из восьми человек пятеро были женщины от подростков до среднего возраста. Из троих мужчин старший выглядел под пятьдесят, двое других — лет на сорок. Сыновья, племянницы, внуки, сообразил Нортроп.

И он произнес могильным голосом:

— Понимаю, это должно быть ужасная трагедия для вас. Цветущий человек, глава счастливой семьи, — Нортроп уставился глазами в больного, — но я знаю, он выкарабкается, я вижу в нем внутренние силы.

Старший родственник сказал:

— Я Гарри Гарднер, сын. Вы из телекомпании?

— Я директор,— ответил Нортроп.— Как правило, не посещаю лично, но ассистент рассказал мне, какая человеческая драма произошла здесь и какой мужественный человек ваш отец...

Человек в постели не открывал глаза. Он плохо выглядел.

— Договорились,— сказал Гарри Гарднер.— Пять тысяч монет. Мы бы ни за что не пошли на это, если бы не больничные счета. Они могут стать для нас настоящим крушением.

— Отлично понимаю,— ответил Нортроп самым елейным тоном.— Мы готовы увеличить сумму. Нам хорошо известно, какое бедствие терпит от больницы маленькая семья, особенно сегодня, во времена широкого использования средств предосторожности. Поэтому мы можем предложить...

— Нет, наркоз должен быть!— сказала одна из дочерей, оплывшая жиром, неряшливо одетая женщина с бесцветными тонкими губами.— Мы не разрешим вам заставить его страдать!

— Это был бы для него лишь момент боли. Поверьте мне. Анестезию начнут немедленно после ампутации. Разрешите нам захватить только единственное мгновение.

— Это неправильно. Он стар и нуждается в самом лучшем лечении. Боль может убить его!

— Напротив,— успокаивал Нортроп.— Научные исследования показали, что в случаях ампутации боль оправдана. Создается защитная реакция, понимаете, в некотором роде местная собственная анестезия. Больному не грозит страдание от пагубных побочных явлений химиотерапии. Показатели опасности постоянно под контролем, и процедуру анестезирования введут немедленно,— Нортроп сделал глубокий вдох и, бойко вырываясь, двинулся к последнему препятствию.— Мы обеспечим повышенный гонорар, и вы сможете предоставить своему дорогому отцу лучшее медицинское обслуживание. Скупиться бессмысленно.

Последовал обмен осторожными взглядами, и Гарри Гарднер сказал:

— Сколько вы предлагаете за самое великолепное медицинское обслуживание?

— Могу я посмотреть ногу?— спросил Нортроп.

Откинули одеяло. Глаза Нортропа впились в старика.

Случай тяжелый. Нортроп не был врачом, но за пять лет работы на этом поприще он приобрел достаточно дилетантских знаний, чтобы определить заболевание. Понятно, что старику плохо. Нога вдоль голени—словно после тяжелого ожога. Вероятно, они ограничились первой помощью, затем в счастливом невежестве семья разрешила старику гнить, и началась гангрена. Потемневшая, словно покрытая глянцем нога распухла от средней части икры до концов пальцев. Она выглядела мягкой и разложившейся. И у

Нортропа появилось такое чувство, что можно протянуть руку и разом отломить все пальцы. Вряд ли пациент выживет. Ампутация или нет, он уже прогнал до самой сердцевинки. Если его не отправит на тот свет шок ампутации, это произойдет от общей ослабленности. Хороший материал для хроники. Тот тип страданий, от которого кишки выворачивает наизнанку, однако миллионы зрителей жаждут это видеть.

Нортроп поднял глаза и сказал:

— Пятнадцать тысяч, если ампутацию сделает одобренный телекомпанией хирург при указанных мною условиях. Хирург получит гонорар от нас.

— Ну!

— Компания оплатит также полностью счет послеоперационного лечения вашего отца,—и с мягкостью в голосе Нортроп добавил: — даже, если он будет лежать в больнице шесть месяцев, мы оплатим каждый цент, помимо телевизионного гонорара.

Он победил. В их глазах появился алчный блеск. Они были перед лицом банкротства. Он пришел, чтобы спасти их, и велика важность, если старику отнимут ногу без анестезии! Ведь и сейчас он едва в сознании. Он не почувствует боли. Не очень почувствует.

Нортроп достал отказы от претензий, контракты на латиноамериканские передачи, платежно-гарантийные и прочие документы. Маурильо позвал секретаря, и несколькими минутами позже сверкающий механизм записывал все необходимое.

— Подпишитесь здесь, пожалуйста, мистер Горднер,—и Нортроп протянул ручку старшему сыну.—Прооперируем сегодня. Я немедленно пришлю сюда нашего хирурга. Одного из лучших. Ваш отец получит лечение, какое он заслуживает.

Документы положены в карман. Дело сделано.

«Возможно, это варварство — оперировать таким путем», — думал Нортроп. Но в конечном счете он не нес ответственности. Он только доставлял публике желаемое. Публика хотела струи крови и нервное возбуждение.

И в самом деле, что старику до всего этого! Любой опытный медик скажет, что он не жилец. Операция не станет спасением. Анестезия тоже. Если его не доконает гангрена, он отправится на тот свет от послеоперационного шока. В худшем случае будет несколько минут страданий под ножом... Зато семью не будет давить страх финансового разорения.

Выходя из больницы, Маурильо заметил:

— Шеф, вам не кажется все это немного рискованным? Я имею в виду предложение заплатить больничные расходы?

— Иногда нужно немного играть ва-банк, чтобы получить желаемое,— ответил Нортроп.

— Да, но это может стоить пятьдесят — шестьдесят тысяч. Что станет с бюджетом?

Нортроп осклабился:

— Вероятнее всего, выживем мы, а не старик. Он не протянет до утра. Риска нет ни на доллар, Маурильо, даже ни на один вонючий цент.

Возвратившись в кабинет, Нортроп передал бумаги об ампутации своим ассистентам и включил машину для передачи. Он был готов назвать этот день большим днем для себя.

Оставалась кое-какая грязная работа — убрать Маурильо. Это нельзя было назвать увольнением. Маурильо занимал должность на уровне больничного санитаря или любого другого, кто ниже администратора. Однако увольнение нужно было представить как повышение по служебной лестнице. Вот уж несколько месяцев у Нортропа нарастало чувство неудовлетворенности работой маленького человечка. Сегодня предстоял последний удар. У Маурильо отсутствовало воображение. Он не знал, как закончить сделку. Он не подумал об оплате больничных расходов. «Если я не могу уполномочить его быть ответственным,— сказал себе Нортроп,— я не могу использовать его вообще. В отделе есть много других помощников, каждый будет счастлив занять это место».

Нортроп поговорил с двумя. Сделал выбор: молодой парень по имени Бартон, он целый год снимал документальные фильмы. Это его работа — съемки лондонской воздушной катастрофы весной. Искусно изображает все отвратительное. В прошлом году он вовремя оказался на пожаре всемирной ярмарки. Да, Бартон именно тот человек.

Следующий шаг был довольно неприятным. Дело могло пойти не так, как хотелось бы.

Нортроп позвонил Маурильо, и тому нужно было пройти через две комнаты, однако такие дела не стоит делать с глазу на глаз.

— Хорошие новости для тебя, Тэд. Переводим тебя на другую программу.

— Переводите?

— Именно так. Был разговор после обеда, и мы решили, что передачи «Кровь и внутренности» — пустая трата времени для тебя. Твой талант нуждается в большем размахе. На «Детском времени» ты действительно расцветешь. Ты, Сэм Клайн, Эд Брэгган — потрясающая бригада.

Нортроп видел, как расплывшееся лицо Маурильо сморщилось. Арифметика была простой, и все дошло быстро: здесь Мау-

рильо был номер два, а в новой передаче, гораздо менее важной, он будет номером три. Оплата ничего не значила, так или иначе все съедалось внутренним подоходным налогом. Это явный пинок ботинком, и Маурильо ощутил его.

Нормы поведения требовали от Маурильо вести себя так, словно ему оказана редкая честь, однако он отказался от этой игры и, глядя в сторону, сказал:

— Лишь за то, что я не подписал ампутации тому старику?

— Почему ты так думаешь?

— Три года я работал на вас. Три года! И вот я выброшен таким способом!

— Я сказал тебе, Тэд, мы думаем, что это даст тебе большие возможности. Ты шагнул вверх по лестнице. Ты...

Мясистое лицо Маурильо запылало от ярости.

— Это абсурд,— сказал он с горечью.— Ладно, не имеет значения.— Ха-ха! Я получил другое предложение и ухожу прежде, чем вы меня вышвырнете. Берите эту вашу должность и...

Нортроп торопливо погасил экран.

«Идиот,— подумал он,— маленький жирный идиот. Ладно, к дьяволу». Он очистил свой стол и одновременно мозги от Тэда Маурильо и проблем, связанных с ним. Жизнь — реальность, и с ней не шутят, Маурильо не может шагать в ногу. Вот и все.

Нортроп решил идти домой. Этот день был слишком длинным.

В восемь вечера сообщили, что старика Гэрднера приготовили к операции.

В десять звонком главного хирурга объединения доктор Стила известил Нортропа о провале операции.

— Мы потеряли его,— сказал Стил вяло и равнодушно.— Мы сделали все, что было в наших силах, но общее состояние старика... началась фибрилляция и сердце отказало. Ни черта не помогло!

— Нога ампутирована?

— О-о, конечно. Все случилось после операции.

— Материал отсняли?

— Сейчас печатают.

— О'кэй! — сказал Нортроп.— Благодарю за звонок.

— Сожалею о пациенте.

— Не корите себя,— возразил Нортроп,— это случается с лучшими из нас.

На следующее утро Нортропу захотелось увидеть отснятые кадры. Просмотр устроили на двадцать третьем этаже студии, и присутствовали только избранные: Нортроп, его новый ассистент-распорядитель Бартон, группа директоров телеобъединения, двое из монтажной,

Проворные пышногрудые девушки выдали усиливающие шлемы. Здесь механизмы не выполняли никакой работы!

Нортроп надел на голову шлем. Он ощутил знакомое волнение, когда включили электроды. Закрыв глаза. В комнате разнеслось мощное гудение включенного усилителя. Засветился экран.

Вот старик. Вот гангренозная нога. А вот и доктор Стил со знакомой ямочкой на подбородке, суровый, энергичный хирург, звезда объединения, с годовым доходом за свой талант 250 000 долларов. В руках Стила заблестел скальпель.

Испарина обволокла тело Нортропа. Через усилитель до него четко дошли мозговые волны старика, он почувствовал сильное биение пульса в ноге больного и словно сам ощутил тупую боль в висках того человека и немощь и полумертвое состояние восьмидесяти лет.

Стил налаживал электронный скальпель, сестры суетились, подготавливая больного к ампутации. В окончательном варианте должна была быть музыка, пояснительный текст — все приправы. Однако теперь мелькали безмолвные кадры и, конечно, доносились усиленные волны мозга больного человека.

Нога обнажена.

Скальпель опущен.

Нортроп вздрогнул, когда сильнейшая боль, испытываемая другим человеком, пронзила и его. Он почувствовал огненную боль, мгновенную, пугающую адскую боль в тот момент, когда скальпель проходил сквозь изболевшее мясо и прогнившую кость. Его тело сотрясало, он с силой закусил губы и сжал кулаки, а затем все было кончено.

Передышка от боли. Полное освобождение. Нога не подавала больше пульсирующих посланий утомленному мозгу. Наступил шок, анестезия невыносимой для человека боли. И с шоком наступил покой. Стил завершил операцию — очистил культю и зашил ее.

Кривые резко упали. Позднее выпускающие введут в программу интервью с семьей, возможно, короткие кадры похорон и небольшой обзор проблемы гангренозных заболеваний в старческом возрасте. Это давали сверх программы. Главное, что хотели зрители, — это откровенные страдания другого человека, и это они получают сполна. Гладиаторское состязание без гладиаторов, мазохизм, скрытый под маской медицины. Это годилось. Это привлекало миллионы зрителей.

Нортроп отер пот со лба.

— Кажется, мы получили хороший фильм, ребята, — сказал он с чувством удовлетворения.

И это чувство не покидало его в тот день, когда он уходил с работы. Пришлось тяжело потрудиться на протяжении всего дня, чтобы довести фильм до окончательной формы, кое-что вырезать, кое-что отполировать. Он наслаждался элементом мастерства. Это помогало ему немного сдвинуть на задний план темные стороны программы.

Он освободился лишь к ночи. Когда он выходил через главный подъезд, какая-то фигура появилась впереди — громоздкий человек среднего роста с усталым лицом. Он протянул руку и грубо затолкнул Нортропа назад в вестибюль.

Поначалу Нортроп не узнал его. Ничего не выражающее, пустое лицо человека среднего возраста. Затем он опознал. Гарри Гарднер. Сын умершего.

— Убийца,— прохрипел Гарднер.— Ты убийца. Он жил бы, если бы ты дал анестезию. Ты лжец, ты зарезал его, чтобы люди могли насладиться зрелищем.

Нортроп оглядел вестибюль. Кто-то приближался издалека. Нортроп ощутил спокойствие. Своим взглядом он заставит это ничтожество в страхе бежать.

— Послушайте,— произнес Нортроп,— мы сделали для вашего отца все, что медицина в состоянии сделать сегодня. Мы использовали все самое новейшее, чем располагает наука. Мы...

— Вы зарезали его!

— Нет,— возразил Нортроп и умолял. В руке безликого человека блеснул лучевой пистолет.

Нортроп попятился назад, однако поздно. Гарднер нажал на спуск, и раскаленный луч полоснул по животу с таким же эффектом, как скальпель хирурга впился в гангренозную ногу.

Гарднер бросился прочь, стуча каблуками по мраморному полу. Нортроп упал, обхватив руками живот.

Костюм прожжен, брюшная полость рассечена, ожог шириной в восьмую долю дюйма и, возможно, глубиной в четыре дюйма, разрезан кишечник, органы, ткани. Боли еще не было. Нервы пока не послали депеши в ошеломленный мозг.

Однако вскоре они сделали это; Нортроп свернулся в клубок и забился в агонии; теперь это была его агония, что угодно, но только не чуждое ему ощущение.

Шаги послышались совсем близко.

— Та-ак,— произнес голос.

Нортроп с трудом приоткрыл один глаз. Маурильо, из всех людей Маурильо!

— Доктора,— захрипел Нортроп.— Быстро! Ради бога, боль! Тэд, помоги!

Маурильо посмотрел вниз и улыбнулся. Без единого слова

он направился к телефонной будке на расстоянии шести футов, опустил монету, и набрал номер:

— Пришлите сюда телевизионный фургон, быстро. Есть материал, шеф.

— Доктора,— пробормотал Нортроп.— Хотя бы шприц, дайте шприц! Боль...

— Хочешь, чтобы я убил боль? — осклабился Маурильо.— Ничего подобного. Только продержись. Поживи, пока мы наденем тебе шлем и запишем все это на пленку.

— Ты не работаешь для меня. Ты не в программе.

— Конечно,— ответил Маурильо.— Я теперь с фирмой Трансконтиненталь. Они тоже начинают показывать «Кровь и внутренности». Только им не нужна вся эта бумажная волокита — формуляры, согласие, отказы.

Нортроп задохнулся и от удивления открыл рот. Трансконтинентальные контрабандисты, они продавали пленки в Афганистан, Мексику, Гану и, бог знает, куда еще. Программа, которую даже не передают на мир по всем каналам. Никакого гонорара! Умирать в агонии ради выгоды банды грязных мошенников. Это хуже всего,— подумал Нортроп. Только Маурильо мог пойти на такую сделку.

— Шприц! Ради бога, Маурильо, шприц!

— Ничего подобного. Через несколько минут приедет телефургон. Они тебя зашьют, и мы миленько отснимем материал на пленочку.

Нортроп закрыл глаза. Он чувствовал, как его внутренности словно горели в огне. Усилием воли он заставлял себя умереть — хотелось обмануть Маурильо.

Но тщетно. Он продолжал жить и страдать. Это тянулось час. Достаточно времени, чтобы записать его предсмертную агонию на пленку. И в последнее мгновение Нортроп подумал о том, как это чертовски стыдно — не показаться в полном блеске на своем собственном спектакле.

Перевела с английского
Л. Этуш

Джеймс Блэш

ОПЕРАЦИЯ НА ПЛАНЕТЕ САВАННА

Французы, как известно, умеют хорошо готовить, равно как и итальянцы, которые и научили их этому. Умеют готовить и немцы, и скандинавы, и голландцы. Греческая кухня хороша, если вы

любите острые приправы, хороша и армянская, если вам по вкусу бараний жир и мед. Испанская кулинария просто великолепна,— если только ваш испанский повар найдет, из чего ему готовить; впрочем, это условие распространяется и на большинство азиатских и иных кулинарных рецептов.

Но корабельный кок космического корабля ООН «Брок Чизхолма» был англичанин. Он варил все, что ему подвернется. Иногда нам подавались всякие предметы в натуральном виде, обваленные в москитной сетке; иногда, для разнообразия, мы получали их в испаренном состоянии — конденсированные пары подавались с гарниром из обрывков вялых листьев салата, почерневших от старости.

Последнее блюдо иногда называлось супом, иногда — чаем.

Это всего лишь одна из наиболее обычных неувзгод, с которыми сопряжено исследование межзвездных пространств; я слышал, правда, что за последнее время с этим стало полегче, но не могу сказать, что имел возможность лично в этом убедиться. На «Чизхолме» капитан Мотлоу не раз обвинял меня в излишнем угадничестве перед моим желудком, что было явно несправедливо.

— Источник боееспособности армии — в ее желудке, — утверждал я, — а я военный человек. Я мирюсь с тем, что должен сам ухаживать за своим оружием, что ординарец не знает, как отутюжить форменный китель, и даже с тем, что мне приходится тетешкаться с доктором Рошем. Все это входит в обычные тяготы полевой службы. Но...

— Да-да, — сказал капитан Мотлоу, высокий, тощий человек, который выглядел, если не считать подбородка, торчавшего наподобие кормы, так, будто он был вырезан из куска дубленой кожи. — Предполагается, Ганс, что вы, кроме всего, еще и астрогатор. Не угодно ли вам будет переключиться с мечты о жарком под кислым соусом к решению очередной задачи?

Я глянул на экраны, на которых светилась наша планета, и слегка скорректировал курс в направлении третьего ее спутника — крохотной иззубренной глыбы плотных скальных пород с ретроградным вращением и сильным эксцентриситетом. Учесть его влияние без дополнительных наблюдений, на которые мы просто не имели времени, было очень нелегко. И я, конечно, в эту минуту вспомнил кое о чем.

— Задача решена, — сухо сказал я, показывая на табло пульта, где светились вычисленные мной цифры коррекции курса. Капитан повернулся в своем кресле и глянул на них. — Не могу сказать, что мне это легко далось. Сколько еще продержится «Чизхолм», если его астрогатор со дня старта не получает витаминов В, не считая тех крох, какие ему удалось выдрать из запасов доктора Бикс-

би? Астрогация требует крепких нервов... а тот кусок окаменелости, который был подан нам вчера в обед, похож на жаркое не больше, чем я.

— Не искушайте меня, лейтенант Пфейфер,— сказал капитан Мотлоу,— там, внизу, мы можем докатиться до людоедства. Если вы твердо уверены, что мы можем вывести «Чизхолм» на эту орбиту, мы пойдем послушаем доктора Роша. В промежутках между завтраком, обедом и ужином надо ведь еще и поработать немного.

— Конечно, конечно,— согласился я.

Мотлоу одобрительно кивнул и, повернувшись к пульту, нажал кнопку «Исполнение команды». Табло погасло, цифры с него исчезли, провалившись в блоки запоминающих устройств, «Чизхолм» застонал и содрогнулся, разворачиваясь на круговую орбиту вокруг планеты, которая была целью нашего полета. Надо отдать должное Мотлоу в одном: когда я говорил ему, что курс вычислен правильно, он верил мне и никогда не имел повода расквашаться в этом.

К тому же он отнюдь не единственный капитан, который заставлял меня думать, что офицерам полетной службы просто-таки нравятся тушеные подметки.

Другим моим мучителем на борту «Чизхолма» был доктор Арман Рош, но он был настолько типичен как принадлежность всякой спасательной миссии ЮНРРА в дальнем космосе, что мне трудно особенно жаловаться на него. В конечном счете космические спасательные миссии — это крест, который несет все человечество — и будет нести, может быть, еще несколько столетий. Это расплата за непредусмотрительность первых исследователей дальнего космоса, за их беспомощность в применении науки, именуемой гнотобиозом.

Возможно, их вовсе не следует винить в этом, поскольку они и слова такого не слыхали. Это наука о жизни в условиях полного отсутствия микробов, иными словами, наука о санитарии и мерах охраны здоровья в их максимально мыслимом выражении. В первые дни эры космических путешествий никто и не подозревал, что дело зайдет так далеко. Конструкторы первых автоматических ракет, как смогли, предусмотрели стерилизацию внутренности ракет. Мысль о том, что загрязнение других планет земными живыми организмами нецелесообразно и помешает научным исследованиям, была сформулирована в нескольких международных соглашениях. Но что сам человек может быть носителем такого загрязнения, додумались, когда уже было поздно.

Собравшиеся в кают-компании сосредоточенно внимали доктору Рошу. Этот маленький человечек в помятом костюме с обманчиво ласковым выражением лица умел вкладывать немалую страстность в свои речи, когда подвертывался удобный случай.

Фактически сам термин «гнотобиоз» появился впервые на страницах «Всемирного Медицинского Журнала» еще в марте 1959 года. Это была одна из многих важных и значительных идей, которые в изобилии рождались в те дни в Организации Объединенных Наций, не получая ни малейшей поддержки у человечества в целом. Уже тогда были люди, понимавшие, как тяжка будет ответственность за внесение бактерий туберкулеза, вирусов бешенства и энцефалита, спор сибирской язвы на другую планету...

— Не понимаю, почему? — не удержался светловолосый развязный сержант Ли, командир отделения морской пехоты. — Всем известно, что люди не могут заразиться болезнями других организмов, а животные не болеют человеческими болезнями. У них другой химизм.

— Это одна из тех «всем известных» вещей, которые не имеют ничего общего с истиной, — ответил доктор Рош. — По вашему лицу я вижу, что вы и сами это знаете. А за наводящий вопрос спасибо. Я подобрал приведенные мной примеры специально для того, чтобы затронуть этот момент. Все болезни, которые я назвал, относятся к числу так называемых зоонозов, то есть болезней, свободно распространяющихся среди многих различных видов живых существ на Земле. Бешенство, например, поражает практически все виды теплокровных животных и переходит от одного к другому беспрепятственно. Наиболее серьезные паразитарные болезни, наподобие бильгарциоза или малярии, передаются улитками, армадилами, комарами, козами; словом, назовите мне живое существо, и я тут же вам выложу, какой зооноз оно распространяет. Болезни человека возбуждаются бактериями, грибами, простейшими, вирусами, червями, рыбами, цветущими растениями и так далее. А болезни многих из этих организмов возбуждаются человеком.

— Вот уж не слышал, чтобы растение заболело от человека, — удивился солдат морской пехоты Оберхольцер.

— Значит, вы никогда не видели мимозы, а такими примерами можно исписать целую книгу. Более того, микроорганизмы, безвредные на Земле, вполне могут стать опасными на другой почве для других рас — что, по существу, уже неоднократно случалось. Собственно говоря, именно поэтому мы с вами оказались на орбите вокруг этой планеты...

— Мы что, их корью заразили?

— Не смешно, — процедил сквозь зубы доктор Рош. — Евро-

пейские исследователи привезли корь на Полинезийские острова, где ее никогда раньше не было, и она оказалась для неиммунизированных взрослых опаснейшей болезнью с массовым смертельным исходом. Сифилис из Вест-Индии в Европу импортировала, вероятно, экспедиция Колумба: в течение двух последующих столетий он косил европейцев беспощадно, как гангрена. Только когда антитела против этого микроорганизма оказались в крови всего населения Европы, сифилис принял позднейшую медленно протекающую форму. Вполне возможно, что вина за множество смертей, за страдания, утраты и позор, испытанные людьми в последующие столетия, пока не были найдены радикальные средства лечения, лежит только на каком-нибудь одном матросе флотилии Колумба. Так что риск тут страшнейший, однако первые исследователи дальнего космоса пошли на него, хотя им следовало бы поостеречься,— а мы до сих пор расплачиваемся за это. Наша экспедиция — часть этой расплаты.

— Выходит, если я чихну, когда буду в патруле,— сострил Оберхольцер,— мне вкатят наряд вне очереди на кухню?

Ли свирепо глянул на него.

— Нет, тебя пристрелят,— сказал он.— А пока заткнись и слушай.

(Раздражительность Ли была вполне объяснима. Он хотел напомнить Оберхольцеру и другим «зеленым» парням, что все мы, включая доктора Роша, были выращены на родильных фермах, и тем самым дать повод Рошу пресечь реплики, подобные тем, в каких упражнялся Оберхольцер. Сержант был естественно раздосадован неудачей своего весьма примитивного экскурса в область полемики искусства.)

Рош, однако, продолжал терпеливо объяснять. Земля еще не была и, вероятно, никогда не будет стерилизована. Даже сейчас никто всерьез не поддерживал идею полного нарушения общей экологии родной планеты ради защиты миров и рас, удаленных от Земли на многие световые годы или даже вообще еще не открытых. Но определенный промежуточный этап в этом направлении был достигнут, и, строго говоря, Рошу можно было об этом и не упоминать.

(Например, во всех животноводческих хозяйствах на Земле — уже на протяжении ряда столетий — каждая голова скота была гарантированно свободна от каких бы то ни было болезнетворных начал. Это обеспечивалось тем, что весь приплод извлекался из материнского чрева хирургическими методами и выращивался в специальных стеклянных сосудах.

Равным образом люди, находившиеся на борту «Чизхолма», как и все остальные космонавты, были досрочно извлечены из ма-

теринской утробы и помещены в абсолютно стерильную среду, которую они продолжали носить в себе; подобная же среда окружала их и на кораблях.)

Впрочем, я, может быть, требую слишком многого от солдата морской пехоты, впервые участвующего в спасательной миссии (да и вообще в космическом полете). Видимо, я сужу по себе. Дело в том, что по традиции астрогатор на корабле, выполняющем спасательную миссию, является одним из двух офицеров, составляющих интеллектуальную компанию для штатского деятеля ЮНПРА, возглавляющего обычно такую миссию. Второй офицер — судовой врач. Традиция эта исходит, видимо, из той предпосылки, что все остальные титаны ума, которые могут оказаться на корабле, будут слишком заняты. В этом есть зерно истины. Конечно, когда астрогатор занят, то работы у него по горло, но все дело в том, что работа эта по самому своему характеру сосредоточена в начале полета и в его конце, а между ними лежит долгая мертвая пауза. Благодаря этому я очень много читаю, больше поэзию. Ну, а докторская практика, как известно, вообще — «часом густо, часом пусто», в особенности когда обслуживаемый контингент сводится к малочисленному экипажу космического корабля, на котором едва ли отыщется один микроб (во всяком случае по идее).

Поэтому, хотя доктора Роша я слышал впервые, я заслушался уже много подобных речей. Все, что он рассказал до сих пор, я мог бы без труда поведать сам, да притом еще одновременно сыграть недурную партию в шахматы. Однако сейчас он переходил к вопросу, по которому никто, кроме него, не мог сказать ни слова: к характеристике конкретной обстановки на планете, которая была целью нашей миссии.

— Первые исследователи, высадившиеся на этой планете, называли ее Саванна, хотя Тундра или Вельд были бы, наверно, более к месту, — рассказывал доктор. — Это мир с высокой гравитацией, диаметром около семи тысяч миль, сложенный из плотных пород. Поверхность его представляет собой преимущественно плоские травянистые равнины, рассеченные кое-где горными хребтами вулканического происхождения и несколькими небольшими океанами.

Экспедиция не сумела детально разведать планету по причинам, о которых я скажу дальше. Она очень быстро установила контакт с туземцами, охарактеризовав их как дикарей, но дружелюбных к пришельцам. Однако по данным ее отчета, ни один ксенолог не согласился бы назвать их дикарями. В основном они охотники, но занимаются также скотоводством и земледелием. Им известно ткачество, они строят лодки и водят их по звездам. Кроме того, они обрабатывают металлы, проявляя большую техническую

изобретательность; их успехи в металлургии пока что ограничены отсутствием источников энергии для осуществления в больших масштабах высокотемпературной плавки иковки металлов.

У них существуют институт семьи и мелкие национальные общности типа племен. В трудные годы между племенами вспыхивают междоусобные войны. Эти обстоятельства сыграли свою роль в провале первой экспедиции на Саванну. Дело в том, что земляне неумышленно заразили этот народ, первоначально дружелюбный к нам, весьма зарадным земным вирусом, который оказался смертельно губительным для мужской части населения Саванны. Женщины гораздо более устойчивы к нему, хотя полного иммунитета не было и у них.

Этот мор вконец разрушил привычную структуру семей, что, в свою очередь, поставило под угрозу традиционные группировки и соотношение сил между племенами. Короче, туземцы быстро сообразили, что всему виной чужеземные гости, и однажды ночью, без малейшего предупреждения, напали на лагерь экспедиции. Очень немногие из высадочной группы вышли живыми из этой схватки. Раненых среди них не было.

— Отравленные дротики? — с любопытством спросил сержант Ли.

— Нет, — хмуро ответил Рош. — Стрелы.

Ли изумленно взметнул брови.

— Тяжелые, металлические стрелы, — пояснил доктор Рош. — Они мечут их из арбалетов с такой скоростью, что стрела наповал убивает человека одной силой удара, куда бы она ни попала. Это я к тому, чтобы вы заранее знали, что даже полный бронекостюм вам предоставит здесь сомнительную защиту. Нам надо спланировать все таким образом, чтобы не потерять ни одного из наших — и не убить и не ранить ни одного туземца. А решить, как это сделать, я вынужден просить вас.

Ли пожал плечами. Он привык к головоломным задачам.

— Ладно, — продолжал Рош. — Нам-то здесь нужно не так уж много. Мы должны захватить несколько туземцев, имеющих определенный вес у своих земляков, — воины несомненно подойдут. Далее, нам нужно будет немного лучше изучить их язык, завоевать их доверие и объяснить им, что у нас есть лекарство от мора. Самое главное, нам надо удержать их от естественного первого желания — дать антивирус своим воинам и князькам. Это бесполезно, они уже безнадежны. Антивирус надо будет давать только беременным особям женского пола.

— Уговорить их будет непросто, — сказал капитан Мотлоу.

— Согласен. Но меня и послали сюда главным образом по этому. И это еще не все. Мы ограничены во времени. В отличие

от людей, у жителей Саванны есть определенный строго фиксированный брачный сезон в году, так что все дети у них рождаются практически одновременно. Мы вылетели со всей мыслимой срочностью, как только узнали о случившемся, но добрались сюда уже к началу сезона рождений. Если мы не сделаем инъекции возможно большей части беременных особей женского пола,—а своими силами мы это не поднимем, нам нужна помощь туземцев,—раса мыслящих саваннян будет стерта с лица планеты. Все дети мужского пола умрут еще в младенческом возрасте, и это будет смертью расы.

Вот все, что знаю я и что известно вообще о положении на планете. На этом я и завершаю свое сообщение—это все, из чего мы вынуждены исходить.

Плотный пожилой человек с седой головой, корабельный врач Клайд Биксби поднял руку.

— Полагаю, доктор Рош, вы упустили один факт. По моему мнению, он представляет определенный интерес. Почему бы не сказать уважаемому собранию, что именно явилось возбудителем эпидемии?

— Ах да! Ну, конечно! Этот вирус табачной мозаики.

В первое мгновение ему никто не поверил, если не считать доктора Биксби, что было вполне естественно, поскольку он единственный разделял с доктором Рошем преимущество осведомленности. Но все же большинство сидевших в кают-компании с омерзением бросили свои сигареты на пол и раздавили их каблуками, словно это были ядовитые змеи. Рош рассмеялся.

— Не тревожьтесь,—сказал он.—Одна из причин, почему табачная мозаика так распространена на Земле, и заключается в полной ее безвредности для человека. А что касается табаководов, то на плантациях она поддается контролю—не полному искоренению, а именно контролю—с помощью опрыскивания стрептомицином.

— Это любопытно само по себе,—звернул Биксби,—ведь ни на какие другие вирусы стрептомицин не действует.

— Он и на табачную мозаику действует не радикально,—ответил доктор Рош.—Но сейчас это нам не важно. Суть дела такова: для табака табачная мозаика—самая остро заразная болезнь из всех известных человеку. В отличие от большинства вирусов, поражающих человека, ее носитель не живой организм, пусть крохотный, но довольно сложный. Это просто некое химическое соединение. Его можно получить в кристаллической форме так же легко, как, скажем, каменную соль или сахарный леденец. Пока он не попал в клетку растения, он не живой, а жизнь, которая возникает в нем после попадания в клетку, целиком «зависит»

ствоваана» у клетки-хозяина. Химически он достаточно прост, так что большинство реагентов, как химических, так и физических, не разрушает его структуру.

В результате, если вы войдете в теплицу, где растет табак, куря сигарету, изготовленную из листа растения, пораженного табачной мозаикой, большинство растений в теплице заболеют этой болезнью. Они заразятся ею буквально от дыма. Именно это, судя по всему, произошло с саваньянами. Они заразились от сигарет, которыми угостили их первые исследователи.

— Своего рода трубка мира,— подал голос Биксби.

— Вполне возможно. И если это так, то перед нами грандиозный пример, какую кашу можно заварить, если слишком далеко распространить аналогию.

— Но почему они оказались такими восприимчивыми? — спросил я.

Рош развел руками.

— Один бог знает, Ганс. Им еще повезло, что мы знаем, как действует этот вирус. Он проникает непосредственно в хромосомы через клеточную мембрану и вызывает такие изменения в генах, что дочерние клетки становятся восприимчивыми к болезни в ее открытой или «клинической» фазе. Вот почему он убивает младенцев намного быстрее, чем взрослых,— у детей гораздо быстрее протекает деление клеток.

— Еще бы,— добавил док Биксби,— у людей клетки полностью обновляются на протяжении жизни в среднем десять раз, из них восемь раз за период от зачатия до двух лет!

— Главное, мы относительно легко можем обезвредить этот вирус,— сказал в заключение доктор Рош,— и саваньянам повезло, что мы можем это сделать, если успеем сделать вовремя. А сейчас, я полагаю, самое лучшее будет приступить к делу.

Лицо сержанта Ли, выражение которого в ходе беседы поминутно менялось, окаменело так мгновенно, что мне даже послышался щелчок.

Мы сели на Саванну этой же ночью на посадочной ракете, поскольку сам «Чизхолм» ни на эту планету, ни на другую посадить было невозможно. Я оказался на ее борту потому, что в мои служебные обязанности входило пилотирование этой разболтанной, неуклюжей, трудноуправляемой посудины. К тому же мне пришлось вести ее в полной темноте над местностью, знакомой мне в самых общих чертах, и я имел приказ посадить ее бесшумно, что практически почти невозможно на суденышке, оснащенном всего

двумя ракетными двигателями (для космоса) и двумя воздушно-реактивными (для атмосферы).

Конечно, я не намеревался использовать ракеты при посадке, а воздушно-реактивные двигатели можно было легко выключить, когда надо. Я так и сделал, но мое суденышко пошло камнем вниз по крутой наклонной. Вообще-то у него были все признаки самолета, но поверхность несущих плоскостей была чрезвычайно мала, так что приписать ему способность планировать можно было только в порядке особой любезности (проявить которую мог лишь посторонний наблюдатель, которому это ничем не угрожало).

Тем не менее я отважно попытался сладить с суденышком. В чернильной тьме я вывел его, судя по приборам, на высоту около пятидесяти футов над участком вельда, который был выбран сержантом Ли для посадки. Затем прикрыл дроссели, чтобы сбросить скорость ниже минимальной аэродинамической, и выключил их совсем, надеясь вывести наш кораблик до поверхности грунта раньше полной потери инерции.

В общем, все так и вышло, но коряво. Мы были ближе к поверхности, чем показывали приборы, так что двигатели я вырубил, наверно, всего в нескольких дюймах от грунта. Так или иначе, бесшумной посадки не получилось — визг и шипенье влажной травы, испаряющейся под полозьями нашей колымаги, мы слышали сквозь двухслойную оболочку корпуса.

К тормозам я даже не прикоснулся. У меня не было ни малейшего желания останавливаться, пока мы не откатимся как можно дальше от места, где мы наделали столько шума. Я вообще терпеть не могу шумных посадок. К тому времени, когда наш кораблик окончательно остановился, мы оказались милях в двадцати от намеченной точки посадки, и лица у всех нас были достаточно бледны — у меня, вероятно, больше, чем у остальных.

Я не против быть первооткрывателем, строго говоря, но надеюсь, что в следующий раз мне дадут лошадку попослушнее. Я даже не заметил, что высказал все это вслух, но, наверно, так оно и было, потому что следом сержант Ли кисло пробурчал:

— Надеюсь, в следующий раз, когда мне придется садиться на планете с высокой гравитацией, мне дадут пилота половчее.

Я продолжал хранить величественное молчание, как и подобает кадровому офицеру. Через несколько мгновений я услышал позади слабый ляг снаряжения — солдаты морской пехоты отстегивали привязные ремни и проверяли свой боевой убор. К этому времени я тоже счел себя достаточно оправившимся от встряски и приступил к проверке своего костюма, шлема, баллона с воздухом, огневого стерилизатора и, наконец, самого главного маленького приборчика — переносного пульта, с помощью которого мы

захлопнем нашу западню, если все сработает как надо. Пульта оказался в полном порядке, так же как и несколько реле на приборной доске, которые должны были принимать сигналы от пульта и реагировать надлежащим образом. Этими ответными действиями занимался сержант Ли; я знал, что ему можно было это доверить.

— Все в порядке, лейтенант Пфейфер?

— Вроде все. Пошли.

Я погасил все огни, загерметизировался и вслед за солдатами прошел через шлюз и прыгнул в высокую траву. Небо над нами было темно-фиолетовое, звезды мерцали на нем словно светлячки — таким зрелищем космонавту не часто приходится наслаждаться. Мне показалось, что если бы я постоял немного и глаза привыкли бы к темноте, я смог бы даже распознать несколько созвездий из тех, что лучше всего мне знакомы. Отсюда, должно быть, можно узнать Орион и угадать искаженные очертания того созвездия, в котором наблюдается наше Солнце с больших расстояний, созвездия Попугая. Вообще-то выделить созвездия в далеком космосе может только ЭВМ, невооруженному глазу видны просто звезды, несметные тучи звезд, сверкающих и недвижных...

Однако у меня хватило ума не увлекаться всякими грезами наяву при выполнении служебного задания. Я закрыл люк шлюза, включив тем самым автоматику, и прислонился шлемом к наружной обшивке послушать, включатся ли огневые стерилизаторы. Они сработали как надо, с характерным звуком — это было нечто среднее между низкой нотой контрабаса и шумом запускаемого мотора. Более или менее удовлетворенный, я пошел прочь, продираясь сквозь высоченную траву.

Как-то одиноко почувствовал я себя, ступив на чужую планету. Мой обзорный радар помогал мне не терять из вида наше суденышко и не сбиваться с нужного направления, но рядом со мной не было никого; все солдаты поодиночке расходились по радиусам, все дальше и дальше от меня. Каждый из нас должен был занять свое место на намеченном периметре.

Возможно, меня уже заметили. Если наблюдатель присел ниже верхушек травы, радар его не засечет, так что я ничего сделать не мог. А надо мной все так же полыхал звездами фиолетовый небосвод. Луны не было — мы позаботились выбрать подходящее время для высадки, но и облачности не было тоже. Если у туземцев острое зрение, как и положено быть у охотников, они легко увидят отблеск звездного сияния на моем шлеме и даже на плечах скафандра. Сильно давал себя чувствовать вес. Каждый шаг был труден, словно ноги у меня стали слоновые. И я признался

безмолвной чужепланетной ночи, что для война, готовящегося принять бой, я нахожусь не в очень хорошей форме.

Мой огневик был укреплен на скафандре. Ни при каких обстоятельствах нам не разрешалось использовать их для самообороны; впрочем, если и захотеть нарушить приказ, то пока его отцепишь, надобность в нем отпадет. Так что как оружие они были бесполезны и назначение их было одно — стерилизация скафандров при входе в корабль на случай, если откажет стационарная система огневого стерилизатора в шлюзе.

Мне показалось, что я сделал целый миллион шагов — каждый из них давался мне труднее предыдущего, и я обливался потом, — пока мой экран кругового обзора показал мне, что я прошел положенные две с половиной мили. Я переключил радар на ретрансляцию и увидел картину, наблюдаемую локатором нашей посадочной ракеты. Несколько всплесков по кругу могли означать наших солдат. Когда локатор показал мне дальнюю сторону круга, за ракетой, там некоторые солдаты еще продолжали шагать к намеченному рубежу. Меня это обрадовало — сам не знаю почему...

Наконец, все добрались до своих мест, и каждый всплеск, один за другим, вспыхнул красным огоньком — это они переключали на себя ретрансляцию, и, значит, теперь каждому стало ясно, где находятся остальные. Я посчитал их... десять, одиннадцать и, считая меня, двенадцать. Порядок!

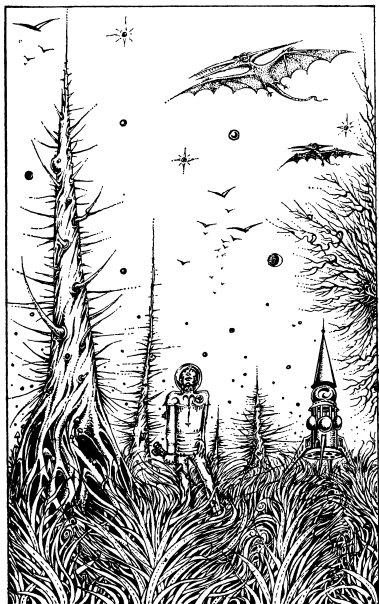
Пока туземцев не было ни видно, ни слышно. Но они были тут, и мы к этому приготовились. Радар их не обнаруживал, глаза и инфракрасный снайперский прибор мне тоже не открывали ничего, кроме глубокой ночи и волнующегося моря травы. Но доктор Рош заверил нас, что они будут тут, а теория игр проникает сквозь мглу стратегической неизвестности лучше любого наблюдательного прибора, живого или неживого. Я включил индивидуальный сигнал опознавания, мой всплеск на экране на мгновение вспыхнул зеленым, и в ответ мне все остальные замигали зелеными огоньками. Они приняли мой сигнал.

Настал момент поглядеть вокруг своими глазами. Я включил один из тумблеров на своем пульте, и в центре нашего круга возник белый, почти нестерпимо слепящий корпус нашего корабля, а над ним — три мощные осветительные ракеты, рвущиеся в небо.

И тут я увидел аборигенов.

В течение трех секунд, пока светились ракеты, они сидели, замерев на своих шестиногих «скакунах», стиснув коленями их

бока, непропорционально длинные туловища их были напряжены, длинные лысые головы откиннуты назад, взгляд устремлен на сияющие ракеты. Мохнатые коричневые животные с хищными клюво-видными мордами, на которых они сидели, тоже глядели в небо, вытянув свои длинные как у верблюдов шеи.

В моем секторе круга их было четверо. Один был так близко, что я сумел даже разглядеть слабый зеленоватый оттенок на его яркой темно-красной коже. Ноги его были обнажены, но туловища прикрывала грубая ткань, стянутая металлическим поясом, на котором были отчетливо видны вычеканенные изображения, похожие на тотемистические эмблемы.

Конечно, я не могу поручиться за точность красок, увиденных мной. Свет у ракет, как известно, слепящий и неестественный, да к тому же я слишком долго был в полной темноте. Но так или иначе, необычная окраска кожи туземца запечатлелась у меня именно такой, как я ее описал.

Еще я заметил у него арбалет, заряженный и взведенный, и колчан, полный толстых стрел. Стоило ему только оглянуться, и он увидел бы меня всего в десяти ярдах, неподвижно прикованного к земле словно снежная баба...

Но ракеты догорели и упали, оставив белые дымовые следы, извивавшиеся и вытянувшиеся почти горизонтально в тепловом потоке реактивных струй. Ровно через три секунды вспыхнули все прожекторы нашего кораблика.

Длинные, округленные головы мгновенно пригнулись. В то же мгновение их «лошади» издали истошный рев и взвились в прыжке так высоко, что сначала показалось, будто они летят. Они атаковали наш корабль, не помедлив ни секунды. Это было странное, невообразимое, потрясающее зрелище. Их шестиногие, чем-то похожие на лам, «кони» мчались во весь опор; казалось, они просто парят над травой, то взвиваясь, то немного опускаясь плавно и волнообразно, словно их нес на своих крыльях ночной ветер. Туземцы уверенно сидели на их спинах, как раз над средней парой ног, опираясь на короткие стремени, но без поводьев. Ничто не связывало их с яростно ревушими головами их «коней». Посадка их была настолько прочной, что всадник и зверь сливались в одно существо из какого-то страшного мифа — два кентавра, сросшиеся напоподобие сямских близнецов. Обязанность переднего из них — скакать и реветь, заднего — метко стрелять из арбалета. Скачка была великолепна, рев — устрашающ, а стрелы — стрелы все попадали в цель.

Первым они поразили один из прожекторов по правому борту, за ним — второй. Еще несколько секунд мне было видно двух всадников в моем секторе в отраженном свете прожектора левого

борта, но затем погас и он. Немного больше времени они потратили на вращающийся прожектор, укрепленный наверху корпуса. Он был расположен немного впереди вертикального стабилизатора, и поразить его было труднее — его защищали и само вращение и кривизна корпуса. Но они разбили и этот прожектор, хотя им пришлось повозиться. Каждый раз, как его луч отворачивал в сторону, они стреляли по его валу, пока не заклинили его, а когда он перестал вращаться, в упор одной стрелой разбили его ведребезги.

Кромешная тьма. Нет, хуже тьмы, потому что она была заполнена плавающими как амёбы фиолетовыми остаточными изображениями на сетчатке...

Я остался стоять, где стоял, и мне казалось, что я врос в грунт чуть ли не до пояса и не могу сдвинуться. Когда я решил, что смогу разобрать что-нибудь на своем экране, я включил ретрансляцию, хотя был почти уверен, что не смогу засечь никого из туземцев — они все сейчас в «мертвом пространстве», близ корпуса. Но я вообще не получил никакого кругового обзора с корабельного радара. Видимо, они сбили и антенну тоже, как только подошли поближе и увидели, что она вращается. Раз она крутится — стреляй в нее!

Пришлось ждать. Больше ничего не оставалось делать. Пока что прогноз доктора Роша оказался верным, во всяком случае в основных чертах, так что следующий этап придется начинать строго через определенное время, по часам.

После прекрасной ярости атаки это второе ожидание казалось просто бесконечным. Мне приходилось раньше участвовать в боевых схватках, где было больше и опасности и дела, в схватках, где я был вынужден защищать свою жизнь и защищал ее, но ничего похожего на эту атаку аборигенов Саванны я не видел — и не надеюсь увидеть.

* * *

А в глазах все продолжали плавать фиолетовые пятна. Вдруг на одном из них дрожащими белыми буквами отпечаталось слово «конестога». Я даже зубами закрипел. Привязалось ко мне это название, сил моих нет. Нельзя слишком далеко распространять аналогию, как сказал д-р Рош. Хуже всего то, что никто из состава нашей экспедиции и не помышлял ни о каких аналогиях. Просто кто-то не очень удачно пошутил, и шутка оказалась трагически уместной...

Мои часы дали сигнал. Время поворачивать назад. Казалось, целая вечность прошла, пока ко мне вернулась способность видеть звезды. В полумиле от нашего судна мне с неохотой пришлось

снова отказаться от созерцания неба — я коснулся кнопки на моем пульте, и вверх взвилась четвертая осветительная ракета.

Большинство шестиногих «коней» мирно паслись. Два туземца стояли на страже снаружи, держа своих скакунов один у носа, другой у входного люка. И тут я прикоснулся к пульту в третий раз. Судовая сирена, включенная мной, завывала вибрирующим воем децибел на двадцать, и все шестиногие кони мигом сорвались и унеслись за горизонт, словно их катапультировали. Мне это не совсем понравилось. Уж не ошибся ли малость д-р Рош, черт возьми!

Но пока все было в порядке. Шестеро туземцев были уже внутри судна, как мы и ожидали, и крепко заснули, усыпленные газом по моему сигналу, как и их часовые, которых морская пехота уложила газовыми гранатами. Конечно, внутри гости принялись все крушить, но их за люком встретили несколько весьма активных кукол-автоматов, которые были предусмотрительно поставлены д-ром Рошем. Ни на что другое у них времени не хватило; они так и остались в камере-ловушке, специально собранной для их размещения и изолированной от стерильных отсеков корабля. Мы аккуратно уложили их, как нам было предписано, закрыли герметическую дверь и наружный люк и пошли через другой люк и шлюз к себе, предварительно прокалив свои костюмы огнем стерилизатором.

Впрочем, пользы от этой стерилизации было мало. Во внутренней обшивке торчали шестьдесят четыре головки стрел. Видно, мало кто из туземцев промахнулся... Мы срезали головки и наложили пластыри поверх их; но все равно на «Чизхолм» нам пришлось возвращаться, не снимая скафандров. Герметичность отсеков судна мы восстановили полностью, но в гнотобиотическом смысле оно было безнадежно разгерметизировано.

Мы латали эти пробоины весь остаток ночи и чуть было не прозевали расчетное время старта для рандеву, но д-ра Роша это, похоже, ничуть не тревожило.

Нашу посудину он приказал уничтожить, сняв с нее только камеру с туземцами. Я подозреваю, что он с самого начала именно так и решил сделать. Мне-то было не жалко. Я ненавидел эту «конестогу». Беда со мной в одном — я не могу забыть ее, точнее — это название. Глупо, конечно, когда память о большом деле омрачается какой-то мелочью. Но я ничего не могу поделать. Да и не такая уж это мелочь... Когда мы, наконец, проделали все процедуры стерилизации и дезинфекции, предписанные Рошем, и меня с сержантом Ли впустили в рубку управления, он только буркнул нам что-то невнятное. Он просматривал фильмы — и, видно, уже не в первый раз, хотя когда он успел их подготовить,

просто непонятно. Вид у него был, прямо скажу, невеселый. Капитан Мотлоу тоже был явно озадачен и раздосадован. Они были слишком заняты, и им было не до нас, я обиделся, а лицо сержанта Ли начинало все больше и больше походить на снеговую шапку гор Митчелла на Марсе.

— Что-то здесь не ладно,— пробормотал наконец д-р Рош себе под нос,— никак не пойму, в чем загвоздка.

— Все исполнено согласно плану,— сухо сказал Ли.

Ему явно показалось, что его критикуют.

— Да-да, я не о том. Там все было в порядке. Они реагировали на стимулы, как и следовало ожидать от народа их уровня культуры. Уравнения теории игр не подводят, когда хватает данных по всем параметрам.

На физиономии сержанта Ли появилось выражение, какое и должно появиться у служки корпуса морской пехоты, когда его роль в боевой операции низводится до какого-то параметра в уравнении. Рош, конечно, ничего не заметил.

— Нет, поведение их тут ни при чем. Мне непонятно что-то другое. Вся беда в том, что я никак не ухвачу, что именно.

В рубку вошел д-р Биксби. Рош повернул голову от экрана.

— А-а, это вы. Вы наблюдали за ходом операции. Скажите, вы не заметили чего-нибудь — ну, странного, что ли? Не хотите посмотреть фильм?

— Нет,— сказал д-р Биксби, загадочно улыбаясь.— Я знаю, о чем вы говорите, и могу ответить на ваш вопрос. Я только что осмотрел наших пациентов. Они пришли в сознание и чувствуют себя хорошо, так что как только вы будете готовы говорить с ними...

— Я готов,— сказал д-р Рош, вставая со стула.— Но я хотел бы все-таки узнать, что именно я упустил из виду. Объясните, пожалуйста.

— Проблема эволюции,— сказал док Биксби.— Мыслимы ли такой путь эволюции, такие мутации, при которых на одной и той же планете могут существовать одновременно четвероногие и шестиногие позвоночные?

Рош был ошеломлен. Он испустил глубокий вздох, помолчал и наконец произнес:

— Вот оно что. Это меня и сбивало с толку. Я смотрел и не видел. Длинные торсы! У них под одеждой рудиментарная средняя пара конечностей! Так ведь?

— Да. Только не рудиментарная, а вполне функционирующая.

— Любопытно. Ну, я очень рад, что все прояснилось. Я боялся, как бы не открылось что-нибудь существенно влияющее на нашу программу.

— Открылось,— сказал док Биксби все с той же странной

улыбкой на лице. Рош метнул на него подозрительный взгляд и поспешил в камеру, где были туземцы. Биксби и Ли последовали за ним.

Я задержался в рубке. Мне все равно предстояло рано или поздно рассчитать орбиту отрыва от Саванны, и я решил, что можно заняться этим сейчас. Работы хватало как раз на то время, пока Рош будет изучать язык туземцев. Современная эвристика позволяет изучить совершенно незнакомый язык примерно за восемь часов, но эта чертовски кропотливая и нудная процедура — тяжкое испытание для изучающего и абсолютно нестерпимое зрелище для праздного наблюдателя.

Капитан Мотлоу весьма подозрительно поглядывал на это необычное для меня проявление предусмотрительности, но меня на сей раз это не занимало. Открытие дока Биксби может и разрешило недоумение доктора Роша (хотя глядя на физиономию Биксби, я почуял, что Роша обязательно ожидает еще один конфуз), но, увы, не избавило меня от назойливого словечка, которое никак не уходило из моей памяти. Я говорю, конечно, опять о «конестого».

Как я уже упоминал, это название появилось случайно, без всякой связи с операцией на Саванне. Обычно корабельные высадочные суда либо вовсе не имеют названий, либо носят название своего корабля-матки. Но во время первого испытательного рейса «Чизхолма» один из младших офицеров пошутил насчет «тропы Чизхолма»¹, а другой тут же вспомнил про «конестого» — тип фургона, специально созданный для переходов по западным прериям, с большими колесами и широкими ободьями, рассчитанными для езды по рыхлому грунту. А высадочное судно рассчитано для удобства управления в атмосфере, а не в вакууме. Оно больше смахивает на самолет, чем на космический летательный аппарат. И им пришлось в голову назвать нашу посудину «Конестогой». Потом эта кличка всем надоела, как надоела избитая шутка, которая лезет в голову всякий раз, когда на глаза попадаете вполне заурядный предмет. О ней забыли. И вот вдруг она вспомнилась мне.

Я пытался понять, что именно меня тревожит, какая ассоциация с этим словом? Кстати, название нашего корабля не связано вообще с «тропой Чизхолма». Его называли в честь первого и, вероятно, самого выдающегося директора Всемирной медицинской ассоциации. И конестого тут вообще ни при чем. Но это не все,

¹ «Тропа Чизхолма» — один из маршрутов, по которым шли фургоны переселенцев в период освоения «Дальнего Запада» США в XIX в. — (П р и м. л е р е в.).

есть что-то еще. И я, как и д-р Рош, никак не мог ухватить, в чем же здесь загвоздка.

А если бы и ухватил, что я, собственно, мог бы сделать? Я ведь не доктор Рош, а всего только астрогатор. Впрочем, и Рош тут ничего бы не сделал со всей своей теорией игр. Слово, которое тревожило меня, относилось к слишком далекому прошлому, а котором ничего уже исправить нельзя...

Так думалось мне в тот момент, но я, как и большинство людей, недооценивал живучесть прошлого — то единственное, что поэты пытаются вдолбить в наши безмозглые головы с тех самых пор, как были изобретены слова.

Все узнаем из слов, а знаем лишь одно,
Что повторяется история нередко.

Связь этих строк с тем, что произошло на Саванне, пришла мне на ум много позднее, когда во время одной из моих «рабочих пауз», посвященных чтению, эти стихи попались мне на глаза.

Пока же мне оставалось только отбросить назойливую мысль о констоте и продолжать мои расчеты.

Я так погрузился в работу, что прозевал свисток, приглашавший пожевать чего-нибудь. Капитану Мотлоу пришлось посылать за мной вестового.

Терпение у доктора Роша было просто феноменальное, особенно если принять во внимание, как подпирали его сроки. Но он добился своего, и как только смог начать разговаривать с нашими пленниками, сразу же попытался разъяснить им, какова ситуация. Оказалось, однако, что у них нет ни малейшего желания верить его словам.

Да и трудно было осудить их за это. Их заманили в какую-то лоханку. Правда, Рош постарался обеспечить в ней все их потребности, какие только мог предусмотреть, но все равно обстановка не только слишком резко отличалась от знакомой им среды, но просто была для них за пределами мыслимого. А Рош был для них огромным лицом на светящейся стене — лицом, похожим на лица тех демонов, которые принесли с собой мор их народу, только очень уж большим и с зычным голосом, который звучал неизвестно откуда. Рош позаботился, чтобы никто из нас — так сказать, демонов-ассистентов, — не попал в поле зрения телекамеры, но это не помогло. Туземцы уже решили, что их уволокли не иначе как в преисподнюю. Они стояли, скрестив свои верхние пары рук на узкой груди и с мрачной гордостью глядели в лицо архидемону, ожидая страшного суда. Правда, они вступили в диалог с этим потусторонним существом, что позволило Рошу немного освоить их язык, и даже назвали свои имена. Они выпалили их

несколько раз трескучей скороговоркой по очереди, каждый раз в одном и том же порядке:

— Укимфаа, Мвензио, Куа, Джуа, Найе, Атакуфаа, Куа, Мауа.

Д-р Рош что-то коротко сказал им, получил в ответ молчание и выключил экран, отирая лоб платком.

— Упрямые черти. Я ожидал нечто подобное, но... Никак не могу следить с ними. О детях говорить не хотят.

— У двух одинаковые имена,— заметил док Биксби.

— Да, почтеннейший. Они все родня. Клан и одновременно боевая единица. «Куа» означает «если-то», то есть связь друг с другом по крови и по долгу. В этом-то и вся трудность.

— А другие имена тоже имеют какой-то смысл? — спросил я.

— Конечно. Типично для этого уровня общественного развития. А все вместе они составляют функциональную боевую единицу. Но у меня слишком мало данных, чтобы разобраться в характере их взаимных связей. Будь у меня такие данные, я мог бы сообразить, кто из них старший и сосредоточить все внимание на нем. Пока что я могу уверенно сказать только одно — ни один из Куа не может быть вожаком; тут, видимо, только скрещивание линий двоюродного родства.

Я чуть было не подавил в себе следующий вопрос, который у меня возник. Но Рош был явно в замешательстве, и я решил, что не поврежу ничему, если подбавлю малость шума.

— А не может она иметь грамматическое выражение? Я имею в виду связь между ними.

— Что? Чепуха! Не та культура... Г-м... Постойте-ка! С чего вдруг вы задали такой вопрос, Ганс?

— Да потому, что каждый раз они называли себя в одном и том же порядке. Вот я и подумал, если имена их являются значащими словами, может из них складывается предложение, имеющее определенный смысл.

Рош прикусил губу и помолчал. Потом сказал:

— Верно, черт возьми. Есть смысл. Правда, предельно лаконично выраженный. Погодите-ка минуту...

Он подтянул к себе блокнот и принялся очень медленно, с крайним напряжением, писать. Потом долго глядел на написанные им слова.

— Вот: «Дождливый сезон (кто-то) помощь (ему) если-то сухой сезон (может быть) ты». Господи, это же...

— Золотое правило,— тихо сказал Биксби.— Теория игр, первая теорема ненулевой суммы.

— Больше того... Впрочем, нет, не больше, а важнее для нас! Все слова связаны между собой. Это невозможно передать на на-

шем языке — язык саванна отличается сильно развитой флективностью. Каждое из восьми слов находится в весьма точной иерархической связи с остальными семью. В уникальной грамматической позиции находится слово «помощь», все остальные дублируются либо по смыслу, либо по грамматической функции.

Он перевел дух и решительным щелчком включил экран.

— Мвензио! — крикнул он в микрофон.

Одно из существ с длинным трубчатым торсом мгновенно распрямилось и шагнуло вперед, гордо откинув пулевидную голову.

— Мпо-кусейя! — громко сказала оно и смолкло.

— Что это означает? — шепотом спросил Биксби за рамкой экрана. Это было грубым нарушением предписания Роша, но тот и сам не сумел сдержаться и шепнул в ответ:

— «Меня не сломить» — вот что это значит.

Туземец и посланец ЮННРА пристально смотрели в глаза друг другу, словно они стояли лицом к лицу, а не перед телеэкранами. Рош начал говорить, и тут, наконец, прорвалось все напряжение, которое он испытывал.

Я сомневаюсь, сумел ли бы я понять диалог между ним и Мвензио, даже если бы и знал язык, но теперь, из записей, я знаю его содержание:

— Воин, я требую, чтобы ты, ради любви к своим детям, выслушал меня. Мы пришли в этот мир не карать. Мы принесли помощь.

— Это мое имя, демон.

— Так пусть имя твое обяжет тебя ради детей твоих, которые, может быть, станут вождями.

— Я в плену. Волшебство есть волшебство. Против него у меня оружия нет. Но дети мои не в твоей власти и никогда не будут.

— Заверяю тебя смыслом имени твоего, что не добиваюсь этого. Я пришел только исправить зло, содеянное мной здесь.

Капитан Мотлоу и док Биксби оцепенели, услышав, что Рош принимает на себя вину первой экспедиции, но Рош уловил их реакцию и отмахнулся решительным жестом, постаравшись, чтобы это не было видно на экране.

— Как мне называть тебя? — спросил Мвензио.

— Называй меня Мботе (Жизнь).

— Ты не лжешь?

— Я не лгу, Мвензио.

Мвензио долго молчал, стоя неподвижно и опустив голову. Наконец он произнес:

— Говори мне, Мботе, твой слуга слушает.

— Слушай же и верь мне, потому что времени у нас мало.

Мы освободим тебя и твоих сородичей, и вы передадите мои слова кланам и племенам. Вы должны убедить своих вождей, что те, кто принес вам смертельный мор, вернулись сюда с лекарством. Но исцеление придет, только если вы все сделаете так, как мы скажем. Самое главное — лечение нужно начать сейчас, пока дети еще не родились. Лучшее всего будет, если все матери, все, кто только сможет доехать, приедут туда, где мы вас высадим.

— Мы вот приехали, — сказал Мвензио. — Только уже поздно.

— Не может быть. Во всяком случае, не для всех. Если мы поспешим...

— Никто не может спешить назад, — сказал Мвензио и быстрым движением коротких рук, скрещенных над головой, стянул с себя грубо сшитую тунику и бросил ее на пол. Без всякого сигнала остальные семь воинов одновременно проделали то же самое.

У каждого из них на сложенной у узкого живота средней пары конечностей копошилось от шести до восьми крохотных детенышей, карабкаясь друг через друга в слепой, инстинктивной борьбе за право прилечь к материнскому соску. Размером они были с бурундучков.

— Мы и есть матери, — сказал воин. — А вот наши дети. Они уже родились. Если еще не поздно, мы вверяем их тебе, Мботе. Исцели их.

Все знать не дано никому. Сведения, которые привезла с Саванны уцелевшая часть первой экспедиции, были довольно полные — во всяком случае они позволили дру Рошу записать почти все параметры в его уравнения. Но только почти. Первая экспедиция пробыла на Саванне слишком мало времени, чтобы обнаружить, что у аборигенов шесть конечностей, не говоря уже о том, что все воины у них — женщины. Мы тоже были не без греха, а больше всех — док Биксби. Он первый установил важнейшие биологические особенности аборигенов и помалкивал ради примитивного и глупого удовольствия полюбоваться, как поблуднеет Рош, когда вскроется истинная картина.

Признаюсь, что не раз во время операции на Саванне я ловил себя на желании устроить Рошу что-нибудь подобное, но не могу понять, как наш доктор позволил подвести себя — и всех нас — так близко к катастрофе. Меня Рош просто раздражал своей всеобъемлющей ученостью; Биксби же, видимо, по-настоящему ненавидел его.

Биксби уже нет в живых, так что уточнять теперь все это не у кого. К счастью для него, тогда у него за душой было кое-что, кроме собственно «сюрприза», иначе он был бы списан из состава.

ва экипажа «Чизхолма» по возвращении на Землю, да и вообще мог лишиться врачебного патента. Но он позволил себе только одну-две секунды насладиться потрясенностью и отчаянием д-ра Роша, а затем сказал громко и отчетливо:

— Все в порядке. Физически детеныши уже родились, но биологически они еще с месяц будут связаны с организмом матери.

— Что? — переспросил Рош. — Черт возьми, Клайд, вы за это поплатитесь. Если бы вы сказали раньше...

— Я сказал своевременно, — спокойно ответил Биксби, хотя неприкрытая ярость в голосе Роша все же заставила его отшатнуться. — Детеныши эмбриологически еще не созрели, только и всего. С точки зрения их развития, они еще нерожденные плоды. Судя по всему, они извергаются из утробы, как только начинают управлять своей мускулатурой, и вползают на средние конечности матери, где и дозревают до «срока» — наподобие сумчатых на Земле. Я предположил это, как только понял, что у них должно быть два функциональных тазовых пояса. Если они предназначены служить опорами для двух пар задних конечностей — а первоначально так оно и было, о чем можно судить по их «лошадям», — то естественный баланс прочности не позволит им быть одновременно достаточно гибкими, чтобы допустить рождение детенышей, выношенных до конца. Вот я и предположил, что они рожают очень рано и донашивают детей до срока вне утробы. Они, вероятно, рожают больше детенышей, чем могут выносить. Наиболее слабые просто не добираются до своей колыбели — средних конечностей, отпадают и погибают. Неплохая система естественного отбора (жестокая для детенышей, но благотворная для расы). Каждые роды — эволюция.

— Очень похоже на сумчатых, — проговорил Рош глухо и спокойно.

— Что я уже отметил.

— А что дала сумчатым эволюция? Опоссумы и кенгуру — общеизвестно мало жизнеспособные животные. Они отбрасывают своих слабых детенышей таким способом миллионы лет, ну и что? Они ничуть не лучше приспособлены для выживания, чем раньше. Впрочем, ладно — этого-то мы изменить не можем. Я хочу знать вот что: можем мы еще иммунизировать этих детенышей? Можем мы считать их нерожденными в этом смысле? Короче говоря, Клайд, теперь, когда вы вполне усладились вашей шуткой, есть ли еще у нас время? Я дал обещание. Сумею я его сдержать?

— Я не хотел... Да, конечно, сумеете. Я взял кровь и проверил титры антител у одного из детенышей, сразу как их обнаружил. Пока они не «родились», они иммунны; они получают нужные бетаглобулины из молока матери. Вы можете их спасти.

— Не благодарю вас,— сказал Рош резким, колющим шепотом.

— Да, конечно,— сказал Биксби.— Полагаю, не за что. Могу сказать одно — если бы было уже поздно, я бы предупредил вас до того, как вы что-либо обещали. А сейчас у вас еще есть время.

В камере воины протягивали своих детей к экрану.

В конце концов все завершилось благополучно. Ко времени нашего отлета с Саванны заболеваемость резко упала, и Рош в обнимку со своей ЭВМ пришли к убеждению, что в самое ближайшее время болезнь утратит характер серьезной пандемии. Полностью искоренить ее, конечно, не удастся. Вирус обосновался в столь большом числе живых клеток, что будет переходить от поколения к поколению, защищенный в своей внутриклеточной среде от возможной концентрации антител, циркулирующих во внеклеточных соках тела. Но именно эта хроническая инфекция будет поддерживать высокие титры антител, что помешает вирусу вызывать открытую форму заболевания. Иммуитет будет продолжать действовать, чего мы, собственно, добивались и добились.

Вот и вся история с Саванной.

Добавлю к этому: я, наконец, понял, что меня тревожило все время в слове «конестога». Оказалось, что это вовсе не бред, и не причуда. В то мгновение, когда я вскрыл пакет с новым предписанием и обнаружил, что снова назначен астрогатором на «Чизхолм», это вдруг возникло у меня в мозгу во всей своей неотвратимо устрашающей, отталкивающей реальности.

Я вспомнил в это мгновение, что именно фургоны «конестога» занесли к индейцам туберкулез...

А в предписании далее значилось, что «Чизхолм» вновь отправляется на Саванну...

Перевел с английского
Я. Берлин

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ревич. От каких болезней лечит фантастика!	3
Р. Блок. Во веки веков и да будет так! Перевела с английского Е. Ванслова	7
М. Дж. Коуни. P/26/5/ПСИ и я. Перевела с английского Е. Ванслова	24
П. Леви. Версамин. Перевел с итальянского Л. Вершинин	40
Ф. Гарсна Павон. Переволох в царстве Морфея. Перевел с испанского Р. Рыбкин	48
Г. Гаррисон. Отверженный. Перевел с английского Ю. Эстрин	54
Т. Стэрджон. Дело Верити. Перевела с английского И. Эпштейн	79
Р. Брэдберн. Рубашка с тестами Роршаха. Перевел с английского Р. Рыбкин	97
У. Моррисон. Перевалочная станция. Перевел с английского Я. Берлин	109
Л. Дансенн. Средство доктора Кейбера. Перевел с английского Р. Рыбкин	125
К. Ф. Шенисс. Конфликт законов. Перевел с французского Л. Токарев	129
Г. Слизар. Лекарство. Перевела с английского Н. Кузнецова	135

С. М. Корнблат. Черный чемоданчик. Перевела с английского М. Дмитриева	141
У. Тенн. Недуг. Перевела с английского Н. Галь	164
К. Энвил. Небывалый расцвет интеллекта. Перевела с английского Э. Башилова	187
Р. Силверберг. Торговцы болью. Перевела с английского Л. Этуш	205
Д. Блиш. Операция на планете Саванна. Перевел с английского Я. Берлин	214

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 17

Составитель Р. Л. Рыбкин

Редактор Н. М. Краснопольская

Художник Д. М. Утенков

Худож. редактор М. А. Гусева

Техн. редактор Ф. Е. Ривилис

Корректор Н. Д. Мелешкина

Индекс заказа 67729,

Сдано в набор 27/1—76 г. Подписано к печати 1/VII—76 г. Формат
бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 3,75. Печ. л. 7,5.
Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 16,20. Тираж 100 000 экз. Издательство
«Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ
№ 6—390. Цена 95 коп.

Главное предприятие республиканского производственного объедине-
ния «Полиграфкинг» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Довженко, 3.

95 коп.